

Никита Симонян
ФУТБОЛ - ТОЛЬКО ЛИ ИГРА?

«Молодая гвардия», 1989 г.

ФУТБОЛ - ТОЛЬКО ЛИ ИГРА?

Только игра, был уверен мой отец, причем игра хулиганская. И никто не смог бы его разубедить, потому что в углу стояли мои разбитые - «Опять разбиты?!» - ботинки. Не хотел он понять, что за сила выдувала меня из дому и несла на сухумскую мостовую, камней которой не выдержали бы ни одни ботинки на свете.

Действительно, что за сила? Очень многие пытались разобраться в магии футбольного мяча. И многие книги о футболе, о жизни в футболе начинаются с поиска ответа на вопрос: почему миллионы людей так любят играть в футбол, сотни миллионов - смотреть, болеть?

В чем же таинственная магия футбола? В мужественной спортивной борьбе одиннадцати игроков, объединенных в одно целое? В неожиданных взлетах и спадах команд? В непредсказуемости матчей? В остроумии финтов и неотразимых голах?

«...Мы любим эту увлекательную спортивную игру, полную внутреннего драматизма и яркого зрелищного действия. Мы любим эту игру, требующую одновременно и стремительного мужества и хитроумного расчета, изощренной личной техники и безоговорочного слияния с коллективом соратников, изобретательной неожиданной выдумки и строжайшей дисциплины, мгновенного порыва и длительной волевой выдержки, сильных мышц и тренированного характера», - писал Лев Кассиль, заразивший футбольным азартом не одно поколение мальчишек. И до войны, и после войны зачитывались они его «Вратарем республики», подражая Антону Кандидову, и сейчас зачитываются. Все по-разному признаются в любви к футболу. И какими лиричными бывают эти признания!

«Красота футбола вот в чем: в ясном голубом небе раннего лета, когда сочно и опьяняюще пахнет свежая зелень, и трава промыта недавним дождем, и скамейки еще не совсем просохли, и мы подстилаем газеты и садимся, и футболисты с белыми, еще не загорелыми ногами, в ярких футболках, первые минуты поскользываются на сырой траве, но потом все налаживается, игра идет ни шатко ни валко, по-весеннему, кто-то забивает случайный гол, и зрители шумят и аплодируют, взлетает вверх голубь, кто-то свистит, и вратарь в кепке с большим козырьком лениво разбегается, бьет по мячу, и гулкий кожаный стук разносится далеко и четко...

«Снова весна», - говорит художник, глядя на обнаженную землю с рыжей и влажной прошлогодней листвой.

«И снова любовь», - говорит девушка, которой надо готовиться к экзамену по теории права.

«И снова футбол», - говорит человек, купивший зонтик в магазине, и радуется неизвестно чему».

Так пишет Юрий Трифонов.

А Ильф и Петров, не изменяя своей ироничной манере, утверждают в «Честном слове болельщика», что «каждый хвалит тот вид спорта, которым увлечен». И тут же рисуют картину всеобщего преображения, начинающегося сразу, как только на большом травяном поле стадиона «Динамо» раздается «хватаящий за душу томный четырехзвучный судейский свисток», извещающий о начале большого футбольного матча. Помните? Теннисист, забыв про свои «получемберленовские» манеры, про любимые белые штаны с «неувядаемой» складкой, цепляется за поручни трамвая, становится барсом. Оказывается, под его внешней оболочкой бьется честное футбольное сердце. Поспешают на стадион «ревнители городошной идеи», и «толстяки, манипулировавшие буферными тарелками», поднимают целые трамваи, чтобы поскорее попасть на трибуну... А трибунами овладевал «футбольный дух единства».

Кажется, все сказано о любви к футболу. И в то же время далеко не все. В чувствах у каждого все свое. И если б спросили меня... Впрочем, это не интервью, моя книга, и я сам могу задавать себе вопросы. С возрастом делаешь это все чаще и чаще. Что же такое для меня футбол? Могу ответить: прожив шестьдесят лет, многое бы отдал за то, чтоб «томный» судейский свисток звучал для меня не как для тренера, не как для нынешнего начальника сборной команды страны, а как для игрока.

Многое бы отдал за гудящие трибуны, за ободряющий крик «Никита, давай!». За общее ликование всех товарищей по команде: «Победили, победили!» За славу. Не боюсь, не стесняюсь этого сказать: естественно стремление человека к успеху, к признанию. Ходить в середняках - это не мечта для спортсмена.

Сейчас на футбол смотрю уже не теми глазами, что в пору юности, когда начинал. Сейчас понимаю, насколько это высокое искусство и что овладеть им можно с большим совершенством, чем владел когда-то. Нынешнюю бы мудрость да на прежние быстрые ноги!.. Но всему свой черед.

Многие интересовались, почему я до сих пор не написал книгу. Говорили, что уже тридцатилетние итожат свою жизнь в футболе печатными трудами. «Так разве вам не о чем вспомнить, не о чем рассказать?» А мне все

казалось, что о футболе уже достаточно написано. Что нового скажу? Но потом начинал яснее понимать, что опыт каждого человека неповторим, и у каждого свой взгляд на одни и те же события, а интерес к футбольным событиям всегда велик.

Эта книга о футболе. И не только о нем. О прожитом, о людях, которые играли и играют в моей судьбе заметную роль, оказали влияние на мое становление, развитие. Книга о тех поступках, о которых я ни тогда, ни после не жалел. И напротив - о тех, что вспоминаю с неудовольствием и горечью. О везении и невезении. О трудностях и преодолении их. О выборе, который каждый человек вынужден делать постоянно, и о том, чем он руководствуется, выбирая. Жизнь нельзя прожить заново, но нельзя, наверное, и жалеть о прожитом. Пусть читатель делает свои выводы.

Размышляя обо всем этом, тешу себя надеждой, что мой рассказ будет интересен не только тем, кто видел меня на футбольном поле, кто болел за меня как за игрока, а потом и за тренера, но и тем, кто еще не родился в ту пору, когда я уже заканчивал играть.

ХОЧУ ИГРАТЬ

Не могу похвастаться привычкой вести путевые дневники. Но вот от давней поездки в Южную Америку осталась маленькая записная книжка. Я разыскал ее в кипе старых журналов, газетных вырезок - собирал все, что писали о родной команде, - чтобы заглянуть в один из самых, пожалуй, трудных своих дней. Хотя и помню его, да время, как известно, сглаживает переживания. А каково мне было тогда?

Хрупкие страницы, полустертые карандашные записи возвращают к сезону 1959 года. Неудачно он сложился для «Спартака». В 1958-м мы стали чемпионами страны и выиграли Кубок. И вдруг после побед наступила полоса поражений. Правда, мы очень хорошо сыграли против СКА Ростова, где в то время выступали великолепные футболисты: Виктор Понедельник, Олег Копаев... Выиграли 3:1 в нашем чисто спартаковском стиле, показав хорошую игру, но это была, как говорится, лебединая песня. Дальше снова нас ждали неудачи.

Не стоит объяснять, какое настроение было у тренеров, у игроков. Единственная радость - предстоящая поездка в Бразилию, Уругвай, Колумбию, где мы должны были встретиться с клубными командами. Хотелось и побывать в незнакомых странах, и, главное, вновь увидеть ошеломлявший всех тогда бразильский футбол, да еще на родной его земле. Может, удастся понять, на чем и как произрастают талант, мастерство бразильских футболистов.

Словом, ждали встреч. В связи с этим вспоминается печально-смешной эпизод, который чуть было не стоил Сергею Сальникову поездки. В двусторонней игре кто-то ударил его в нос, и представьте картину: игрок со свернутым набок носом, падая, кричит: «Как же Южная Америка?» Мы подбежали: «Сергея, о чем ты думаешь, о какой Америке? У тебя нос на боку!»

С поля его увезли в больницу, а возвратившись, он с гордостью рассказывал:

- Нос мне вправляла сама Зоя Сергеевна Миронова.

Уже в ту пору доктор Миронова, маг и волшебник, была знаменита. Справлялась с такими сложными вывихами и переломами, что ее вполне можно считать соавтором многих спортивных рекордов. Но тут Серегин нос нас несколько озадачил:

- Он же был прямой и красивый, - осторожно высказывались мы, - а сейчас кривоват.

- Пожалуй, действительно, кривоват, - всматривался в зеркало Сергей. - Но это даже лучше для путешествия: так я похож на гангстера...

И вот летим. Посадки в Париже, Севилье, Дакаре, и еще двенадцать часов полета через океан. Долог был путь - не нынешние скорости.

В Рио-де-Жанейро нашу команду поселили в отеле «Люксор» на Кобакабана, красивейшем месте города: берег океана, шестикилометровый песчаный пляж, отели, как корабли. Нас сразу же окружили журналисты. Расспрашивали они, и расспрашивали мы, посягая на их привилегию задавать вопросы.

«Нас, естественно, интересовало все о бразильском футболе, о сборной, о том, что делают в настоящее время футболисты, с которыми мы встретились на поле во время чемпионата мира в Швеции, - записывал я вечером первого дня. - Мы расспрашивали и о процедуре продажи игроков иностранным клубам. Оказывается, львиную долю от этой сделки получает клуб.

Так, за знаменитого Диди клуб «Ботафого» получил 120 тысяч долларов, а сам он - 25 тысяч».

И сейчас идет продажа футболистов, только цены другие - выше!

Мы, помню, спросили, как же получилось, что клуб продал Диди, такого игрока? Нам объяснили: он уже в критическом возрасте и вряд ли будет играть так же сильно. Вот клуб и решил заработать на нем и ему, в свою очередь, предоставить возможность что-то скопить себе на жизнь.

Футболисту, ушедшему в иностранный клуб, как правило, быстро находят замену: в Бразилии много талантливых игроков. Что же касается Диди, то у «Ботафого» пока некем его заменить - выполнить роль диспетчера, как он, вряд ли кто сможет.

А вот Гарринчу клуб продать отказался: игрок молод, делает большие сборы, является национальной гордостью.

Мы тренировались на разных стадионах города и смотрели все игры, которые можно было посмотреть.

Вот игра «Ботафого» и «Канто де Рио». Записи об этом, думаю, интересны сегодня не только мне: в них футбольные страсти и футбольные звезды того времени.

«На разминке мы больше всего смотрели на Гарринчу. Хотя некоторые из нас и встречались с ним в Швеции, на чемпионате мира, мы вновь не могли не удивляться, глядя на его фигуру. Он припадал на одну ногу, когда ходил, но в беге этого совершенно не замечалось. Его левая нога была выгнута во внешнюю сторону, а правая - наоборот, вогнута вовнутрь, и такое впечатление, что она намного тоньше.

Другой участник чемпионата мира, защитник Нильтон Сантос, играл в полузащите, он-то и забил в матче первый гол. Команда «Ботафого» легко переигрывала своих соперников. Превосходно выглядела пятерка нападения, возглавляемая центрфорвардом Паулиньо, входящим в сборную страны.

Много говорилось и писалось о бразильцах, об их филигранной технике, о точной игре, о способности запутать любого соперника. Но все, что мы видели в играх команд «Васко да Гама», «Атлетико Минейро» в Москве, не шло ни в какое сравнение с игрой «Ботафого». Здесь все было подчинено одной цели: быстро пройти вперед и взять ворота. Ни разу я не заметил, чтобы пас шел ради паса. Свободный игрок, стоявший в пяти метрах от игрока, владевшего мячом, паса не получал: высматривался более острый ход, и туда мгновенно следовала точная и расчетливая передача. Если же такого хода не было, мяч отсылался на фланг, и оттуда быстрые Гарринча и Амарилдо, обыгрывая, как правило, своих сторожей, делали нацеленную передачу в центр.

Гарринчу постоянно опекали как минимум двое. Он с завидной легкостью срывался с места, обводил сторожа, и следовал точный пас...»

После матча к нам - мы сидели на трибуне - поднялся тренер «Ботафого» Жоао Салданья. Разговорились, он охотно рассказывал о клубе, об игроках, и Николай Петрович Старостин спросил его, за какое время Гарринча пробегает стометровку. Он подумал, улыбнулся и ответил: «Мне кажется, что ста метров Гарринча не пробежит...»

А в матче с «Канто де Рио» Гарринча поразил нас стартовой скоростью. Не знаю другого такого футболиста, который на отрезке в пять-шесть метров мог в рывке стремительно уйти от защитника, находящегося в метре от него. Какая-то тугая пружина была в этом игроке. Как пуля срывался с места, финтами уходил от опекунов, делал передачи и наносил удары по воротам. Один удар был настолько силен, резок, что вратарь не успел сгруппироваться, не успел выставить руки, мяч угодил ему в живот - и нокаут. Сбежались врачи, начали откачивать, и прошло несколько минут, прежде чем игра возобновилась.

Мы смотрели матчи не только знаменитых клубов.

«...Футболисты играют прямо на песке, в майках с номерами и босиком. Разыгрывается первенство района Копакабана. Тут же на тротуаре стоят болельщики, сюда же приходят тренеры, которые высматривают и отбирают в свои команды будущих гарринч, диди, вава...

Здесь, на песке Копакабаны, мальчишки целыми днями жонглируют мячом, вместе с ними балуются взрослые и даже девочки. Футбол настолько вошел в кровь и плоть бразильцев, что им занимаются и мал и стар.

- У вас балет, у нас футбол, - говорили нам здесь.

В воскресенье на Копакабана уйма народу. Весь шестикилометровый пляж усыпан купающимися. И на каждом шагу встречаешь мальчишек с футбольными мячами - стоят, жонглируют. Хороший пример для наших пацанов, которые любят только гонять мяч».

Мы не могли глаз оторвать от бразильских мальчишек. Они часами способны были держать мяч в воздухе. Сергей Сальников не вытерпел и решил тоже показать им свое искусство. И те приемы, которые он демонстрировал, юные гарринчи выполняли запросто, хотя лет им было по двенадцать-тринадцать, не больше. Мы потом говорили ему: «То, что ты им показывал, они спокойно повторяли, а вот ты не все их приемы смог бы повторить». Это, конечно, шутки - техникой он обладал высочайшей.

Не помню уже, как я выкраивал время для записей среди тренировок, интервью («Как вам бразильский футбол?», «Кого вы считаете лучшим игроком шведского чемпионата?») - бразильцы гордились, что их сборная стала чемпионом мира, перед входом на «Маракану» выставили гипсовые слепки ног футболистов), игр, которые мы смотрели, и матчей, в которых сами участвовали. Это было какое-то упоение бразильским футболом, старался ничего не упустить из впечатлений. Об играх «Спартак» с командами местных клубов писал более скупо.

Вот мы уже в Уругвае, в Монтевидео, отсюда наш путь лежит в Аргентину, затем снова в Бразилию, и уже из Рио мы летим в Колумбию, в Боготу.

«Богота находится на высоте 2700 метров над уровнем моря» - эту географическую справку я не случайно внес в свою книжку. Влияние высоты мы ощутили с первой же минуты. «Дышать тяжело. Поднимаешься по лестнице - дыхание резко учащается, чувствуется легкое головокружение. Да, играть здесь будет трудно... Такая команда, как «Васко да Гама» сыграла здесь 1:3, «Реал» (Мадрид) - 1:1. И вообще мало кто из гостей выигрывал в Боготе из-за тяжелых климатических условий».

Ищу странички с описанием игры «Спартак» с командой «Санта Фе». Интересно, что же я написал тогда и о самом матче, и о том, что произошло после?

«Проигрывая 0:1, закончили первый тайм со счетом 3:2, выиграли и второй тайм, и общий счет стал 6:3.

Нужно отметить, что колумбийская пресса исключительно высоко оценила игру «Спартак». Не менее тепло, с особой объективностью к нам отнеслись и зрители. Награждали бурными аплодисментами каждую нашу хорошо разыгранную комбинацию. Когда же судья ошибался в пользу «Санта Фе» или «Миллионариса», народ свистел. «Вива, Руссия», - неслось с трибун, когда счет стал быстро расти в нашу пользу».

После игры толпы зрителей устроили у автобуса овацию. Каждый старался похлопать наших ребят по плечу, позвать руку или возгласами выразить свой восторг...

«Сегодня мы покидаем гостеприимную Колумбию», - читаю на следующей странице. Странно, но нет ни слова о том событии моей жизни, из-за которого я, собственно, и разыскал эту старую записную книжку. Почему? Может, от непривычки изливать чувства, да еще на бумаге? Скорее всего было тяжело писать о происшедшем.

После матча я пришел в раздевалку, повесил на гвоздик бутсы и сказал: «Все! Я закончил!» Пронесся гул удивления - то ли верить мне, то ли нет. Но вроде бы слов на ветер никогда не бросал, и ребята это знали.

Первым, кто возмутился, был Николай Николаевич Озеров.

- Это же глупость! Ты понимаешь, что совершаешь преступление? Сегодня ты сыграл один из своих лучших матчей - и заканчиваешь?! Нельзя!

Молниеносным ли было мое решение? И да и нет.

Когда бежал по зеленому полю под солнцем, здоровался с соперниками, еще не знал, что меньше чем через два часа скажу «все!». В этом матче, по общему мнению, я забил красивый гол. А впрочем, что значит красивый? Гол есть гол. Все мячи, залетающие в чужие ворота, красивы. И если кто-то из болельщиков после игры досадовал: «Тебе бы надо красивее пробить!», - я обычно спрашивал: «Разве гол не засчитали?»

Но в Боготе, помнится, говорили именно о красоте моих голов, и пресса была восторженной, а я все-таки уходил.

Ни с кем не обсуждал накануне возможного своего ухода, и тем не менее, несмотря на внезапность, решение было зрелым.

Я уже говорил, что «Спартак» в том сезоне терпел неудачи, и, как всегда в таких случаях, искали причины. Возник вопрос: не стара ли команда? Пришлось уйти Алексею Парамонову, да и на других ветеранов - на меня, на Сергея Сальникова - смотрели косо.

Николай Алексеевич Гуляев, старший тренер, и Николай Петрович Старостин, начальник команды, приняли даже компромиссное решение: кто-то из нас двоих будет выступать за основной состав - или Сальников, или я. Предпочтение отдавалось Сальникову.

А мне в то лето так хотелось играть! Может, от предчувствия скорого конца - не знаю. Не уставал повторять тренерам: «Хочу играть! Не включаете в основной состав, ставьте в дублирующий! Хочу играть!»

Мне было тридцать три, и это считалось главным минусом. Сейчас об игроке больше судят по другим данным - по игре. Но тогда, в пятидесятые годы, в резком омоложении команд видели панацею от всех бед. Словно забыли, что Дементьеву, Соколову было за тридцать пять, а играли они хорошо. Наметилась твердая тенденция: тебе за тридцать - все, старый, пора списывать!

Наломали немало дров, расставаясь с хорошими игроками, обесценивалось мастерство. Никак не бралось в расчет, что молодые рядом с ветеранами быстрее растут. Да что говорить об очевидном! Теперь - очевидном. А тогда «стариков» не ценили. Что ж, пора прощаться, пока не напомнили, не попросили уйти. Достоинство - вещь не лишняя. Уйти хотелось, не вызвав к себе жалости. И тут самый подходящий момент. Пора, пока ты на коне.

В клубных встречах во время поездки я играл спокойно, без особого подъема. Но в Боготе... Не знаю, что со мной произошло. Может, второе дыхание открылось в тяжком для нас климате? Может, уязвленное

самолюбие мобилизовало силы? Словом, игра удалась. Когда ты удачно сыграешь - состояние наступает непередаваемое, словно паришь над землей. У меня все в тот день получалось. Забил гол, слышал восторженные выкрики с трибун, аплодисменты. Так что не слишком и горьким получилось мое прощание.

Я еще не знал, что ждет меня впереди. Тренерская работа? Предложений пока никаких, да и институт физкультуры еще не окончен. Мне, как и каждому отыгравшему футболисту, предстояло начать жизнь заново. Найду ли в ней себя?

Не раз подсаживался Озеров, показывал колумбийские газеты.

- Переводчик говорит, что о тебе все пишут как об одном из лучших форвардов. Что же ты делаешь?

- Пути назад нет, - отвечал, - когда-нибудь надо решиться, не сегодня так завтра.

Но если бы меня тогда спросили, чего я больше всего хочу, я бы, не колеблясь, ответил: «Хочу играть!»

* * *

Когда я стал известным футболистом, играл в команде, не раз побеждавшей в чемпионатах страны, завоевывавшей кубок, мне, случалось, задавали вопрос: «Первый удар по мячу помните?» Разве это вспомнишь, если футбол для всех моих сверстников был естественным, как дыхание. Сколько себя помню, столько играю. Вот где начал, сказать можно. В Сухуми, куда моя семья переехала из Армавира.

Мне тогда исполнилось четыре года. И, наверное, как только меня одного выпустили за ворота, я оказался на перекрестке Могилевской и улицы Кирова, где обычно мальчишки гоняли мяч. Может, сначала я лишь бегал за мячом, улетевшим далеко от пятачка, где разыгрывались баталии, и почитал за счастье один раз пнуть его ногой, а потом незаметно пристроился к играющим.

Мальчишкой я был спокойным, довольно застенчивым (надо сказать, что эта черта, считающаяся возрастной, очень долго мешала мне в жизни), но, быстро поняв главный смысл игры - забить мяч, неистово рвался вперед, к воротам. Может быть, уже тогда родился во мне форвард? Не знаю. Во всяком случае, родился Микита, Микишка.

Родители дали мне имя Мкртыч. Но попробуй выкрикни его на поле в азарте игры. Пока произнесешь, спотыкаясь о пять согласных, мяч окажется у противника.

- Почему меня так неудачно назвали? - спрашивал я отца.

- У тебя красивое имя, - отвечал он. - Мкртыч значит креститель.

Меня это совсем не утешало, да и улица не замерла бы в почтении перед таким переводом. Она окрестила меня по-своему: «Микита». «Микишка! Бей!»

Мы играли на мостовой рядом с домом - благо машин до войны было мало, разве что прогремит изредка какая-нибудь полуторка, - на площадке у школы и на пустыре в центре города, где теперь разбит сквер и стоит здание Совета Министров Абхазии.

Наши команды, а они, понятно, перемешивались, перетасовывались, были многонациональными - русские, абхазцы, украинцы, армяне, греки. У моего друга Павла Сичиनावы мама была армянка, а отец - мингрел. Языком общения на улице был русский. Я и дома больше говорил по-русски, огорчая отца.

- Родной язык надо знать, - внушал он мне.

Но так уж устроен человек: смысл внушений, которые слышит с детства, начинает понимать через много лет.

Не раз потом, особенно в ту пору, когда приехал работать в Армению, вспоминал отца, старался наверстывать упущенное, восполнять пробелы. Да, надо знать и родной язык, и историю родного народа - свои корни. Это знание помогает лучше понять и себя, и самых близких людей - родителей, свою семью, родной дом, его уклад. Почему он такой, а не другой.

Семья наша была небольшой по тем, довоенным, временам: отец, Погос Мкртычевич, или Павел Никитич, как звали его многие соседи, мама, Варсеник Акоповна, сестра Нина - она младше меня - и я. Но в доме еще жила бабушка, мать отца, его сестры - тетя Ермония и тетя Мерон, его племянники - мои двоюродные братья Петр, Акоп. И еще непременно гостил кто-нибудь из родни. Отец всегда в ком-то принимал участие. От него часто можно было услышать: «Надо ставить детей на ноги» - это не о своих детях, о детях родственников, близких или дальних. И помогал им всем, чем мог.

На долю отца выпало немало лишений. Родившись в Турции, пережил ужасы геноцида. В 1914 году, когда по наущению турецких властей началось массовое истребление армян, бежал в Россию. Настрадавшись, близко к сердцу принимал чужие беды, проявлял особое внимание к репатриированным: в двадцатые годы началась репатриация армян, разбросанных по разным странам, в Советский Союз. Наверное, в самой судьбе народа заложена особая крепость родственных уз, которая отличает армян. Об этом я, естественно, размышлял много позже.

По утрам нередко просыпался от постукивания молотка - это отец уже сидел за работой. Он был сапожником, вернее, чувячником. Шил чувяки, дешевую и ходовую в те времена обувь. Этим верным ремеслом кормил семью. И меня был не прочь к нему приучить. Но, видя, что я никакого интереса не проявляю к его инструментам, заготовкам, моткам дратвы, не насиловал, не неволил.

Я был одет, обут - плюшевые штаны, ботинки - и нередко имел гривенник на кино. Если афиши извещали о фильме «Вратарь», то попасть на него надо было непременно.

Сколько раз мы его смотрели? Да, наверное, столько, сколько шел. Крутили кино в летних кинотеатрах без крыш. Иногда на нас низвергались потоки дождя, но мы не обращали на дождь внимания, больше всего боялись, что сейчас кино остановят, и мы не успеем увидеть, как Кандидов возьмет страшный пенальти.

Мы не только смотрели «Вратаря», мы еще и пересказывали картину друг другу во всех подробностях. Как Кандидов выбросил мяч вперед, как помчался за ним... Как наши дали этим «Черным буйволам»!..

Потом, став взрослым, мастером, увидел, сколь наивен этот фильм. Мало что умеют актеры, исполняющие роли футболистов. Да и позже появлялись фильмы о футболе, где в ролях футболистов выступали актеры. Я всегда удивлялся, почему не пригласить настоящего футболиста? Хуже сыграл бы? Не знаю. Но фильм получился бы правдивее. А то выходит на поле человек с жирком и не может ударить по мячу, а трибуны при этом ему рукоплещут. Вот когда в художественные фильмы начали вставлять куски документальных лент, фрагменты настоящих матчей, впечатление стало несколько иным, уже легче верилось, что герои имеют отношение к футболу.

Но картина «Вратарь» по-прежнему дорога мне. Она из удивительного времени, она про утро нашего спорта. И с Кандидовым связаны лучшие дни детства. Мы верили, что в самом деле есть такой вратарь Антон Кандидов, который пропустил всего один мяч в жизни. А рядом рос свой «Кандидов» - Володя Марганя, который со временем будет защищать ворота тбилисского «Динамо».

Нередко собирались во дворе у Павла Сичинавы, моего близкого друга детства. Уже в мальчишескую пору он был на редкость справедливым, надежным человеком, и многие к нему тянулись. Мы играли в волейбол, пытались освоить баскетбол. В баскетбол здорово играл Шурка Седов. Его даже приглашали потом в тбилисское «Динамо» и другие команды мастеров, а он так и остался в родном Сухуми и сейчас преподает в школе.

Но больше всего мы все-таки любили гонять мяч. Отрабатывали обводку, удары. Гвалт, крик стояли непереносимые. Сегодня вряд ли кто из взрослых выдержал бы такое. Постарались бы нарушителей спокойствия урезонить. А родители и соседи Павла терпели. Иногда, правда, закрывали окна. Мы росли свободнее, чем нынешние ребята. Взрослые меньше нас опекали, меньше программировали нашу жизнь.

Так само собой получилось, что именно мы с Павлом были организаторами матчей: улица на улицу, район на район. Но город стал нам тесен, и мы вырвались на «международный» уровень.

Кто-то доложил, что в Гульрипши, местечке километрах в двенадцати от Сухуми, есть потрясающая площадка, почти как настоящее футбольное поле, и мы - Шурка Седов, Альберт Вартанов, Миша Датебов, Павел и я - устремились туда.

Электрички в ту пору по Черноморскому побережью не ходили, поезда были редки, и мы назубок выучили их расписание. Уговаривали какого-нибудь проводника подвезти нас, набивались в тамбур. Ездили и на товарняках.

Соперников не надо было специально оповещать о нашем прибытии - их всегда можно было найти на поле, в крайнем случае на пляже. Играли мы без судей, но строго придерживались мальчишеского кодекса чести - сзади не бить.

И еще: на поле все должно забываться во имя команды. Никто из нас не тянул одеяло на себя. На похвалы были скупы, славой не считались - победа общая. Помнится, я больше всего не любил задиристых, зазнаек. И по сей день не терплю пренебрежительного отношения к людям, высокомерного тона.

Часов, естественно, ни у кого не было, да и не хотели мы ограничивать себя во времени - играли до полного изнеможения. Когда ноги уже не держали, вспоминали о доме и о предстоящем двенадцатикилометровом пути.

Возвращались всегда пешком, нередко уже при луне. Давал знать о себе голод - гоня мяч, не думали о еде, - и мы заворачивали в чьи-то сады, набивали за пазухи груши, персики. Вряд ли это можно назвать воровством - мы не наносили особого ущерба хозяевам.

Дома меня ждал нагоняй. Отец был человеком строгим до суровости. Ни в чем не терпел беспорядка. Требовал, чтобы мы с сестрой вовремя приходили обедать, вовремя возвращались домой. А тут уже ночь на дворе, и ботинки мои опять разбиты.

- Я не напасусь на тебя обуви! - кричал он, возмущенный. - Бросишь ты, наконец, эту хулиганскую игру или нет?

Много лет спустя, когда я жил уже в Москве, играл за «Спартак», папа приехал в гости. Купил ему билет на матч: «Посмотри хоть раз в жизни, как я играю». Сели на трамвай, поехали на «Динамо». Я проводил его на трибуну и побежал в раздевалку.

Был матч со сборной Чехословакии, и сложился он для «Спартака» очень удачно. Мы выиграли со счетом 2:0, и оба мяча удалось забить мне.

Отцу, видимо, льстили разговоры вокруг о «Спартаке» и крик болельщиков: «Молодец, Никита!», потому что он вернулся в прекрасном расположении духа.

- А помнишь, как ты меня ругал за хулиганскую игру? - подтрунивал я.

- Да не было такого, - скажет он, сам, вероятно, веря своим словам. - За другое тебе попадало, ты забыл...

Правда, его убеждение насчет никчемности дела, которому я себя посвятил, поколебалось несколько раньше.

Шел он как-то по улице мимо компании отдыхающих, которые яростно спорили о футболе. Среди них был полковник, болельщик «Спартака», и кто-то из местных сказал ему: «Вот идет Симонян-старший, отец Никиты». Тот сначала не поверил: «Не может быть! - А потом закричал: - Качать его, качать!»

Отца схватили и начали подбрасывать вверх...

Мама потом рассказывала, что домой он пришел несколько обескураженный, но довольный:

- Сына моего, оказывается, уважают в Москве, - говорил ей. - Вот и мне такое внимание...

Все это как хороший конец для кино, но будет он еще не скоро, а пока после отцовских оплеух душили слезы.

- Не обижайся на него, сынок, - успокаивала меня мама. - Он же на самом деле добрый. Ко всем людям добрый. А сейчас погорячился. Но ты тоже должен его понять: он так много работает, чтобы нам всем жилось хорошо...

Мама, человек мягкий, очень не любила ссор в доме и всегда переживала, если близкие люди не могли понять друг друга.

Нельзя сказать, что у нас была своя жизнь, у взрослых - своя. Началась война, и нам стали очень близки все их тревоги, заботы. Наш курортный город вмиг изменился - белые бумажные кресты на окнах, очереди в магазинах, где говорили о том, кого сегодня проводили на фронт и кого уже не надо ждать. Вместе со взрослыми мы слушали сводки Совинформбюро, а они становились все тревожней. Фронт приближался, бои шли на перевалах. Прибывало все больше беженцев, эвакуированных, и их, потеснившись, приняли во многих домах.

Мы бегали смотреть, как на горе Чернявской - это рядом с нашим домом - устанавливают зенитки. Их поставили и около маяка. Порт не зажигал больше огней по вечерам, казался ослепшим. Отец, как и многие соседи, вырыл в саду бомбоубежище - траншею с плоской крышей. Если с неба доносился самолетный гул, все с тревогой поднимали вверх головы.

В один из первых налетов бомба упала за квартал от нашего дома, разрушила здание обкома партии. Когда самолеты улетели, я вместе с другими бросился туда и увидел убитую женщину. Это меня так потрясло: вот она, война!

В порт пришел израненный танкер - его торпедировала немецкая подводная лодка. Две торпеды, две шестиметровых сигары, выскочили на берег. Одна из них сутки лежала на пляже, пока ее не обезвредили саперы. Мы, конечно, бегали смотреть - мальчишеское любопытство всегда берет верх над страхом и осторожностью. И во время налетов, сунув маленькую племянницу, за которой приглядывал, в бомбоубежище, я уносился на улицу...

Таило в себе опасность и наше теплое ласковое море. Однажды, сидя на пляже, мы увидели, как взлетело на воздух маленькое транспортное суденышко: его подстерегла вражеская подводная лодка. Вместе со взрослыми мы теперь настороженно вслушивались в небо - кто летит? Наши или фашисты? Гул немецких бомбардировщиков стал предвестником несчастий, трагедий.

Бомбы угодили в большой транспортный корабль, прибывший из Новороссийска. Он увез от войны и боев женщин, детей, стариков и, остановившись на рейде, ждал, когда примут, разместят пассажиров. В городе готовили жилье для новороссийских беженцев, и вдруг... Три бомбы попали в судно, и оно сразу же пошло ко дну. Над водой остались только торчащие трубы, как памятник погибшим. Весь город очень тяжело это переживал.

После одной из бомбежек не вернулся с работы домой отец - он тогда работал кассиром на Черноморской железной дороге. Во время налета был в центре города и вместе с другими бросился в сквер - людям, видимо, казалось, что под деревьями можно укрыться, что они защитят от беды. Бомба разорвалась прямо в сквере, многих зацепило, тяжело ранило и отца. Его увезли в больницу. Больше полугодом он не вставал с постели, а как только смог подниматься, сразу же занялся своим чувячным ремеслом - надо кормить семью, родню, зарабатывать на мамалыгу, на кукурузный хлеб, который по немыслимой цене продавался на базаре.

Гитлеровцев остановили, все немного вздохнули. Но война не отступила, она была в каждом доме - пришли похоронки на моего двоюродного брата Акопа, на братьев Дерлецких, которые жили у нас во дворе...

Мы понимали, какое это горе, но детство есть детство. И война не могла отнять у мальчишек тяги к играм, к своим компаниям, к общению. Это естественная потребность человека в развитии, он с ней рождается. Не случайно каждый из нас переживает в детстве и отрочестве множество увлечений, пробует себя, где только можно.

Я увлекся в ту пору музыкой, записался в духовой оркестр. Записался, впрочем, неточное слово, просто пришел на занятия, которые вел Карл... А вот отчество забыл. Может, и не знал никогда: мы не звали учителя пения, маленького, седого, бесконечно доброго человека, по имени и отчеству, как остальных учителей. Дядя Карл, чаще - дядя Карлуша, между собой еще проще - Карлуша. Сейчас понимаю, что жилось ему в ту военную пору, наверное, труднее многих. Не каждому ведь объяснишь, что немец немцу рознь, что фашизм - не все немцы.

Неизменная папироска во рту, желтые прокуренные пальцы поднятой вверх руки, увлажненные глаза: он всегда бывал растроган, когда у нас все получалось так, как надо, и из труб лилась музыка.

Карлуша дал мне медный альт, объяснил как извлекать нужные звуки, показал, как дуть, и я дул:

Тум-па-па, тум-па-па...

Через несколько занятий он сказал мне:

- У тебя хороший слух, будешь второй трубой.

Недолго побыв в этой роли, я стал первой трубой. Головокружительная карьера!

Наш оркестр шагал всегда во главе школьной колонны на демонстрациях, и мы поднимали всем настроение бравурными маршами. Был у нас репертуар и для школьных вечеров: «Амурские волны», «Брызги шампанского», фокстроты.

А еще мы играли совсем по другим, печальным поводам - на похоронах. Не отказывали, когда просили, и играли бесплатно. Правда, за это нас кормили на поминках. Дядя Карлуша скорее всего знал о нашем «отхожем промысле» и не мешал ему. Может, считал, что детей вовсе не надо ограждать от чужих несчастий, пусть учатся принимать и понимать жизнь во всем ее многообразии. А может, просто не хотел лишать растущих мальчишек возможности подкормиться.

Музыка отнюдь не перебила увлечения футболом. Мы по-прежнему гоняли мяч на площадке у нашей седьмой школы и на пустыре в центре города.

Однажды на пустыре появился Шота Ломинадзе. Стоит, смотрит внимательно на нашу игру.

Шоту мы знали: он был игроком местной команды «Динамо», полузащитником. Маленького роста, рыжеватый, шустрый, быстрый, неутомимый. На общественных началах ему поручили собрать ребят в спортшколу, создать команду. И Шота присматривался к нам. Мы еще не знали, что это наш будущий, наш первый тренер.

Спортшколы в нынешнем понимании не было. Просто мы собирались на стадионе «Динамо», где нас ждал Шота, на тренировку. Но все мы были уже в динамовской форме. Сразу же после знакомства тренер отвел нас на склад, в маленькое темное помещение, где нам выдали синие трусы, желтые майки, гетры и бутсы размера на три больше, чем надо - других не имелось.

Вручая каждому все это богатство, кладовщик говорил: «Шипы на бутсы набьешь сам».

Конечно, сам. Не будешь же отрывать от дела отца ради такой «безделицы», как футбол. Он расстроится, вспылит, закричит, что пора мне, наконец, заняться делом, а мама будет горевать после домашнего скандала... Я сам вырезал из кожи толстые пластинки и приколачивал их к подметкам.

До сих пор футбол был для нас только упоительной игрой. Теперь мы начинали постигать его с другой стороны - дисциплина, тренировки, самоотдача.

Шота, несмотря на свою стремительность, «моторность» на поле, был человеком спокойным, мягким. Никогда мы не слышали от него ни окриков, ни оскорблений. Он быстро разглядел среди нас и защитников, и нападающих, и вратаря. Старался научить нас всему, что умел сам.

Но самой большой школой в то время были для нас игры взрослых команд. В команде «Динамо», где играл наш тренер, были замечательные мастера, у которых немало можно было перенять. Я смотрел во все глаза на Автандила Гогоберидзе, и мне очень хотелось повторить, перенять все его приемы - уходы, финты, обводку, дриблинг. А еще играли здесь Антадзе, братья Вардимиади, Саная - вратарь, то есть целая плеяда видных футболистов, проявивших себя потом в команде мастеров тбилисского «Динамо».

И футболист Юра Елчиди мог бы, думаю, украсить любую команду высшей лиги. Но судьба распорядилась по-иному. Живет он по-прежнему в родном городе, занимается тренерской работой. Не так давно встретились, Юра рассказывал про одного своего воспитанника. «Понимаешь, - говорит, - он такой парень, что у него нет никаких недостатков. Совсем нет, как у меня не было. Скажи, разве были у меня в молодости недостатки?» Может быть, он шутил, но я ответил серьезно: «Действительно не было», - и не кривил душой, мне так казалось, когда видел Юру на поле.

...Шота не стеснял нас обязательной программой, обязательными упражнениями. Не подавлял индивидуальности, каждому давал возможность проявиться. Нас не нужно было заставлять что-то делать. Не было случая, чтобы после тренировки мы всей командой дружно ушли в раздевалку. Нет, мы еще долго показывали друг другу, что умеем, осваивали новые приемы. Шота вынужден был просто-напросто разгонять нас по домам.

Я был рад, что тренер увидел во мне нападающего, и часами отрабатывал удары по воротам. Бил, бил... Ноги уже гудят, а я опять к мячу. И дома не переставая лупил по калитке, по обеим сторонам которой, как штанги, стояли кипарисы.

Во время матчей - мы начали встречаться с другими юношескими командами Абхазии, - все мои помыслы были сосредоточены на том, чтобы забить гол. Помню, в одной товарищеской встрече мы выиграли со счетом 11:4, и девять голов забил я.

На наши занятия часто приходил ответственный секретарь городского общества «Динамо» Михаил Григорьевич Туркия, сам в прошлом вратарь. Смотрел, видно, что за смена растет, а нам такое внимание льстило.

Мальчишеский футбол не существовал отдельно от стадиона, от футбола взрослого. Взрослые футболисты нас знали: примелькались, не пропускали ни одного матча, встречали их у стадиона, провожали после игры. Многих мы звали просто по имени, как и нашего Шоту, но держались с ними очень почтительно, чувствовали, что дистанция между нашей игрой и игрой этих мастеров огромная.

Еще шла война. Но ни культурная, ни спортивная жизнь не замирала. Люди тянулись к прекрасному. Мы знали, что ленинградцы слушали первое исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Знали и о футбольном матче в блокадные дни... Когда провалилась очередная попытка фашистов взять город и они заявили, что не вошли в него только потому, что он мертв и все улицы завалены трупами, ленинградские спортсмены предложили командованию организовать в городе футбольный матч. И он состоялся - между ленинградским «Динамо» и командой гарнизона. Как ни измучен был Ленинград непрерывными артобстрелами, голодом, на стадионе собралось немало народа. Репортаж с этого матча шел и на немецком языке, и громкоговорители полевых установок на оборонительных рубежах далеко окрест разносили голос радиокomentатора, гул трибун. На гитлеровских солдат это произвело ошеломляющее впечатление: перед ними был не город мертвецов, как им внушали, - твердыня... Так разве футбол - только игра?

В 1944 году, когда мы уже привыкли к победным салютам, когда была освобождена значительная часть территории, захваченной гитлеровцами, к нам на Черноморское побережье стали приезжать на подготовку прославленные команды - московское «Динамо», ЦДКА, «Динамо»-II, сборные профсоюзов. Наконец, ленинградские динамовцы. Проводились товарищеские игры, которые вызвали огромный интерес: кто не мечтал увидеть воочию таких звезд нашего футбола, как Григорий Федотов, Владимир Демин, Алексей Гринин!.. Это прославленные армейцы, но не менее знамениты были и московские динамовцы - Константин Бесков, Василий Карцев, Леонид и Сергей Соловьевы...

Когда они играли в Сухуми, то для нас, мальчишек, был настоящий праздник. Нам обычно разрешали располагаться за воротами, и мы с жадностью смотрели на чудо, происходящее на поле. Да-да, мы считали это чудом, я не преувеличиваю. Все, что делали мастера, нам казалось недостижимым и чуть ли не сверхъестественным. Меня, конечно, больше всего захватывали сражения защитников и форвардов, особенно жадно следил за действиями последних. Потому что чувствовал, и Шота утвердил меня во мнении: самая подходящая для меня роль на футбольном поле - роль нападающего. Я смотрю во все глаза и пытаюсь понять, каким образом удастся нападающим вскрыть ворота соперника. Хитроумный финт, дриблинг, обводка, игра в стенку, наконец, хлесткий точный удар... Отмечал приемы, удары, но в целом сложнейшая грамота пока не постигалась. Я заметил, что многие выгодные моменты для взятия ворот создаются умелым маневрированием форвардов без мяча. Увидеть уязвимое место на половине поля соперника, ринуться в эту точку и предложить тут себя товарищу по команде, который владеет мячом. Это легко заметить, а сделать самому... Я понимал уже, что в игре нужны не только быстрые ноги и ловкость, но и хорошая голова, спортивная хитрость.

Все, что приводило меня в восторг, я потом не раз перебирал в памяти и ночью долго не мог уснуть, все вспоминал и вспоминал, мысленно готовясь изобразить завтра то, что видел. Интересно, удастся ли? А воображение - оно почему-то всегда разыгрывается перед сном - уже несло меня дальше, и я видел себя рядом с Федотовым, Бобровым на одном поле. Взлетев таким образом, одергивал себя: ну куда мне до них! Не дорос! И дорасту ли?.. Отрезвленный, засыпал, а назавтра на тренировке все-таки пытался повторить то, что делали «академики».

Наша юношеская команда успешно выступала в чемпионате Абхазии. У нас были свои звезды - Володя Маргания, Геннадий Бондаренко, братья Фанас и Юрий Граматикопуло. Когда мы стали чемпионами Абхазии среди юношей, на базе нашей команды была сформирована сборная, которая начала готовиться к участию в первенстве Грузии. Наши ряды пополнили Ниязи Дзяпшипа, Юрий Вардимиади, Владимир Тарба... Знакомые многим имена, а тогда все мы были просто мальчишками, которые любили играть в футбол.

К соревнованиям начали готовиться основательно и серьезно. Первенство республики стало не только для нас значительным событием. Болельщики тоже ждали интересных футбольных матчей. Футбол в Грузии, можно сказать, национальная игра.

Финальный турнир проводился в Тбилиси. Естественно, местные болельщики (а команда столицы республики «Трудовые резервы» тоже участвовала в турнире) надеялись, что земляки не подведут и одержат победу. До поры до времени все шло как по накатанной: тбилисцы легко попали в финал. Стала финалистом и сборная Абхазии, обыграв со счетом 6:1 команду города Махарадзе. Удивительно, сколько лет прошло, а память держит все матчи тех лет, все забитые голы: значит, важны были эти события и велики волнения.

Итак, встречаемся с тбилисцами.

Мы хорошо понимали, что они дадут нам бой, однако надежды не теряли. Столичные футболисты в предварительных играх показали, что они техничны, умело обращаются с мячом, но нередко их нападающие играли не столько разумно, сколько красиво, чтобы сорвать аплодисменты трибун. Такая красавица часто замедляла развитие атаки и кончалась ничем. Защитникам еще опаснее играть на публику... Но пока тбилисцы ни от кого не получали должного урока.

- Играть быстро, плотно держать нападающих, не позволять им свободно принимать мяч, - напутствовал нас тренер. - Пусть они окажутся в непривычных игровых условиях, а когда начнут ошибаться...

Соперники, конечно, не ожидали от нас такого организованного натиска и, когда Геннадий Бондаренко забил мяч, оказавшийся, кстати, единственным в этом матче, начали нервничать.

Против меня играл невысокий плотный парень, не отходил ни на шаг. Действовал очень жестко, хотя без грубости. Вид у него был агрессивный, и однажды зло бросил: «После игры я с тобой еще встречу». - «Встретимся», - ответил я.

Потом узнал, что мой опекун - Володя Элошвили. Позже он успешно выступал за тбилисское «Динамо». Встречаясь с ним не раз, мы с улыбкой вспоминали тот финальный матч.

- Меня тогда предупредили, - рассказывал Володя, - не уследишь за Никитой - забьет гол. Вот я и решил тебя малость припугнуть. Не получилось...

- Но гола я все-таки не забил.

- Не забил, но и не испугался.

В Сухуми мы вернулись чемпионами Грузии. Нас теперь знали, нами гордились. Правда, дома мои победы никого не привели в восторг, им попросту не придали никакого значения. Одно хорошо: отец перестал сердиться из-за ботинок - теперь мне выдавали бутсы.

Как-то летом приехала в Сухуми московская команда «Динамо»-II (на базе этого клуба позже создали команду мастеров минского «Динамо»), и, как принято было, договорились о товарищеской встрече с местными одноклубниками.

Наша юношеская команда в полном составе явилась болеть. Стадион полон, забита единственная трибуна, заняты все лавочки на противоположной стороне поля, многие сидят на траве, а некоторые - прямо на беговых дорожках. Мы волновались за своих, и в первой половине игры они не уступали именитым гостям ни в мастерстве, ни в желании победить. Однако в самом конце тайма получил травму нападающий Дихаминджия - Диха, как звали его все болельщики. Кого поставят вместо него? Мы хорошо знали состав и равноценной замены быстрому Дихе не видели. Встреча, правда, товарищеская, никакой беды не произойдет, если наши проиграют, но гордость... Весь Сухуми гордился, если местные футболисты почти на равных соперничали с москвичами, столько бывало разговоров!

В перерыве у кромки поля появился Туркия и стал кого-то высматривать среди болельщиков. Увидев нас, помахал рукой. Мы подошли.

- Ты-то мне и нужен, - кивнул мне. - Бегом в раздевалку!

- Зачем?

- Не задавай глупых вопросов. Заменишь Диху.

Не успев осознать, что мне предстоит, я спустился под трибуну. Выхожу на поле - коленки трясутся. Ничего не вижу, все как в тумане, а я - центральный нападающий. Кошмарный сон!

Раздался свисток судьи, начался второй тайм, и сразу же возник из «тумана» центральный защитник москвичей, на голову выше меня, крепко сбитый. Бросил снисходительный взгляд из-под лохматых бровей: «С этим пацаном как-нибудь справлюсь». Я задел его случайно и услышал сердитое:

- Ну ты, пацан, поосторожней!

«Паренек ты был шустрый, но сырой», - смеялся много лет спустя Аркадий Иванович Чернышев, один из основателей советского хоккея с шайбой, когда мы вспоминали с ним тот сухумский вечер и знакомство на поле. Это он выступал в роли центрального защитника.

Как я тогда сыграл - не помню. После матча обступили наши мальчишки: «Ну, что? Испугался? А выглядел ничего. Уверенный такой!»

- Молодец, - сказал мне Туркия. - Теперь и за взрослую команду будешь играть.

В конце 1945 года приехали в Сухуми футболисты московской команды мастеров «Крылья Советов». Вместе с ними были и юноши, завоевавшие в тот год звание чемпионов Москвы. Отдых у них получился, конечно, относительный. Оказавшись в городе, где зимой тепло и зелено, кто из футболистов позволит себе беспечно прохладиться на берегу моря, забыв о мяче? И москвичи сразу же включились в активные тренировки.

Но тренировки тренировками, а хотелось лишний раз с кем-нибудь сразиться. И тренеры «Крыльев» договорились с руководителями сухумского «Динамо» о трех товарищеских встречах. Две между юношескими командами и одна - между мужскими. Юные москвичи рвались в бой (как-никак чемпионы столицы), и в их составе было немало способных футболистов: Сергей Коршунов, Виктор Федоров, Владимир Сучков, Сергей Митин...

Но и в нашей команде ребята подобрались достойные.

Как ни странно, мы оказались сильнее. Встречи закончились со счетом 3:1 и 1:0 в нашу пользу. Все четыре мяча в ворота москвичей удалось забить мне.

Я уже говорил, мне тогда приходилось выступать и за юношей и за взрослых, поэтому вышел и на матч мужских команд. Сыграли вничью - 1:1. И тот единственный гол в ворота соперников тоже забил я. Так вот

получилось... Парень я был не заносчивый, но в душе гордился удачей. А москвичей просто удивил. Не часто случается, чтобы какой-то юнец решил судьбу не одного, а сразу трех матчей, пусть товарищеских. Не ради саморекламы говорю об успехе. Именно эти голы и проложили мне дорогу в большой футбол.

В один из дней ко мне подошел футболист из «Крылышек» и сказал, что тренеры команды просили меня зайти к ним в гостиницу «Абхазия». Зачем? Я и не задумывался над этим. Приглашают - значит, нужен. Отыскал в гостинице названный номер... Вошел. У окна стоял Владимир Иванович Горохов, один из тренеров.

- А, Никита! Заходи! Знаешь, зачем тебя позвали? - Владимир Иванович пристально смотрел на меня, пряча в уголках губ улыбку. - Не знаешь? Поехали к нам, в Москву. Будешь играть за нашу команду.

Всего ожидал, но только не такого. Меня - в Москву, в команду, выступающую в первенстве страны? Может, Горохов шутит?

- Нет, нет, не шучу я, - словно угадал мои мысли тренер. - Я из тебя второго Боброва сделаю!

Я молчал. Я опешил. Из меня - «второго Боброва»? Того самого Боброва, который месяц назад блистательно выступал на стадионах Англии в составе московского «Динамо», который в последнем чемпионате страны забил двадцать четыре мяча?

Посмотрел на Владимира Ивановича - он улыбался, и я улыбнулся, пожал плечами, не зная что ответить.

- Не тушуйся, я тебе серьезно говорю, поехали в Москву. Ну а насчет Боброва - там видно будет. Многое зависит от тебя самого.

«А он и впрямь не шутит, - подумал я. - Он и в самом деле предлагает мне перейти в «Крылья Советов». Вот что касается Боброва, то тут он явно перегнул. Мне до Боброва как до луны».

Подумал, но опять ничего не ответил.

- Что молчишь?

- А что отвечать? Без родителей ничего не решишь.

- Это наши заботы. Поговорим с родителями, убедим.

- Не так-то легко...

Разговор с родителями состоялся. Вместе с Гороховым пришел к нам домой и старший тренер «Крылышек» Абрам Христофорович Дангулов - доброжелательный, внимательный, интеллигентнейший человек. Мой отец неплохо разбирался в людях, и, похоже, Абрам Христофорович и Владимир Иванович произвели на него хорошее впечатление. Но он всегда, прежде чем принять решение, все основательно взвешивал и, когда тренеры высказали свое предложение, задумался. С одной стороны, вроде бы приятно, что сына приглашают в столицу, а с другой...

- Только гонять мяч? Не-ет, - отец нахмурился. - Ему учиться надо, профессию получить. А ваш футбол никуда не денется. Не отпущу!

Убеждали, убеждали - «не отпущу!».

- Да будет он учиться! В Москве столько институтов - только выбирай. От него все зависит. От него самого.

Отец посмотрел на меня. Я кивнул головой: мол, все будет хорошо.

Откровенно говоря, я толком не знал, хорошо это или плохо - бросить родной город и отправиться в поисках туманного счастья в столицу. Одно меня привлекало - буду играть в футбол. Тренеры ушли, сказав: «Жди. За тобой приедут». И я ждал. Ждал и мечтал, как надену форму «Крылышек», как выйду на поле и перед трибунами, заполненными болельщиками, начну творить с мячом такие чудеса, что все ахнут. Молодость самоуверенна и беспечна.

Но проходили дни, а за мной никто не приезжал. Постепенно я стал остывать, все реже вспоминал о приглашении, а если вспоминал, то уже с обидой - взбудоражили и уехали. Постепенно бы все улеглось и забылось, но...

В дверь постучали. На пороге стояла стройная симпатичная женщина:

- Симоняны здесь живут? Наконец-то нашла! Я из Москвы. За Никитой приехала.

Это была известная спортсменка, чемпионка страны по гребле Елена Николаевна Лукатина. В Сухуми она приехала в командировку, ей и поручили прихватить с собой в Москву меня.

Мама быстро собрала мои нехитрые пожитки. Попрощался с родными - и в путь.

Поезд шел долго. Постепенно, километр за километром, мы въезжали в настоящую зиму. Было даже немного жутко: к морозам я не привык и, еще не испытав настоящих холодов, начинал их бояться.

Больше, конечно, волновало другое - приживусь ли в Москве, приживусь ли в команде? Одно дело быть заметным форвардом в родном городе, другое... Не придется ли возвращаться восвояси? От этой мысли становилось не по себе. Юношеское самолюбие ранимо, а если еще учесть кавказское воспитание...

Я понимал, что главное место в моей жизни теперь займет футбол. Если поступлю в институт, все равно основное время будет отдано играм, тренировкам, сборам - все будет подчинено футбольному расписанию.

И все-таки я выбрал футбол или футбол выбрал меня? Может, только случай распорядился моей судьбой? А если бы не приехали «Крылышки» в Сухуми? Если бы не я забил голы во всех матчах? Если бы не заметили меня Дангулов с Гороховым? Как бы тогда повернулась моя судьба?

Надо сказать, что случай произошел вовремя: я только что окончил школу и раздумывал, что делать дальше. Отец уже не соблазнял меня своим ремеслом: вероятно, понял - бесполезно. А вот его младший брат Ангин не переставал меня убеждать, что на свете нет ничего надежней дела, которым он занят. У него была мастерская, патент на легкие чужаки различных моделей и обувь из расслоенных автомобильных покрышек. Верх брезентовый, подошва резиновая. Обувь эту в народе окрестили «Сухум-Сочи»: так прочна, что запросто выдержит неблизкий - 170 километров - путь до Сочи.

Многие сухумские мальчишки бегали во время войны и после в таких башмаках. Летом, правда, ноги в них горели и прели, но для осени и зимы они были спасением. Даже в художественной литературе они увековечены - в них щеголяют герои Фазиля Искандера. Названы они в его рассказах несколько иначе - «Мухус-Сочи», но по всем приметам, изделие Ангина.

Стоило мне заглянуть к нему в мастерскую, он тотчас предлагал: «Садись, попробуй, поработай. Научишься - не пожалеешь». Наверное, люди, которые с удовольствием занимаются своим делом, достойны самого глубокого уважения. Но дядька мой был немногим старше меня, относился я к нему без особого почтения и к его советам не прислушивался.

Самым большим авторитетом был для меня дядя Ваня, Иван Павлович, брат мамы, адвокат. Помню, меня всегда поражало, с каким подчеркнутым уважением здороваются с ним в городе люди. Он много рассказывал о своей профессии, отвечая на мои недоуменные вопросы: как можно сочувствовать преступнику, тем паче защищать, если его вина доказана? Дядя Ваня объяснял мне, почему необходимо право на защиту. Понять человека, найти обстоятельства, которые смягчали бы вину - от этого порой зависит его будущее, возможность переменить жизнь. Сколько раз потом, став тренером, мне придется брать на себя адвокатскую роль...

Дядя Ваня помог мне разобраться в самом себе. Я соглашался, что склонности у меня явно гуманитарные. Любил литературу, историю, много читал. Был далеко не первым учеником в классе, но во время диктантов по русскому языку отличники подсаживались ко мне поближе: писал почему-то без ошибок, хотя и не успевал выучить всех правил. Может быть, дядя Ваня был прав, советуя мне остановиться на юриспруденции и ехать в Тбилиси учиться. Во всяком случае, эта идея мне нравилась.

Еще я очень любил музыку. Мог часами просиживать у черной тарелки радио. Если заранее узнавал, что будет исполняться 5-я или 6-я симфония Чайковского, симфонии, сонаты Бетховена, старался не пропустить. Дядя Карлуша говорил, что у меня хороший слух, хорошая музыкальная память. Сейчас думаю, мог бы стать музыкантом, направь меня вовремя чья-то рука. Направить было некому - дядя Карлуша рано умер, и в последний раз наш оркестр играл у него на похоронах. А потом забросили свои инструменты.

Если бы... если бы...

В ту пору я твердо знал только одно: кем бы ни стал, чем бы ни занялся - все равно буду играть в футбол. Хочу играть! Не надевать время от времени форму, бутсы и выходить поразмяться, а играть в команде, рядом с мастерами.

Почти все мальчишки гоняют футбольный мяч, забивают голы или стоят в воротах, переживают наслаждение, азарт игры. А во взрослой жизни становятся токарями, учеными, инженерами, музыкантами, оставляя за собой в футболе лишь роль болельщиков. Меня такая роль не устраивала. Футбол был для меня возможностью самовыражения. Верю, что футболистами рождаются, задача тренеров - разглядеть способности подопечных, помочь им раскрыться. От природы я был мальчишкой шустрым, быстрым, координированным, на поле мне многое легко давалось, поэтому невольно усложнял задачи, иначе не было бы интересно. Наверное, я добился большего, чем многие мои товарищи из уличных команд, и футбол уже не был для меня только

развлечением. Поднялся на ту ступеньку, с которой уже видна вся сложность игры, сложность тактики, техники, беспредельность их совершенствования.

КРЫЛЬЯ

На Курском вокзале нас встречал Горохов. Пританцовывал от холода на платформе, но, как всегда, был в хорошем настроении:

- Не робей, южанин! Московские зимы - пустыки, понимаешь ли. Сердца у москвичей горячие, не дадут замерзнуть.

Мы сели в троллейбус и поехали к Владимиру Ивановичу домой. Троллейбус шел по Садовому кольцу. Садовое? А где же сады?..

Москва ошеломила. Широкие улицы, огромные площади, беспрестанное движение, гул, автомобильные гудки, толпа. А вспоминаешь сейчас послевоенную Москву и удивляешься: какой же она была маленькой в сравнении с нынешней! Чуть в стороне от Садового кольца уже начинались приметы окраины - маленькие деревянные домики вдоль трамвайной колеи.

Но в то время, особенно после тихого Сухуми, где самым людным и шумным местом был базар, город казался гигантским, непостижимым - как здесь жить, как ориентироваться? Неужели можно к нему привыкнуть?

Теперь Москва стала родной: прожил здесь большую часть жизни. Разумеется, как все москвичи, жалуюсь на шум, на толпу, толчею, сумасшедший ритм, а едва оторвавшись от всего этого, скучаю - домой бы скорее, в Москву!

Из окна Гороховых тоже был виден кусочек Москвы: проплывали валенки с калошами, резиновые ботинки, постукивали, поскальзывали по тротуару чьи-то белые фетровые бурки, отделанные кожей... Семья Гороховых - Владимир Иванович, Клавдия Михайловна, двое ребятишек, Андрюша и Алла, - жила во Всполюном переулке, недалеко от площади Восстания, в старом доме, в небольшой подвальной комнате, куда едва пробивался дневной свет. И, несмотря на тесноту, меня приютили. Не на день, не на два - на несколько лет. В темном чулане на большом сундуке устроили постель.

- Будь как дома, Никита, - сказала при знакомстве Клавдия Михайловна.

Так я себя и чувствовал у Гороховых - как дома, хотя был очень застенчив. Раскрепощало доброе отношение. И со временем мне не раз приходилось убеждаться в том, что истинная доброта проверяется вот таким умением делиться последним.

Еще не отменили карточек. Хлеб в булочных развешивали, буханки разрезали на куски, кусочки, довески. Клавдии Михайловне непросто было всех накормить. А мой вклад в семейный бюджет, как сейчас понимаю, был невелик.

Но тогда не принято было жаловаться на тяготы быта. Может, жалобы не запомнились? Не знаю. Главное, что определяло состояние, настроение людей в ту пору - облегчение: кончилась война, мы победили! Отступили тревоги. Не гибли больше на фронте люди. И фронта не было. Были фронтовики, возвращающиеся к мирной жизни. Само это слово звучало особенно, как характеристика надежности: «Что он за человек?» - «фронтовик», - и этим сказано многое.

На улицах все время встречались люди в военной форме. С погонями и без погон, с невыгоревшими полосками на плечах. Среди скромно одетых женщин мелькали модницы в жакетах с высокими плечами; пижоны того времени мели тротуары широченными брюками, особым шиком считались комбинированные курточки на молниях и маленькие кепки с пуговкой.

У кинотеатров стояли очереди. Шли трофейные фильмы - «Судьба солдата в Америке», «Леди Гамильтон», «Большой вальс», картины с Диной Дурбин - красивые картины про незнакомую красивую жизнь, всегда хорошо кончавшиеся.

Гороховым тоже иногда удавалось выбраться в кино или на концерт. Я тогда оставался с детьми. Андрей и Алла меня слушались как старшего брата и уважали.

Особая тяга была в ту пору к зрелищам, праздникам. Народ изголодался по ним, и теперь, когда тревоги отступили... В дни футбольных матчей, казалось, вся Москва устремлялась на стадион «Динамо». Битком набитые вагоны метро, переполненные троллейбусы с открытыми дверями. Пассажиры гроздьями висели на подножках трамваев, некоторые ухитрились прицепиться сзади к автомобилям... Обладатели билетов считались самыми счастливыми людьми. О том, чтобы стрелкнуть лишний билетик, и речи быть не могло. Легче было всеми неправдами шмыгнуть мимо контролеров. Иногда самым шустрым пацанам удавалось отвлечь милицию и перемахнуть через ограду стадиона.

«Крылья» не пользовались такой популярностью, как «Динамо», «Спартак», ЦДКА. Если играли эти команды, стадион оглушительно ревел. Поддержка была столь мощной, что без преувеличения можно сказать: матчи выигрывали и болельщики.

Тот, кому довелось ощутить непередаваемую атмосферу послевоенных стадионов, может лишь грустить по ней. Редко какие игры сегодня проходят при заполненных трибунах. Такой накал футбольных страстей в сороковые годы обычно объясняют тем, что выбор развлечений был не слишком широк, что телевидение не доставляло матчи на дом, да и телевизоров вообще еще не было... С этим нельзя не согласиться. И все-таки, думаю, главное в том, что люди после всего пережитого испытывали невероятную потребность в широком радостном общении, которое дает только стадион, в открытом выражении чувств.

Я не пропускал ни одной игры чемпионата страны. Буквально впивался глазами в Федотова, Боброва, Бескова, Гринина, Николаева, Демина. И ловил все, что говорилось рядом, на трибуне.

Потрясало уважение болельщиков к Федотову. Иначе как Григорий Иванович, его никто не называл. Даже представить было невозможно ни Гриши, ни тем более Гришки. Познакомившись с ним, тоже удивлялся - простоте обращения со всеми, уважительности. Спешит первым поздороваться. Непременно спросит: «Как дела?» - и улыбка на лице мелькнет, характерная федотовская улыбка с хитринкой. На него не давило бремя славы. Остался земным, на земле.

Вообще мне кажется, звезды тех лет держались попроще, не заносились, не возносились. Их положение среди «простых смертных» тоже определяло время. Понятия «подвиг», «героизм» относились не к тем, кто выходил на футбольное поле, а к тем, кто сидел на трибунах, поблескивая боевыми орденами. И футбольные отчеты не изобиловали словами «накал борьбы», «мужество», «драматизм», «самоотверженность».

Сегодня, на фоне благополучной жизни, они кажутся вполне уместными в спортивной хронике, а тогда...

И жили звезды скромнее, чем сейчас. На матчи в другие города отправлялись в общих переполненных вагонах, поселялись где придется. Многоместный гостиничный номер с умывальником в конце коридора считался неслыханным везением, роскошью. Словом, жили, как все, запросы тоже были скромны, как у всех. Квартиры и прочие пироги появились значительно позже.

Я вовсе не против того, чтоб людям воздавалось по физическим и нервным затратам. Чтоб в перечень особых обстоятельств, дающих человеку право на блага, входили перегрузки, которые не всем доводится переносить, и страшное напряжение жизни. Тревожит меркантилизм, с некоторых пор сопутствующий спорту. Футболист забьет несколько мячей, и у него сразу же подсакивают запросы. Дать футболу он хочет чуть-чуть, а взять все, что можно и нельзя.

Не могу сказать, что старшее поколение идеально во всем. Но любовь к спорту была очищена от материальных расчетов, дедачества.

...Итак, Москва. Я сделал некоторый скачок во времени - невольно перемахнул в лето, на «Динамо», на игры чемпионата, а приехал сюда, как уже говорил, зимой, успел надрожаться на январских морозах, не раз вспомнил мягкие сухумские зимы, которые здесь вполне могли сойти за лето. Правда, особого времени для воспоминаний о доме, грусти и тоски по родным не было.

Сразу же отправился с Гороховым во Дворец «Крылья Советов», где меня представили команде. Со многими встретился как со старыми знакомыми - они же приезжали в Сухуми. А вот маленького, пожилого, по моим тогдашним понятиям, человека с мальчишеской челкой видел впервые. Когда мне назвали его имя - Петр Тимофеевич Дементьев, - оробел: знаменитый Пека!

Начались тренировки. С первых дней ощутил всю тяжесть спортивной дисциплины. Это тебе не сухумские занятия, где все делалось в охотку: устал - отдохни. Можешь опоздать на тренировку, можешь вообще не явиться. Там я и чувствовал себя по-другому, пользовался авторитетом. А здесь кто я? Мальчишка, новичок. Хорошо, что отношения в команде были доброжелательными. Даже сам Петр Тимофеевич, человек в общем-то нелюдимый, подойдет, посмотрит, скажет скороговоркой:

- У тебя все есть... Способности есть. Учиться надо. Учиться... Делай вот так...

Понимал, что надо учиться, да моих сухумских накоплений для учебы, для нового скачка явно не хватало. Чувствовал, что из школы сразу перескочил в академию, не имея для этого достаточных знаний. Для меня начинался другой футбол. Раньше знал одно: лететь к воротам, закладывать финты, обводить соперника, прорываться. Но мои соперники теперь футболисты высокого класса. И, ощутив в первых же матчах жесткость опеки, понял, что надо научиться укрощать мяч в доли секунды и в доли секунды принимать решения. Не освою этого - дальше не двинусь.

- Делай вот так... - подходил Петр Тимофеевич, - Смотри... Данные есть... Так ты давай! Уверенней!

В «Крыльях» собрались футболисты разных поколений. Петр Архаров, Георгий Мазанов, Виктор Карелин, Александр Ильичев, Владимир Егоров и Петр Дементьев - ветераны, отцы футбола, как мы говорили. Братья Николай и Петр Котовы, Борис Запругаев, Иван Новиков, Семен Беляков, Алексей Ромашов представляли среднее поколение. Все были, как говорится, в расцвете сил. За ними шла зеленая поросль вроде меня.

Вольно-невольно в команде существовало возрастное разделение: ровесники больше тянулись друг к другу, и я очень подружился с Сергеем Коршуновым. Вместе гуляли по Москве, ходили в кино, я бывал у него дома. Ребята-москвичи держались в команде посвободней, повольней, чем я: город, видимо, накладывает отпечаток на характер. Рядом с Сергеем чувствовал себя уверенней, он помогал мне осваиваться, входить в коллектив. Был в буквальном смысле поводырем. Если мне надо было спросить о чем-то на улице, к Сергею обращался: «Подойди, спроси», и вопросы Дангулову задавал через него.

Перед Абрамом Христофоровичем, немногословным, сдержанным, который к каждому обращался только на «вы», робел особенно. Сказывалось тут еще и мое воспитание: подчеркнуто почтительное отношение к старшим в традиции южных, восточных народов - вперед не забегай, со словом не спеши.

За старшими игроками команды следил с мальчишеским любопытством - какие они, мастера?

Петр Тимофеевич Дементьев замкнут. Говорил мало. Нелегко находил общий язык с людьми.

Когда впервые увидел Пеку на поле, был потрясен его умением обращаться с мячом. Думаю, даже сегодня, при возросшей технике, он поражал бы и мастеров и болельщиков.

Уже тогда бытовало такое выражение: «Мяч привязан к ноге». Сейчас это избитые слова. Но про Петра Тимофеевича иначе не скажешь. Лев Кассиль очень точно рисует его в рассказе «Пекины бутсы»:

«На поле во время игры Пека был самым резвым и быстрым. Бегает, бывало, прыгает, обводит, удирает, догоняет - живчик! Мяч вертится в его ногах, бежит за ним, как собачка, юлит, кружится. Никак не отнимешь мяча у Пеки, никому не угнаться за Пекой».

В играх к Пеке всегда прикрепляли персонального опекуна. И опекун не расставался со своим подопечным от первой до последней минуты матча. Дементьев привык к такой «заботе» и перемешался по полю вместе со своим сторожем. И все-таки ускользал от него, получал мяч, и отобрать его у Пеки было просто невозможно. Владея прекрасным дриблингом, обводкой, иной раз закладывал такой финт, что опекун, растерявшись, под хохот трибун бросался в одну сторону, а Пека уходил в другую.

Маленький, он казался еще меньше рядом с высокорослыми соперниками. Но умудрялся побеждать в воздушных дуэлях даже Леонида Соловьева и Михаила Семичастного, знаменитых динамовцев, которые были чуть ли не на голову выше. Срабатывала его врожденная ориентация в пространстве, умение увидеть точку, в которую опустится мяч, правильно рассчитать момент прыжка, благодаря этому неизменно опережал соперника. На какое-то мгновение опережал, но оно-то все и решало.

Уверенный в своем большом мастерстве, никаких особых условий, привилегий для себя не требовал. Все указания тренеров выполнял добросовестно и старательно. Показывал всем нам пример образцового отношения к футболу. На тренировках не упускал случая повторить еще и еще раз хорошо освоенный технический прием или попробовать новый. С мячом работал в удовольствие. На первых порах мне казалось: все, что он делает, нетрудно скопировать. Но начинаешь подражать - все так и не так. Своеобразие неповторимо.

О себе он рассказывал мало. Не балагурил, не острил. Правда, иногда не прочь был пошутить. Но и шутки у него были своеобразные, дементьевские. На лице ни один мускул не дрогнет, и не поймешь сразу - то ли всерьез говорит, то ли разыгрывает. Думаешь, смеяться или принимать его слова за чистую монету, а он молчит, смотрит на тебя выжидательно. Многие попадались на его уловки. Только тогда Пека позволял себе чуть-чуть улыбнуться: «Не обижайся, нельзя и пошутить».

Не сразу можно было понять, насколько он добр. Однажды в заводской столовой, где обедала наша команда, произошел такой случай. Рядом с Дементьевым сел Михаил Джоджуа. Официантка поставила на стол сразу все блюда - так было заведено, а Миша куда-то отошел.

Петр Тимофеевич принялся за свой суп. И вдруг голос: «Одолжите немного хлеба». Дементьев поднял голову. Рядом со столом стоял плохо одетый пожилой человек. В первый год после войны многие жили впроголодь, и немало было людей с неустроенными, изломанными войной судьбами.

- Хлеба? - переспросил Пека. - Садись-ка ты лучше за стол. Вот тебе и хлеб и обед.

Мужчина посмотрел на аппетитно дымящиеся блюда, потом снова на Дементьева.

- Садись, садись! - настоял тот.

Через минуту-другую с тарелок почти все исчезло. И тут вернулся Миша.

- Ва! Как ты сюда попал? - удивился незнакомцу.

Тот съезжился, покосился на Джджуа и, кивнув на Дементьева, начал оправдываться:

- Я хлеба хотел... А он за стол пригласил...

- И ты ему веришь? Я только отвернулся, смотрю, сидит этот друг с ложкой. Не прогонять же, - как всегда серьезно сказал Пека.

Миша растерялся. Незнакомец поспешил удалиться. Только теперь Дементьев, улыбнувшись, сказал:

- Не ворчи. Сходи на кухню, там тебе что-нибудь найдут. Понимаешь, Мишка, жалко мужика, голодный ведь. Война, она, стерва такая, до каждого добралась...

Дементьев и на поле не терпел грубости, любил мягкую, техничную, я бы сказал, артистичную игру. Своим мастерством гипнотизировал защитников. Много лет прошло, а до сих пор перед глазами Петр Дементьев, Пека и мяч, движущийся рядом.

К сожалению, я играл рядом с ним всего один сезон. Потом Петр Дементьев перешел в киевское «Динамо», через два года в «Динамо» (Ленинград), команду, за которую выступал еще до войны.

И другой замечательный футболист Агустин Гомес, с которым я успел подружиться, покинул «Крылья Советов», приняв предложение московского «Торпедо».

Доброжелательный, мягкий, интеллигентный, Агустин как-то сразу расположил меня к себе. Он был старше года на четыре. Разница немаленькая для юности. Мог бы поглядывать на меня свысока, но он никогда ни в чем не подчеркивал своего превосходства.

Умен, образован, много знал, много читал, учился в институте связи, причем учился по-настоящему, не пользуясь никакими льготами и поблажками.

Поначалу казалось невероятным, что я рядом с ним в одной команде. Он - из Испании! А кто из мальчишек моего поколения не следил за испанскими событиями, за борьбой республиканцев или не мечтал попасть в интернациональную бригаду?

Агустин много рассказывал об Испании, о своем детстве, о первых бомбежках, о пароходе с детьми республиканцев, отправившемся из Барселоны в Советский Союз...

А как игрок он полностью раскрылся в «Торпедо». В «Крылышках» ему было тесно. За автозаводцев играл на левом краю обороны и центральным защитником. Был капитаном команды. Обладал великолепным позиционным чутьем, умел подстраховывать партнеров...

Глубокий, интересный человек - интересный футболист. Глядя на Гомеса, я уже в ту пору задумывался об этой связи - личность - мастер. Но точной формулы пока не находил.

...Весной мы выехали на сбор в Сочи. Ранний подъем, одна тренировка, другая, кроссовая подготовка... Работал из последних сил, стиснув зубы, а Горохов не уставал повторять:

- Мужество, я тебе скажу, мужество, понимаешь ли, украшает мужчину!

Жили мы в санатории пищевой промышленности, занятия проводили неподалеку, внизу у реки, на аэродроме. Сейчас этот район застроен новыми домами, а тогда на огромном поле ставили сразу несколько ворот, и несколько команд могли одновременно тренироваться. Если во время занятий или контрольных игр заходили на посадку самолеты, все отбегали в сторону и ложились на траву, чтоб не сбило ветром.

В апреле начинался чемпионат страны, и все гадали, где и с кем придется помериться силами в первом матче. Наконец сообщили, что первая игра нам предстоит с командой «Динамо» (Минск) в Сухуми. Я, естественно, обрадовался возможности встретиться с родными, с друзьями и в то же время заволновался: как проведу этот матч, как буду выглядеть на поле - соберутся болельщики, которые меня знают, - не потеряюсь ли среди мастеров?

В Сухуми не было отбоя от знакомых, все расспрашивали, как думаем сыграть, на что рассчитываем.

В день игры в гостиницу пришел сильно озабоченный двоюродный брат Иван, отвел меня в сторону и сообщил, что в нашем доме был обыск. Что искали, неизвестно. Не обнаружив ничего предосудительного, все же арестовали и увели отца.

Новость ошарашила - что делать? Вскоре появился мой бывший партнер по сухумскому «Динамо» (он работал в МВД Абхазии) и по секрету сообщил мне, что обыск и арест отца затеяны с единственной целью - заставить меня перейти в тбилисское «Динамо». Предупредил, что после игры и меня должны задержать, чтобы отправить в Тбилиси.

Я сразу же рассказал об этом руководству команды. От дикости случившегося не мог прийти в себя, настроение было прескверным. А надо выходить на поле, играть...

В раздевалке ко мне подошел капитан «Крылышек» Владимир Егоров, ставший впоследствии известным хоккейным специалистом:

- Не волнуйся, Никита. В обиду не дадим, забрать тебя не позволим. И играй, как ты умеешь.

Первый матч первенства СССР мы выиграли, и надо было такому случиться: единственный гол забил я. Хотя во время игры получил травму, с поля не ушел.

Ребята окружили меня плотным кольцом, надеясь таким образом помешать беззаконию, проводили до гостиницы. Все решили, что мы с Абрамом Христофоровичем Дангуловым немедленно, не дожидаясь всей команды, должны выехать в Сочи. Я волновался за отца, но меня убедили, что мое присутствие в Сухуми лишь осложнит все дело. Я уеду, и его выпустят: нет же никаких оснований, чтобы держать под арестом.

Отца освободили через два дня. От него требовали: уговори своего сына перейти в тбилисское «Динамо».

В отце всегда было сильно чувство достоинства, и тут, возмущившись несправедливостью, он твердо ответил:

- Мой сын будет играть за ту команду, которую выберет сам. А я готов сидеть у вас сколько угодно, за мной вины нет.

Осенью после окончания чемпионата я приехал домой на отдых. Прошло несколько дней, в дом явился незнакомый человек и сказал, что меня просит зайти министр МВД Абхазии. Я отправился в министерство.

Министр предложил присесть и завел разговор издали: почему я, воспитанник грузинского футбола, оказался в Москве? «В общем, - подытожил он длинную преамбулу, - у руководства Грузии есть мнение, что ты должен играть за команду республики, и тебе необходимо поехать в Тбилиси, чтобы переговорить обо всем на месте». Я понял, что министру дано указание препроводить меня в столицу Грузии.

Вышел подавленный. Все это никак не укладывалось в голове - и внимание к моей персоне, и вмешательство в футбольные дела на столь высоком уровне. Встревожен был больше, чем весной: тогда все обошлось, обойдется ли сейчас? Этот случай накладывался на другие, о которых рассказывали родители: арестовывали, высылали за пределы республики людей безо всяких на то оснований.

Дома стали уговаривать поехать в Тбилиси - вдруг будет хуже, если откажусь?

На вокзале меня встретил Борис Пайчадзе, бывший уже в ту пору знаменитым футболистом, сказал, что нас ждут. Я не поинтересовался, где ждут, решив, что встречу с руководителями тбилисского «Динамо».

Борис Соломонович провел меня в солидный кабинет, где в кресле за столом сидел тучный человек в штатском. Потом уже выяснил, что хозяин кабинета - руководящий работник министерства внутренних дел республики.

- Слушай, - начал он без предисловий, - зачем тебе жить в Москве? Ты - армянин. Грузины и армяне - братья, а русские нас турками называют.

Я добавил, что еще и казбеками, но это ровным счетом ничего не значит.

- И все равно, как же ты можешь за них играть?!

Я ответил, что в команде ко мне все прекрасно относятся. И что, прожив год в Москве, не почувствовал неуважения ни к себе, ни к армянам или грузинам вообще. Не ощущаю разницы между собой и своими русскими товарищами.

Но мой собеседник не унимался:

- Мы, кавказцы, должны держаться вместе!

Видя, что атака ведется не на шутку, я стал придумывать разные предлоги, чтобы поскорее оставить этот кабинет и вырваться из Тбилиси. Сказал, что прежде мне необходимо съездить в Москву, объясниться с руководителями команды, взять документы.

- Ничего не надо! Сделаем тебе новый паспорт! Захочешь - будешь Симонишвили.

- Я хочу остаться Симоняном.

- Ладно, ладно, это шутка, - развеселился хозяин кабинета.

Договорились в конце концов, что я съезжу только в Сухуми и вернусь через несколько дней в Тбилиси.

Борис Пайчадзе проводил меня на вокзал. Всю ночь в поезде я не сомкнул глаз. Надо было делать выбор, принимать решение. Расстаться с «Крыльями»? Этого не мог представить. Горохов, Дангулов, ребята... На меня уже рассчитывали в команде. Как я им все объясню? Кто-нибудь из них скажет: не обращай внимания, забудь. А я очень волновался за родителей. После весеннего обыска, ареста отца ощутил незащищенность людей перед беззаконием, дурной начальственной волей. Вдруг придется ни за что страдать матери и отцу? В то же время отметил это, успокаивал себя: должна же где-то быть справедливость, и в Москве ее, наверное, можно найти...

Родителям все рассказал - и о том, что произошло, и о своих сомнениях. В который раз был благодарен им, что они меня поняли: «Нельзя, сынок, подвести людей, которые тебя пригласили раньше и так тепло приняли. А с нами, может, все и обойдется».

Купил билет на первый проходящий поезд, залез на третью полку и до Москвы почти не спускался вниз...

Недавно я рассказывал эту историю в Тбилиси своим грузинским друзьям и спросил, если напишу о ней в книге, все ли поймут меня правильно, не сочтет ли это кто-то оскорблением национальных чувств?

- При чем тут национальные чувства, народ? Время было такое...

Да, сложное, противоречивое время. Мне, можно сказать, повезло: уняли свои амбиции футбольные меценаты, меня и родителей оставили в покое. Но как трагично прошлось по многим судьбам беззаконие культа, самоуправство приспешников Берия! Вспоминая, всякий раз думаешь, как хорошо, что хватило у нас сил все это преодолеть.

...Владимир Иванович Горохов был моим главным наставником. На тренировках спрашивал с меня больше, чем с других. Никаких поблажек, хоть и жил с ним в одной семье, я не имел. Наоборот. Мягкий, иной раз так прикрикнет, что ушам своим не поверишь. Основой его работы была требовательность. Любил повторять:

- Только через трудности, через пот и через «не могу», понимаешь ли, можно добиться успехов в спорте.

Однажды на учебно-тренировочном сборе он раньше других поднял меня и Сергея Коршунова. Разминка прошла как обычно, а потом началось: одно упражнение, другое, пробежки, прыжки, снова пробежка... Даже в глазах потемнело. Присели на корточки и, не сговариваясь, выдохнули: «Хватит, Владимир Иванович, сил нет!»

Горохов сердито посмотрел на нас, махнул рукой:

- А я-то думал, вы мужчины, - повернулся и пошел.

Мы с Сергеем переглянулись: «Не герои, стало быть. Раскисли. Кончились», - и побежали за ним.

- Владимир Иванович! Не уходите! Мы готовы продолжать.

- Сил у них нет, понимаешь ли, - ворчал он уже добродушно. - Ходить пешком по полю у каждого силы найдутся, а вот чтобы весь матч провести как следует, не ударить в грязь лицом перед болельщиками, для этого нужно работать. Поняли?

Владимир Иванович любил свое дело. Никогда не отказывал молодым в просьбе провести дополнительную тренировку. Брал под мышку два мяча, широко улыбался, приговаривая:

- Работа, работа и еще раз работа, я вам скажу, требуется в футболе.

Он мог с утра до позднего вечера оставаться на поле.

Когда в 1948 году в игре с «Локомотивом» я получил тяжелую травму коленного сустава - неудачно столкнулся с вратарем, - Владимир Иванович решил сам меня лечить.

- Поставим на ноги, понимаешь ли, в два счета, - убеждал он. - Врачи врачами, а у меня есть средство, от которого ты через неделю забегаешь. Ложись!

Я лег.

- Вытяни ногу!

Вытянул. Горохову доверял безгранично. Он положил в банку парафин, поставил на плиту. Когда парафин закипел, потирая руки, еще раз посмотрел на колено и торжественно сказал:

- Можно приступать.

Процедура называлась (это я позже уяснил) парафиновая ванна. Название - медицинское, исполнение - гороховское. Владимир Иванович вылил кипящий парафин на кусок материи и наложил на колено, поверх повязки. Парафин прикрыл компрессной бумагой. Он не успел как следует застыть, и я почувствовал, как на обратную сторону колена, на сгиб медленно потекла густая огненная масса.

- Владимир Иванович, больно! - заорал я.

- Больно? - с улыбкой переспросил Горохов. - Ну и актер ты, Никита. Кричишь как резаный. Ведь кто другой и поверит. Только не я. Каков артист, а-а? - обратился он к Виктору Ворошилову, который помогал ему (Виктор в то время играл в нашей команде). - Правдоподобно кричит. Так, пожалуй, и артисты не умеют.

Я понял - крики не помогут. Стиснув зубы, стал терпеть. Так пролежал час. Пришло время снимать повязку. Горохов предупредил:

- Если твои крики, артист, не подтвердятся, накажу, понимаешь ли.

Выше коленной чашечки я увидел красноту и с радостью указал на нее пальцем.

- Во, какая краснотища! А вы - артист да артист...

- Клим (так мы звали в команде Виктора Ворошилова), мы с тобой ошиблись: не артист он, скорее артистка. Только дамы так могут орать. Красноты, понимаешь ли, испугался.

И тут я повернул ногу, чтобы посмотреть, как парафин прогрел ее с другой стороны. «Доктор» вдруг замолк и удивленно поднял брови. Огромный белый волдырь украшал место сгиба.

- А это что? - спросил я Горохова.

Смутившись, он тихо изрек:

- Да, понимаешь ли, это ожог. Самый настоящий ожог!

Гороховский метод не помог. Травма оказалась чересчур серьезной.

В то время лучшим специалистом по коленным суставам считался Абрам Моисеевич Ланда. Видный хирург, ученый, учитель Зои Сергеевны Мироновой. Дангулов повез меня к нему домой, на улицу Чайковского. Он, осмотрев ногу, сказал: «Где тонко, там и рвется». - «Так что с ним делать?» - спросил мой тренер. Я ждал с замиранием сердца. Что, если доктор произнесет сейчас слово «операция»? Не операционный стол, естественно, страшил, а то, что придется надолго выбыть из игры. Обидно: хорошо начал сезон, только-только почувствовал уверенность.

- Не будем спешить с операцией, - заключил Ланда, - вполне возможно, тут молодость вывезет. Пошлем его пока на грязи, а там...

И меня отправили в Одессу. Так что лето все-таки у меня пропало.

А над Владимиром Ивановичем при всяком удобном случае подшучивали:

- Ну-ка, «доктор», расскажи, как лечил Никиту...

В «Крыльях Советов» я прошел неплохую выучку. Понял, что в команде человеку могут простить слабость, ошибки, но не простят лени, равнодушия, зазнайства. И за одно это благодарен старшим товарищам. А на вопрос: нужен я или не нужен команде, - могло ответить время.

В «Крыльях Советов» я играл три сезона. Как играл - не мне судить. Забил в матчах чемпионата девять голов. Могло бы быть десять, если бы реализовал пенальти, который доверили мне пробить в ворота ЦДКА.

Волнуясь, поставил мяч, разбежался и мощно пробил... мимо ворот. Счет так и остался 1:0 в пользу армейцев. Потом они забили второй гол и ушли с поля победителями.

После игры, помню, армейские асы стали подтрунивать над своим массажистом Рябининым, который по совместительству работал и с нашей командой:

- Ты, Семен Степаныч, молодец! Настоящий армеец! Так поработал над мышцами Симоняна, что он и в ворота попасть не смог. Спасибо тебе!

- Ну, как же, как же, - подыгрывал им Рябинин. - Знал, что делаю, старался, на вас работал...

В сезоне 1948 года наша команда заняла последнее место. Сказался уход таких футболистов, как Дементьев, Гомес, да и многие наши «старички» закончили играть, а молодым еще не хватало опыта. И было

принято решение расформировать «Крылья». Тренеров Дангулова и Горохова перевели в «Спартак», а игроков распределили по разным московским клубам. Мне предложили «Торпедо».

- Твое место в «Спартаке», - убеждал меня Горохов, - и только в «Спартаке». Мы, тренеры, тебя хорошо знаем, знаем твои способности, твои возможности. А «Торпедо»... Не спорю, команда интересная, самобытная, но не забывай, что там есть Александр Пономарев.

Кстати, Пономарев, знаменитый торпедовский форвард, убеждал меня в обратном: «Не раздумывай - иди в «Торпедо»! Мы с тобой создадим сдвоенный центр. У нас здорово получится!»

Честно говоря, я оказался в трудном положении. Будучи человеком дисциплинированным, должен бы по логике характера безоговорочно пойти в «Торпедо». И все-таки внял гороховским словам. Да и самому мне не хотелось расставаться со своими тренерами: трудно привыкал к новым людям - это пройдет лишь с возрастом, - еще труднее отвыкал. А Пономареву я сказал: «Вы же выдающийся игрок, Александр Семенович, и вряд ли я сравнюсь с вами, вряд ли буду играть в основном составе». - «Но пойми, «Спартак» - это не «Торпедо», - не сдавался он. - Мы рабочий класс, рабочая команда!»...

Много лет спустя, когда мы оба стали тренерами, он вспомнил о старом разговоре и сказал: «Все-таки зря ты тогда не пошел в «Торпедо». Мы с тобой и в самом деле нашли бы общий язык...» А меня время убедило в обратном. Мы сыграли много сезонов - каждый за свою команду и каждый именно в нее вписался, в ее стиль, в ее ансамбль.

Я уже подал заявление в «Спартак», как однажды, рано утром домой к Гороховым пришел незнакомый молодой человек. Дверь ему открыл я, и он прямо с порога бросил:

- Никита, одевайся и едем на автозавод.

- Что случилось?

- Узнаешь.

Я оделся, мы вышли на улицу. Раннее зимнее утро. Было еще темно. До ЗИСа добрались быстро. Парень провел меня через проходную, и мы направились в административное здание.

- Ты можешь, наконец, сказать, куда ведешь меня? - не выдержал я.

Проводник мой буркнул:

- Я же тебе сказал - узнаешь!

Вскоре мы оказались у дверей директора завода И. А. Лихачева.

Иван Алексеевич встал из-за стола, протянул руку.

- Здравствуй, Никита. Так что же ты изменяешь автозаводцам? - сразу перешел он к делу. - Подал заявление в «Спартак»?

- Подал.

- Решил окончательно?

- Да.

- Тебе не кажется, что защищать спортивные интересы работников индустрии более почетно и более достойно, чем... Что твой «Спартак»? Промкооперация! У нас же - огромный завод. Рабочий класс футбол любит, переживает за свою команду.

К директору я проникся большим уважением - открытый, дружелюбный, он не давил на меня своим авторитетом, но чувствовалось, очень хочет убедить играть за «Торпедо». Когда же понял, что я твердо сделал выбор, сказал:

- Жаль, но запомни, больше никогда ни при каких обстоятельствах в «Торпедо» мы тебя не возьмем, даже если на лбу у тебя засияют звезды.

Нет, не угрожал, как когда-то тбилисский футбольный меценат. Видно, очень любил свою команду, и ему казалось непонятым, как мог молодой парень отказаться от такого лестного предложения. А каково было мне? К такому директору я бы рабочим пошел в любой цех. Но в команду не мог: спартаковцы уже знали, что перехожу к ним. Я дал слово и изменить ему не мог. Как бы я выглядел? Юнец, не сказавший пока своего слова в футболе, уже мечется туда-сюда...

Но были у меня для такого выбора и другие причины, пожалуй, самые веские, хотя никому о них не говорил. Именно в ту пору, на третьем году жизни в Москве, я почувствовал уверенность в себе, освободился от внутреннего плена, раскрепостился. Теперь мог показать то, что умел с детства, и то, чему успел научиться в команде мастеров. В «Крыльях» я обрел крылья. Поэтому и в заголовке этой главы снял кавычки, которые поставил было поначалу, обозначив лишь место действия - «Крылья Советов».

Одно из прекраснейших ощущений - рождение уверенности. Прежде доверял только наставникам, теперь доверяю и себе. А мое «хочу» - «Спартак». Почувствовав, что уже способен учиться в «академии», хотел постигать науку именно спартаковскую.

1946 год. Финальный кубковый матч. «Спартак» встречается с тбилисским «Динамо». Он явно слабее, но выигрывает!

1947 год. Снова финал Кубка. На этот раз спартаковцы играют против «Торпедо», команды, превосходящей их во многих отношениях. И снова побеждают!

Сидел на трибуне, терялся в догадках - почему? Ведь это не просто везение. Какой-то неукротимый дух, А из чего он возникает, как его обрести?

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ - ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ

Сегодня играет «Спартак» - и я собираюсь на стадион. Посматриваю в окно - как там погода? У футболиста форма неизменна - хоть пекло, хоть снег с дождем. Это зритель волен утеплиться или прихватить зонтик.

Когда-то совсем другими были для меня дни спартаковских матчей. Настраивался на игру, выходил на поле... Теперь мое место на трибуне, в окружении страстных спартаковских болельщиков, которые уверены, что лучше тренера и футболистов знают, как должно играть их команде: «Отдай пас!» «Не стой!» «Куда мчишься, куда?!» Бывает, кто-то повернется в мою сторону: «Никита Палыч, - узнали, стало быть, - скажите вы им, чтоб они...» Разведу в ответ руками: я только зритель, ребята.

Давно не играю в «Спартаке», давно не тренирую эту команду, но вот для многих так и остался спартаковцем. Мне это приятно, потому что и сам себя таковым считаю. Я спартаковец. Как футболист, да и как человек я окончательно сложился в «Спартаке», и многое, что здесь понял, усвоил, ценно для меня и поныне. Если бы меня, скажем, попросили определить модель идеальной команды, то мне не пришлось бы абстрагироваться, называя ее черты и свойства. Это «Спартак» пятидесятых годов, команда, в которой я играл.

Может, время все сгладило? Память избирательна, в ней остается больше хорошего, чем плохого, особенно если воспоминания относятся к юности, молодости. Но уверен, оглядываясь назад с позиций игрока и тренера с немалым опытом, трезво оцениваю родную команду.

Сейчас очень модно говорить - «команда единомышленников». Кочует это определение из репортажа в репортаж, из одного интервью в другое, не сходит с уст телекомментаторов. Проведет команда одну-две хорошие игры - и все: единомышленники. Даже если команду раздирают противоречия, конфликты. Нередко, услышав это ходовое определение, теряющее свой изначальный смысл, хочется спросить: а в чем они единомышленники? Какие принципы - игровые или нравственные - исповедует команда? По каким законам строятся отношения между игроками и тренером, взаимоотношения в коллективе?

В «Спартаке» как раз четко проявлялись именно единые принципы, которым следовал каждый.

Уважение к своему делу, к мастерству. Правда, что греха таить, некоторые футболисты могли нарушить режим. Но к тренировкам, к игре относились серьезно, творчески. Умели анализировать свои действия, стремились совершенствоваться.

В командах высшей лиги, к сожалению, всегда существовало ремесленничество - его и сейчас предостаточно: пришел, погонял мяч, отыграл кое-как и ушел. Вроде бы футболист дисциплинирован, не к чему как будто придраться. Любое задание тренера выполняет беспрекословно, но механически. Пробил по воротам - мяч пролетел выше, он повернулся и пошел. Второй раз - то же самое. И так многократно. Не переживает из-за ошибки, не пытается ее исправить. Спросишь, почему мажешь, а у него наготове самооправдание: так получилось. Начинаешь разбирать, и окажется, не постиг азбучных истин, не пожелал задуматься над ними, дойти самостоятельно.

В «Спартаке» не водилось подобного. Мы хорошо усвоили: тренировка - подготовка к игре. Музыкант не выйдет на концерт без десятка, сотни репетиций: ищет единственно точное звучание ноты, музыкальной фразы. И красивого зрелищного футбола не покажешь без изнурительной работы и поиска. Мы строго спрашивали друг с друга. Если кто-то не выкладывается на тренировках - товарищи не спустят. Это не вносило разлада, наоборот, сплачивало коллектив.

Отсюда шло и единство команды на поле.

Оставить опекуна растерянным за спиной, подкупить обманым маневром и уйти от него - это удовольствие. Но истинное наслаждение испытываешь от сыгранности с партнером. Он понимает твои замыслы, а ты мгновенно улавливаешь то, что видит он, что задумал, делаешь рывок и оказываешься там, где тебя ждет пас. Была импровизация, вдохновение.

Думаю, в том составе команда могла бы приспособиться к любой системе игры (система, как известно, трансформировалась, пережила крутые перемены в 1958 году, в 1962-м...), потому что были яркие футболисты, яркие люди.

Мы умели отмечать и ценить достоинства друг друга. Нам было интересно вместе и после тренировок не спешили разбегаться по домам. Нередко большой компанией шли обедать, чтобы посидеть, поговорить, нередко почти всей командой, с женами, отправлялись в театр... Дорожили общением, возможностью послушать Игоря Нетто, большого книгочея и страстного любителя шахмат, или Сергея Сальникова, неистощимого рассказчика.

Не одним футболом жили. Юрий Седов, например, самостоятельно взялся за изучение английского и сегодня - он работает в Госкомспорте СССР - владеет им в совершенстве.

О спартаковцах моего поколения можно сказать: личности. И в групповом портрете команды ни один не затерялся. Каждый на виду. Каждый привлекает внимание. Каждый индивидуальность.

...Атака накатывается на ворота соперника, вырываюсь вперед - вот оно, мгновение, которого нельзя упустить. Все решит доля секунды, надо бить по воротам тотчас! Я без мяча, но точно знаю, сейчас он будет у моей ноги: щуплый юркий Тимофеич сделает точнейший пас, и я пробью!

Счастье, что мне довелось играть рядом с Николаем Тимофеевичем Дементьевым, братом легендарного Пеки. Ему я обязан многими своими голами и становлением как игрока.

У братьев была разная манера игры. Оба неповторимы и оба талантливы. Николай - левый полусредний нападающий. В «Спартак» пришел в тридцать лет и играл до тридцати восьми за счет своего исключительно профессионального отношения к футболу. Выступал прежде за ленинградское «Динамо», за московское, но считал себя спартаковцем, настолько сродни стал ему этот клуб.

Хотя возрастная разница между нами была большой - около одиннадцати лет, - взаимопонимание в игре пришло очень быстро. Как только он брал мяч под контроль и я начинал предлагать себя, открываться - тут же получал пас. В мгновение. Тимофеич не был жаден на передачи. Иной раз мог сам поразить ворота, находясь в выгодной ситуации. Ему кричат: «Коля, Тимофеич, бей!» - а он неожиданно отдает мяч. В перерыве или после матча говоришь ему: «Коля, что же ты? Мог ведь и сам забить!» - «Да ладно, ничего, нормально...»

Отличался колоссальной работоспособностью. Не останавливался ни на секунду, участвовал в обороне, тут же переключался в нападение и посылал своих партнеров вперед.

Тимофеич был невероятно аккуратен. Казалось, что аккуратностью он подчеркивает свое уважение к футболу. Всегда начищенные до блеска бутсы, свежая майка, выглаженные трусы. Так выходил на любую тренировку, а после тренировки сразу же стирал свою форму, сушил, наглаживал. И мы невольно подтягивались рядом с ним, стыдно было не следовать примеру.

Он казался таким же молодым, как большинство из нас. Держался со всеми просто, на равных. От него во многом шла обстановка доброжелательности, спаянности, дружбы, которая складывалась в команде, и эта спаянность переносилась на поле. Человек почти всегда един в игре и в жизни.

Все знали, Дементьев - настоящий товарищ и удивительный семьянин. Дом для него был всем, даже футбольные вопросы решал на семейном совете. Если что-то не нравилось его жене Зине, Зинаиде Ивановне, она говорила: «Мы с Колей уходим». Это стало нашей любимой присказкой: скажешь: «Мы с Колей уходим», - и все поймут, что ты чем-то остро недоволен. Зина бывала на тренировках и непременно на всех матчах.

Сейчас далеко не все жены так ходят на футбол. А выйти замуж за футболиста мечтают многие. Завлекательно: слава, зарубежные поездки, модные тряпки... Но быть женой футболиста так же нелегко, как, скажем, женой моряка. Жизнь футбольной звезды трудна - перегрузки, нервное перенапряжение. Человеку в такой ситуации очень нужен надежный дом, где он всегда встретит понимание. А некоторые ребята - по ним чувствуешь - возвращаются на сборы расстроенными, взвинченными. Случается, закончилась футбольная карьера - и жена спешит с признанием: «Ошиблась. Не любила, не люблю...»

Конечно, я знаю и хорошие семьи, заботливых жен. Но нередко они устраивают тренерам настоящую осаду:

- Муж не бывает дома, то у него поездка, то сборы! Это же ненормально! Что за жизнь?!

Начинаешь говорить:

- Разве вы не знали, что выходите замуж за футболиста? Так и будет, поездки, сборы... Вот кончит играть, станет домоседом. А пока терпите...

В наше время, правда, было повольней. В Тарасовке общество «Спартак» снимало частные дачи. Холостяков поселяли по двое-трое в комнате, женатых отдельно. У всех семейных жены с детьми приезжали в Тарасовку на лето. Ходили друг к другу в гости.

На одной из дач жил Тимофеич с супругой. Зинаида Ивановна была хозяйственной, домовитой и властной: следила, чтобы муж строго соблюдал режим. Иногда после игры, после бани Николай зовет нас к себе: «Пошли, ребята, посидим, победу отпразднуем». - «А Зина?» - спрашиваем с опаской. «Что Зина?! Что Зина?! Кто, в конце концов, хозяин в доме?»

Зина с порога угадывала наше настроение, наше намерение. Под горячую руку такого могла наговорить! Но быстро отходила, начинала накрывать на стол. У нее всегда все было вкусно. Мы ели, похваливали. А Тимофеич с гордостью поглядывал на жену, был рад, что мы у него в гостях, что и нам достается ее забота.

Не припомню в команде человека, который бы его не любил, не относился с особым почтением. Игорь Нетто ласково называл его дедушкой русского футбола.

Когда я только попал в «Спартак», «дедушек» в нем было немало. Капитан Василий Соколов. Прирожденный вожак, хотя человек далеко не простой. Большая сила воли, злость, азарт в игре. Влияние на других имел огромное. Ему было за тридцать шесть и тем не менее продолжал играть.

В линии полузащиты в то время играли Олег Тимаков и Константин Рязанцев. Тимаков - суровый, напористый, всегда лез вперед. Не обладал высокой техникой и тем не менее часто забивал решающие голы. Рязанцев - полная ему противоположность. Не очень быстрый, маленький, кругленький, курчавый, нос картошкой. Его звали «Карандаш». Ростом он, правда, был повыше знаменитого клоуна, любимца Москвы тех лет, но очень похож на него. Отличался высокой техникой, свои умения и знания держал при себе.

Если у кого-то не получался тот или иной прием, Рязанцев, подойдя, говорил: «А я знаю, как это сделать, но не покажу». Фирма секретов не выдавала. Иногда, правда, расщедрится, ответит в сторону: «Ладно, только тебе... Смотри. Но ты - никому!» Нет, это был не Тимофеич со своей широтой. И не его знаменитый брат Пека.

Вскоре Рязанцева сменил Нетто. Прежде он играл в дубле. Был уже замечен, знал себе цену. Если его не ставили в основной состав, заявлял старшему тренеру Дангулову:

- Все равно я свое место не сегодня завтра займу.

И мы верили: займет. Все при нем - умение играть в обороне и в атаке, чувство игры, характер, наконец, спортивная злость.

Он играл современнее Рязанцева. Ведь футбол идет вперед - увеличиваются скорости. От игрока все больше требуются быстрота мышления, способность мгновенно принимать решения. Рязанцев уже выглядел тихоходом, а Игорь в совершенстве владел скоростной техникой. Мог в мгновение обыграть соперника, рвануться вперед, нанести удар и тотчас вернуться назад.

Все игроки его сразу признали.

Но как только он это почувствовал, тут же прорезалось все своеобразие его характера. Стал нетерпим к нам на поле. Не прощал ни малейшей оплошности в игре, грыз всех нещадно. В общем-то он всегда бывал прав, но ведь не за всякий промах стоит корить. А Игорь давил на всех и вся, кричал. Правда, при этом никогда не останавливался и ни на секунду не упускал из виду мяч.

Мчится в атаку, но успеваешь крикнуть Коле Тищенко: «Хохол, куда лезешь, что делаешь?»

Вспоминая матчи, так и слышишь их «звуковое сопровождение». Товарищи ведь тоже не молчали, не спускали.

Скажем, такого, как Тищенко, он не мог вывести из равновесия, а вот Анатолий Ильин, случалось, терялся. Игорь до конца, пока Толя играл, «ел» его, «воспитывал». Ильин нередко сам пытался забить мяч, хотя выгодней было передать товарищу. И Нетто прорывало: «Ты что?! В газету мечтаешь попасть?»

Незаметно Нетто выдвинулся в лидеры. И потом, когда закончил играть Василий Соколов, мы выбрали Игоря капитаном, хотя, конечно, характер капитана далеко не всем нравился. Но все понимали: он справедлив. И это было главным. Плохо другое: в игре, когда все напряжены до предела, от горячего слова нетрудно завестись.

Сергею Сальникову, одному из лучших игроков команды, влюбленному в красоту футбола - даже в сложных ситуациях Сергей старался применить красивый прием, - капитан мог бросить: «Ты что, для кухарок играешь, да?» Бытовало у нас такое выражение - значит, на публику, на девушек.

Сергея подбегал ко мне: «Никита, что от меня хочет этот... Что мы с тобой, хуже, чем он, играем? Почему он меня грызет? Я что ему, мальчишка?..» - «Не мальчишка, так ответь!» - говорил я. «Дело не в этом, - Сергея начинало заносить. - Тут вопрос принципиальный: мы что, хуже играем?..» А игра не прекращается, и снова крик: «Не умеешь мяч остановить?» Это уже адресуется Коле Паршину. Он был игроком не очень техничным, но обладал исключительной храбростью. Шел напролом, мог забить головой мяч, который летел в полуметре от земли. И отношения с капитаном Коля выясняет мгновенно, не оглядываясь: «Иди ты...»

Помню, был матч с «Локомотивом». Игра не шла. В раздевалке во время перерыва Николай Петрович Старостин метался от одного игрока к другому: «Сережа, - подбегал к Сальникову, - ты что, не можешь ребят

вывести в прорыв?» «Никита, ты что, не можешь потерзать защиту?..» Нетто сидит, опустив голову. «Ну а ты, капитан, не можешь команду взять в руки?» - «Нет, не могу, Николай Петрович, не могу: посылают меня...»

Матч с Индонезией на Олимпиаде в Мельбурне. Индонезийцы так построили защиту, что к воротам не прорваться: на одного нашего игрока бросаются трое. Нужна четкость действий, а правый полузащитник Масленкин все время пытается пересечь зону Нетто, мешая ему тем самым. Вьедливый капитан бутсой чертит границу: «Не лезь в мою зону, не лезь! Вот твоя зона, вот моя зона, понял?...»

Мы не всегда бывали удовлетворены нагрузками на тренировках, просили, чтобы занятия проходили более интенсивно. Но «просили» - это не про Игоря.

Вот Николай Алексеевич Гуляев дает задание: «Сейчас мы сделаем легкую пробежку, общеразвивающие упражнения, бег с высоко поднятыми коленями...» И тут же Нетто восстает: «Этой ерундой мы заниматься не будем!» Тренер наш сдержан, склонен всегда спокойно убеждать: «Игорь, есть общий порядок...» Подходит Старостин: «Что за митинг?» - «Нам не дают в футбол играть: нам надо набегаться, уйти в мыле, а нам предлагают монотонные упражнения...» - «Николай Алексеевич, мы же имеем дело с профессионалами, - дипломатично расставляет все по местам Старостин. - Может, стоит к ним прислушаться?»

Нетто говорил все и всем в глаза, а вот критики в свой адрес не любил. Например, Николай Алексеевич делает замечание: «Игорь, ты играл хорошо, но коротко». Игорь избегал длинных передач: будучи самолюбивым, не рисковал, его пасы были короткими или средними, играл наверняка, иначе самого себя потом бы заел. Так что Гуляев наступил ему на мозоль, и Игорь взвился: «Я всегда буду отдавать пас своему. В деревенский футбол, в «бей-беги» играть не намерен!» - «Нет, Игорь, если бы ты играл длиннее, было бы все острее». - «Вы глупостей не говорите!»

Такое мало кому могло понравиться. Но Игорь - это Игорь. В нем столько достоинств, что его не просто терпели, воздавали за них должное, а любили. Был отходчив. Игра закончилась - и все, как будто никаких инцидентов на поле не наблюдалось. Обруганные поворчат и тоже склонятся к полному миру: видели, как капитан сам бился, сражался, не щадя себя. После атаки молниеносно возвращался на место и еще успевал следить за всей игрой, чувствовал свою ответственность за исход матча, за всех нас, поскольку мы - одна команда. Все успевал.

Непросто найти такого вожака. Это талант. Но капитаном «Спартака» и сборной его избирали много лет подряд не только потому, что он умел руководить на поле.

Мы признавали за ним право на жесткую требовательность: не было случая, чтобы кто-то из нас усомнился в его справедливости, честности, высокой порядочности.

На чемпионате мира в Чили, в тяжелейшем ответственном матче, он лишил команду засчитанного уже гола.

Сборная СССР играла со сборной Уругвая. Мяч влетел в сетку ворот соперника. Гол засчитан, судья показывает на центр поля, и тут к нему подбегает Нетто, просит подойти к воротам и объясняет, что мяч был забит с внешней стороны сетки, угодил в то место, где она была прорвана. И если бы не дыра...

Как много говорили на том чемпионате о поступке капитана советской команды! Восхищались, удивлялись. Но не удивились те, кто знает Игоря Нетто. Он просто не мог поступить иначе - это все в крови, в характере.

Часто думаю сегодня: а если бы пришлось ему участвовать в договорной игре - ведь запланированный заранее результат не тайна для футболистов, - как бы он поступил? Уверен, взбунтовался бы, покинул поле, команду.

Для Игоря не было мелочей как в футболе, так и в жизни. И он не изменился. Однажды собрался навестить меня в больнице, а нашего общего приятеля, который тоже хотел пойти, с собой не взял. Наказал таким образом за то, что тот, по его мнению, в последнее время не совсем правильно живет. Я смеялся над неисправимым другом: «Вот это принципиальность!..»

Свое мнение всегда выскажет. Иногда это очень надо, а иногда и не очень. Может быть, поэтому он, выдающийся игрок, не стал столь же выдающимся тренером. То, что поймут, простят товарищи, что отольется в их спортивной злости, не всегда поймут воспитанники. На похвалы Игорь Александрович скуп, следует строгому правилу: не хвалю никого, пока по-настоящему не заслужит.

И еще мне кажется, он никак не мог до конца победить в себе игрока. Не он один. Встречал многих хороших футболистов, которые, став тренерами, продолжали - сколько бы лет ни прошло после конца

спортивной карьеры - жить теми событиями, в которых реализовывались как игроки. И из молодых футболистов они прежде всего стремились вылепить свою копию, свое повторение. Но ведь стать Нетто никто не сможет.

А Сергею Сальникову, на мой взгляд, не хватало для тренерской работы собранности. Будучи уже тренером, мог опоздать на тренировку, не понимал, насколько это серьезно. Когда он работал у меня помощником, минут за двадцать до конца тренировки мог уйти, считая, что уже не нужен здесь. Не преодолел в себе человека неорганизованного. Может, это неотъемлемое свойство разносторонне талантливых людей?

Однажды нас, команду, пригласил для беседы секретарь Бауманского райкома партии, а Сальников не явился. «Где же ваш Сальников?» - спросил он; не заметить отсутствие такого популярного игрока было нельзя. И Николай Петрович Старостин, большой дипломат, начал, что называется, заминать Сережину непунктуальность: «Понимаете, все дело в том, что Сергей Сергеевич по натуре своей человек рассеянный. Я думаю, что он, видимо...» И тут встрял Игорь: «Никакой он не рассеянный. Он просто распушенный». Сальникову позвонили, и минут через двадцать он явился, заспанный, небритый.

- Сергей Сергеевич, - обратился к нему секретарь. - Тут считают, что вы рассеянный, а некоторые даже утверждают, распушенный, а вы сами как полагаете?

- Я, честно говоря, над этим вопросом не задумывался, - ответил Сергей. - Может, рассеянный, может, и распушенный. Не знаю.

Был непосредственным, как ребенок. Непосредственным, как всякий талантливый человек.

Окончил факультет журналистики. Писал о футболе. Настолько тонко и образно, что до сих пор не могу поставить рядом с ним ни одного известного спортивного журналиста.

Я говорил ему не раз:

- Сережа, не вышел из тебя тренер. Займись журналистикой всерьез. Ты великолепно знаешь футбол. Ты знаешь его лучше, чем многие специалисты, ты видишь и замечаешь больше, но ты не тренер.

А он не мог оторваться от футбола. И готов был, кажется, носить мячи на поле, полагая, что это занятие более важное, чем газеты, репортажи, статьи...

В 1949 году, когда я пришел в «Спартак», Сальников играл на левом краю. Слышал о нем еще раньше - он был в составе ленинградского «Зенита». В 1944 году «Зенит» стал обладателем Кубка страны, и решающий гол в финальном матче забил Сальников.

Сергей - москвич. Лето обычно проводил со своими родителями на даче в Тарасовке. Детство, можно сказать, прошло на маленьком стадионе, где он видел выдающихся мастеров, ведь Тарасовка и до войны была базой «Спартака». На глазах у него тренировались Старостины, Степанов, Семенов... Безусловно, та великолепная техника, которой владел Сергей, осваивалась с детства.

Мы играли вместе с ним год, а в 1950-м он перешел в «Динамо». Из «Спартака» редко уходили в другие клубы, в другие команды. И поступок Сальникова вызвал бурю возмущения у игроков, поклонников команды. Сергей объяснял свое решение вескими причинами: неожиданно без всяких оснований был арестован отчим. И Сальников надеялся, что, став динамовцем, сможет тем самым как-то облегчить его участь. Потеря для команды была, конечно, ощутимой, все мы тяжело ее переживали. Тогда вообще острее, чем сейчас, воспринимались переходы из клуба в клуб, тем более что Серегу любили.

Именно в тот год, в финале розыгрыша Кубка страны, «Спартак» схлестнулся с московским «Динамо», где уже выступал Сальников.

В матче против своей бывшей команды «перебежчик», как правило, старается сыграть вдвойне сильнее. Понятный психологический эффект: стремится доказать, что он настоящий боец и везде останется таковым. Но и «противная» сторона ему платит тем же - с большей старательностью и злостью опекает, не дает ходу. Вполне естественные чувства. Сергею не удалось показать в том матче, на что он способен. Мы играли вдохновенно и выиграли со счетом 3:0. В честь этой победы поклонник «Спартака» поэт Яков Зискинд написал стихи. В них были строки о Сереге и обо мне:

...Потом над лужею зеркальной,
Где кубок отражен хрустальный,
Сошлись Никита Симонян
И Сальников, как ураган.
Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда Кубка отвела?

Давно ль они часы досуга,
Зарплату, пиво и дела
Делили дружно... А вышло так:
Покинул Сальников «Спартак».

В «Динамо» партнерами Сальникова были игроки выдающиеся: Василий Трофимов, Константин Бесков, Василий Карцев, Соловьевы, Леонид и Сергей. Тем не менее, внимательно наблюдая за игрой динамовцев, мы видели, что мяч ему достается нечасто. Он не получал его, будучи даже в выгодном положении. Сергея как-то игнорировали.

Когда в «Спартаке» стал начальником команды Николай Петрович Старостин, возвратившийся в Москву из дальних мест после реабилитации, он сделал все, чтобы Сальников снова стал играть с нами. Ведь он знал его еще мальчишкой, по Тарасовке. Сергея наказали - сняли звание заслуженного мастера спорта, - но переход разрешили. Курьезный, в общем-то, случай. «Потерял заслуженного, приобрел вас», - отбил нам Сергей телеграмму в Донецк, где предстоял очередной матч чемпионата.

1955 год был порой расцвета «Спартака», и Сергей тогда полностью раскрылся. С его приходом наша игра обрела новую краску. Николай Дементьев к тому времени закончил выступать, его место занял Сальников. И тоже стал великолепным диспетчером. Футболист комбинационного склада, он умел руководить игрой. Такому игроку чаще других адресуют мяч, потому что знают: он его не потеряет, распорядится как можно целесообразней и выведет партнера на ударную позицию. Соперник всегда приставляет к диспетчеру сторожа, который неотступно следует за ним. Но и Дементьев и Сальников всегда умудрялись ускользнуть от своих сторожей.

Как футболист Сальников был требователен к себе. Работал над техникой в поте лица своего. Часами после тренировок, часами... Порой, может, однообразно и даже нудно.

Отрабатывая обводку, собирал пять-шесть мальчишек, ставил двое ворот в двадцати метрах друг от друга и один играл против всей ватаги. А обвести юрких пацанов далеко не просто. Часами мог жонглировать мячом и на ехидные замечания Нетто неизменно отвечал: «Не лезь! У меня своя метода».

Техника владения мячом лучше постигается в раннем возрасте. А Сальников, как я уже говорил, в детстве имел возможность копировать мастеров, сколько душе угодно. Тренеры почти не работали с ним над техникой. Тогда как со многими новобранцами приходилось штудировать даже футбольную азбуку: как мяч установить, как сделать наиболее точную передачу, как ударить по воротам... Сергей же обладал техникой, я бы сказал, элегантной - красив был на поле.

Он вообще был красив и походил на голливудского киноактера. Знал об этом и, случалось, говорил, что он самый красивый футболист. Изысканно, модно одевался. Пользовался успехом у девушек.

В то время появился в ЦДКА Вячеслав Соловьев, и однажды я, подтрунивая над Сергеем, сказал: «А ты знаешь, есть футболист красивее тебя». Он встрепенулся: «Кто?» - «Славка Соловьев». - «Удивляюсь я тебе, Никита, - хмыкнул Серега, - в нем же нет совокупности мужских данных.. Рост, понимаешь? Он ниже меня ростом!..»

Прекрасно играл в теннис и своих дочек обучил с ранних лет. Одна из них, Юлия, стала чемпионкой Союза по теннису.

Был эстетом во всем. Одно время он работал старшим тренером «Спартака», и Николай Петрович Старостин рассказывал: забивают гол в спартаковские ворота - что в таком случае остается тренеру? Хвататься за голову. А Сергей восхищен: как красиво забили! Николай Петрович кричит ему: «Но ведь мяч в твоих воротах, чем ты восхищаешься?» А он опять свое: «Нет, вы видели, как красиво он это сделал!»

Умел на все взглянуть философски. Я, например, всегда остро переживал и собственные неудачи, и неудачи команды, а он относился к ним более спокойно: «Да ладно тебе, старик, не майся. Ну, проиграли сегодня - и что? Завтра выиграем. Проигрыш - не мировая трагедия».

Умел гасить конфликты в игре, в отношениях. Едем после матча, садится рядом, уже отошел от пыла борьбы: «Ну, что? Будем извиняться?»

Плохо, если между людьми, которые в общем-то уважают друг друга, что-то надолго встает - недоразумение или ссора, вспыхнувшая в горячую минуту. Не каждый умеет первым сделать шаг навстречу. Сережа умел.

Если предстояла игра с сильным соперником, он обычно всех настраивал: «Ребята, давайте получше подготовимся, подрежимим, сыграем красиво». И это действовало на нас.

Он соединил в игре интеллектуальное начало, эстетику, чувство товарищества. Был благодарен, если с подачи партнера забивал гол. Помню, в 1957 году в матче против «Милана» на стадионе Сан-Сир в присутствии ста с лишним тысяч зрителей мы с Сергеем сыграли в стенку, и он великолепно забил гол. Тут же подбежал ко мне: «Спасибо, старик!»

Как никто бил пенальти. Могу откровенно сказать, я одиннадцатиметровых не любил и бил их плохо. Если в игровых эпизодах был уверен в себе, то оставаться один на один с вратарем, чувствуя за спиной всю команду, зная, что на тебя надеются и товарищи и болельщики... Нет, тут надо иметь стальные нервы. А Сальников уверенно подходил к мячу и мог направить его в любой угол ворот.

Запомнилась его дуэль с Яшиным в 1955 году. Мне не пришлось тогда участвовать в матче с московским «Динамо»: был травмирован и смотрел на все происходящее с трибуны. Судья назначает пенальти в динамовские ворота. Сальников вроде бы уже приготовился бить. И вдруг подходит к судье - судил Николай Михайлович Хлопотин - и что-то говорит. Потом выяснилось, что: «Товарищ судья, обратите внимание на Яшина. Он до удара делает движение». Известно, такое не по правилам. Короче, первый мяч Яшин отбил.

Сдвинулся он на самом деле с места или нет - это уже загадка истории, но предупрежденному судье показалось, что сдвинулся, поэтому он заставил пенальти перебить. Возмущению динамовцев не было предела, они бурно протестовали. Лев Иванович вышел из ворот и тоже включился в дискуссию, но судья был неумолим. Сальников повторил удар и пробил в левый от себя угол (первый раз бил в правый), Яшин рванулся, достал мяч кончиками пальцев, но тот все-таки оказался в сетке. Это была чистейшая психологическая дуэль, и выиграл ее Сергей. Хотя можно спорить, имел ли он право на «обработку» судьи.

Правда, однажды произошел курьез, после которого Сергей бить пенальти наотрез отказывался. Играли мы с армейцами Москвы. А тренер ЦДКА Борис Андреевич Аркадьев, патриарх среди тренеров, не воспринимал нас в то время всерьез, поскольку мы были легкими игроками, не такими мощными, как у него Всеволод Бобров, Алексей Гринин. Нас он называл мотыльками. Кому это понравится? И иной раз с удвоенной энергией играли против армейцев, желая показать, на что способны.

В этом матче мы их переигрывали по всем статьям. И вдобавок за несколько минут до конца в ворота армейцев назначили одиннадцатиметровый. Сергей приготовился: «Ну, сейчас мы покажем Аркашке! (Так звали мы, обиженные, между собой Бориса Андреевича). Ударю - от сетки ничего не останется». Разбежался и... Изменил своему обычному - техничному, обманному удару, ударил изо всех сил, и мяч попал в верхнюю перекладину.

После этого в раздевалке слышим от него: «Я официально вам заявляю, что одиннадцатиметровых бить больше не буду». Мы дружно запротестовали: «Брось, что за глупости! Этот удар ничего не решал, мы же все равно выиграли». Но он стоял на своем: «Нет! Пусть бьют... холостые! А то моя Нина из-за меня на трибуне в обморок упала!» Говорил он это на полном серьезе.

На памяти у всех был матч в Будапеште. Наша сборная выигрывала у сборной Венгрии со счетом 1:0, и за пять минут до конца матча судья назначает одиннадцатиметровый в наши ворота. И когда Ференц Пушкаш устанавливал мяч, чтобы ударить по нашим воротам, его жена на трибуне упала в обморок...

А пенальти Сальников все-таки бил после того случая. Воздадим форварду по заслугам, бил отменно.

Сергей обладал редким свойством - всегда, в любой ситуации оставаться самим собой, не подстраиваться под общий тон.

Помню, перед игрой с «Локомотивом» Николай Петрович произнес патетическую комиссарскую речь и спросил: может, кто-то хочет что-нибудь добавить? «Я хочу, - поднялся Сергей. - Ребята, неужели мы их не обыграем? Я этому Рогову покажу сегодня за то, что он в первом круге сломал мне ребро!»

Вот так разбавил он комиссарский настрой, а воспитывать нападающего уже не оставалось времени.

Игрок, исповедующий красоту футбола, рыцарство на поле, иной раз не мог сдержаться и, устав от грубости, ответить обидчику. Причем ответить не «по-игроцки» (это его любимое слово), не высоким техничным приемом, а тем же методом, к которому прибегали иные его опекуны. Как говорится, око за око. Мог боднуть головой, выбив зуб... Естественно, из-за этого имел неприятности. Мне как капитану и товарищу приходилось внушать ему: «Сергей, не забывай, что ты Сальников. У тебя заслуженный, завоеванный авторитет. Неужели не можешь сдержаться?» Он на это отвечал: «А если ты видишь, что я теряю контроль над собой, ты должен меня останавливать». Но попробуй остановить мгновение в футболе.

В 1954 году, осенью, «Спартак» играл против красноярского «Локомотива». Было такое ощущение, что на поле выскочила разнузданная банда. Невежливое сравнение? А другое и подыскать трудно. Так называемые

соперники с первых минут бросились на нас и начали охаживать по ногам. Сергей подбегает ко мне: «Если они ударят еще раз - уйду с поля! Надоело валяться на земле!» - «А что ты ко мне обращаешься? - отвечаю. - Есть судья». - «Ты капитан! Прими меры!» Вскоре сам получаю очередной удар сзади от защитника красноярцев. Не выдерживаю: «Слушай, парень, ты же в футбол играешь, бей по мячу - не по ногам». И вижу наглую ухмылку: «А ты что, в Англию собрался? - Команда должна была вскоре ехать в Англию. - Ты у меня отсюда в госпиталь отправишься, а не за рубеж». Я ответил: «Не провоцируй, не старайся! Драться не будем. Мы вас обыграем».

И обыграли - 4:1, но осадок от той игры остался на всю жизнь.

Не думаю, чтобы наши соперники извлекли из проигрыша какие-то нравственные уроки, но все-таки стоял и стою на своем: судья может применить к грубияну на поле определенные санкции, а у игрока против хамства есть единственное оружие - собственное достоинство, и «врезать» хаму можно лишь одним способом - переиграть за счет мастерства.

Грубость, жестокость, как правило, исходят от футболистов, не обладающих высоким классом игры. Не хватает умения, чтобы обыграть соперника, а победы и славы ох как хочется, тогда и «врезают». Такие и другим советуют: «Да ты дай ему пару раз...» В этом все их футбольное кредо. А порой, случается, и тренеры наставляют: «Прими его как следует, и он кончится». Но ведь это установка на бесчестье и подлость!

Обо мне нередко писали как о корректном игроке. В одной книге довелось прочесть: корректность моя якобы настолько действовала на соперников, что в последние годы игровой карьеры никто не решался ударить меня или нагрубить. Развею миф: может, на кого-то и действовала, но далеко не на всех. Били меня, как и остальных моих товарищей. Немало игр пропустил из-за травм. Немало страдал и терпел. Разбирала злость - сдерживался. Падал - вставал, играл дальше, не отвечая. Лишь однажды себе изменил.

Это случилось в Сочи, в весенний подготовительный период. «Спартак» играл с вильнюсской командой. Матч был товарищеским. Но к заложенному в этом слове понятию настрой наших соперников отношения не имел. При каждом приеме мяча я получал такие удары, что искры из глаз летели. И в очередной стычке сорвался, ответил своему обидчику, ударил его без мяча, повернулся и ушел с поля.

Может, судья не заметил бы моего удара и не удалил меня, но я счел, что сам обязан это сделать: я не прав, распустил нервы.

Настроение было муторным, и на следующий день поехал на базу к вильнюсцам. Нашел игрока, с которым схлестнулся, извинился.

По правде говоря, после визита был несколько обескуражен. Полагал, что в ответ на свое извинение услышу: «Забудем, я сам виноват, я тебя спровоцировал...» - или что-то другое в подобном духе. Не услышал. И все-таки о поступке не жалел: снял со своей души камень.

Некоторые удивлялись: ты южанин - южный темперамент, уязвимое самолюбие, как же ты сдерживаешься? Ведь тебя цепляют нарочно, со злым умыслом, как не ответить на обиду?

Некоторые говорили: если бы ты был игроком помягче, то добился бы большего. В этом иногда звучал упрек. Прислушиваясь к замечаниям, я и сам чувствовал, что мне не хватает жесткости, даже допустимой правилами. Стань я жестче, цена мне была бы выше. Но здесь, наверное, проявлялся характер, воспитание. Мать с детства внушала: всякий чужой поступок надо понять, не озлобляться в ответ на зло, быть выше этого. Всегда знал: против меня выходит игрок, который получает от футбола столько же радости, сколько и я. Футбол - его призвание. Если нанесу ему травму, лишу возможности играть. Не знаю, приходило ли такое в голову тем, кто бил меня?

Чтобы стать другим, мне пришлось бы заново родиться. Вот и Серега Сальников, легко переигрывал соперников, но не всегда мог «переиграть» себя. То непосредственность его вела, то вспыльчивость.

А в той игре с московским «Локомотивом» он своему обидчику Рогову так и не «врезал», как обещал. На десятой минуте игры - смех и слезы - этот жесткий защитник двинул ему локтем в бок и сломал то же ребро.

Мы наносили удар за ударом, мяч не выходил из пределов штрафной площадки - то штанга, то отбил Маслаченко... Жарко было! И вдруг вижу, в углу вратарской площадки стоят Сальников с Мозером и дискутируют. «Ваня, - говорит Сергей, - ты должен был этот мяч пропустить, отдать мне». - «Да что вы, Сергей Сергеевич, у меня у самого момент был дохлый, я сам должен был бить». - «Ваня, но это же, пойми, не по-игроцки. Ты пропускаешь этот мяч, а я как на коньках въезжаю и кладу его словно в бильярдную лузу...»

Я подбежал к ним: «Вы что, будете митинговать или играть?» Сережа невозмутим: «Никита, ты же знаешь, у меня ребро сломано, я играть не могу». Вот так: не мог играть, но и не мог выключиться из игры.

При разборе матчей Сергей нередко искал причины поражения там, где не искали их другие. Разбираем проигрыш, анализируем ошибки, и я, уже будучи тренером, спрашиваю его, как он думает, отчего мы проиграли. Он мне совершенно серьезно отвечает: «Знаешь, старик, мы все были немножечко простужены». Я рассмеялся: «Тебя же как умного игрока спрашивают...» А Серега взвился: «Не хочешь принимать моего мнения, не спрашивай». Рассказал однажды об этом Якушину, он гомерически расхохотался: «Как, как? Немножечко простужены? Ну, оригинал!»

Без неординарных характеров жизнь была бы скучна. А обычных личностей в «Спартаке» моей молодости, пожалуй, и не было.

Вспоминается матч с «Торпедо» в мае пятьдесят шестого года. За автозаводцев тогда выступали Валентин Иванов, Эдуард Стрельцов. (Команда в то время обещала стать выдающейся. Так потом и случилось.) Эдик Стрельцов был в тот день в ударе, из нашего бедного Анатолия Масленкина, центрального защитника, вил веревки. Мы проиграли 0:2. В Тарасовке, на разборе игры, Николай Петрович сказал Анатолию: «Можно ли было так играть против Стрельцова?! Ведь ты ему предоставил полную свободу и в приеме мяча, и в маневренности. И он, конечно, настолько разошелся, что ты его удержать не мог. Посмотри, как Хренов (центральный защитник «Торпедо». - Н. С.) играл против Симоняна. Он его брал в момент приема мяча и не давал хода». - «Николай Петрович, ну, что вы сравниваете? - обиделся Масленкин. - Против Симоняна и я бы сыграл!» Раздался дружный хохот. Анатолий нередко веселил всех своей непосредственностью, и обижаться на него было невозможно. Отсмеявшись, я напомнил Масленкину, как благодаря ему попал в основной состав сборной.

Это произошло годом раньше. Сезон сложился для меня неудачно - получил травму, почти не играл. Только к осени почувствовал, что уже могу выступать, просил, чтобы меня поставили в дубль.

В это время в Москву приехала сборная команда Франции, в составе которой были известные игроки - Раймон Копа, Жан Венсан, Робер Жонке... И нашей сборной предстоял матч с ними. Готовились тогда в Тарасовке, на нашей базе, для тренировки должны были сыграть с дублирующим составом «Спартака». Ко мне подошел Гавриил Дмитриевич Качалин и сказал:

- Никита, у меня к тебе просьба: сыграй, пожалуйста, в манере Копы, потому что Масленкину придется играть против него. С отходом назад из глубины поля начинай развивать атаку.

Я ответил, что нет вопросов, как надо, так и сыграю, и всю старался быть похожим на Копу. А когда закончилась игра, Гавриил Дмитриевич заявил мне: «Останешься на сборах, будешь играть с французами». Я попробовал объяснить, что только начал выступать за дубль после травмы, но...

Товарищеская встреча сборных СССР и Франции происходила на «Динамо», стадион был полон. Первый удар по мячу сделал известный, всеми любимый отважный Фанфан - французский актер Жерар Филипп. Сыграли мы тогда вничью: 2:2, и один гол забил я.

Анатолий Масленкин был универсальным футболистом, с хорошим игровым вкусом, с позиционным чутьем. В игре иногда необходимы подсказка, окрик. «Сало!», «Масло!» - в пылу все фамилии сокращались сами собой: «Пас!», «Отдай!», «Бей!» А наш Анатолий, увы, не обладал стопроцентным слухом. В жизни это ему почти не мешало, но в игре сильно осложняло дело: докричаться до него было практически невозможно.

Придя в «Спартак», Толя нисколько не оробел, именитости его ничуть не смущали. Уже на первой тренировке называл всех на «ты» и по именам. Все спартаковские принципы принял безоговорочно. Был уверен в себе и мог играть на любой позиции. Вообще надо сказать, что «Спартак» пятидесятых годов превосходил другие команды в техническом отношении, тактическом, в игровом мышлении. Никто из спартаковцев не ограничивался лишь рамками заданной роли, демонстрировал широкий диапазон действий. Так играли Нетто, Сальников, Огоньков...

Михаил Огоньков. Левый фланг обороны. Высокая скорость, жесткость в единоборстве, в отборе мяча. Хорош был в подыгрыше. Не случайно Гавриил Дмитриевич Качалин фактически из дублирующего состава включил его в первую сборную страны.

Футбольной карьере помешала та самая история, когда вместе со Стрельцовым и Татушиным он проштрафился, был дисквалифицирован, потерял несколько лет. Вернувшись в большой футбол, после неудачного столкновения с соперником получил тяжелейшую травму и вынужден был повесить бутсы навсегда. По сей день считают, что в нашем футболе он лучший крайний защитник всех времен.

Вообще спартаковскую оборону держали настоящие бойцы. Никогда не щадил себя Николай Тищенко, наш правый фланг. Честный, принципиальный, отличался редким упрямством, не уступал ни сопернику, ни товарищу. Переспорить его было очень трудно. Будучи по характеру основательным, солидным, отношений на ходу не выяснял, надо объясниться - остановится среди поля... Ту же основательность мы видели и в его игре. Однажды,

выступая за ветеранов, ни за что не хотел уступить молодому нападающему, стремился переиграть. Сердце не выдержало. Упал на поле.

И у Сережи Сальникова такой же трагический финал. Ветераны «Спартака» выступали против молодежной команды. Николай Тимофеевич Дементьев, руководивший игрой, сказал Сергею: «Ты не рвись, смотри, как по самочувствию». Сергей не выдержал, хотелось играть. Вышел на поле за двенадцать минут до окончания матча. Вернувшись в раздевалку, радостно возбужденный, спросил у сидящего рядом Амбарцумяна: «Славик, ты видел, какой я пас отдал?!» - начал расшнуровывать бутсы... И все!

Так и остался он до последней минуты эстетом и бойцом.

Многие игроки «Спартака» отличались редким упорством. Но если говорить: упорство и труд все перетрут, то это прежде всего относится к Алексею Парамонову, правому полузащитнику.

Уступая некоторым партнерам в техническом отношении, он не щадил себя на тренировках, самоистязался. В то время он изучал французский и любил повторять: «Travail et travail» - работа, работа. И, конечно, добился многого. Закрепился в основном составе. Мог играть на разных позициях.

Когда во Флоренции в 1957 году мы играли с командой «Фиорентина», Алексею поручили опекать аргентинского игрока Монтуори, закупленного итальянским клубом. Он опекал его настолько жестко, что, конечно же, тому не понравилось. После очередной стычки оба упали, Монтуори лягнул Алексея ногой. Другой игрок, тоже южноамериканец, изо всех сил ударил по лежащему Парамонову мячом. Алексей, вскочил, бледный, как мел, мы успели крикнуть: «Леша, не отвечай!» Не ответил, сдержался.

Мы выиграли 4:1. И на следующий день газеты писали, что эти «кисейные барышни» из Латинской Америки, вероятно, хотели, чтобы русские показали им ажурный футбол, а когда они столкнулись с настоящей мужской игрой, забыли, что такое этичное отношение к сопернику. Русские футболисты, и особенно Парамонов, который играл против Монтуори, оказались истинными джентльменами.

На правом фланге нападения появился Борис Татушин. Он будто родился в «Спартаке». Мы сразу оценили его по достоинству: высокая скорость, дриблинг, финты. В паре с Анатолием Исаевым, правым полусредним, они неизменно прорывали оборону соперника, настолько согласованны были их действия. Уследить за этими быстрыми техничными игроками было крайне сложно.

Борис создавал справа много острых моментов в любом матче. Интересно, что, придя в команду, он абсолютно не владел левой ногой. Но на тренировках работал без устали - у стенки, у батута. Набивал левую ногу, набивал... В конце концов заставил работать ее почти как правую. И игра его стала разнообразнее.

Анатолию Исаеву тоже не занимать было трудолюбия и работоспособности. Этот голубоглазый красивый парень, сбитый, коренастый, пришел к нам из ВВС. Был любимцем Всеволода Боброва, в ту пору играющего тренера команды Военно-Воздушных Сил. Обладал хорошей скоростью: не останавливаясь ни на мгновение, пробегал путь от ворот до ворот и обратно, нередко завершая атаки пушечным ударом.

Помнится, во время матча с «Фиорентиной» в Москве лил проливной дождь. А Толе все было нипочем. В мгновение обыграл одного, второго защитника и под острым углом так вlepил мяч в ворота, что вратарь даже руки не успел вскинуть. По сей день перед глазами поток крупных капель, рухнувших с сетки на землю.

Отыграв, мы долгие годы работали с Исаевым в «Спартаке» (он был вторым тренером), потом год в «Арарате». Человек высокой порядочности, честности. На него всегда можно было положиться и на поле, и в жизни. Умеет дружить, знает цену дружбе.

На левом фланге у нас играл Анатолий Ильин. Долгие годы выступал и центральным нападающим, и левым крайним. Уже в восемнадцать лет был включен в сборную команду страны. Быстрый, с хорошо поставленным ударом, смело шел на обострение ситуаций, чтобы прорваться сквозь линию обороны. В нем жило так хорошо знакомое мне чувство - забить, во что бы то ни стало забить! И многие его голы в самых ответственных матчах оказывались решающими, приводили команду к победе. На Олимпиаде 1956 года в Мельбурне, в финальном матче с югославами, он забил тот самый единственный гол, принесший советской сборной золотые медали. В том матче участвовали спартаковцы Огоньков, Масленкин, Нетто плюс вся наша пятерка нападения - Татушин, Исаев, Ильин, Сальников и я - в центре. Тренеры сборной старались нас не разбивать.

В начале пятидесятых годов, после расформирования команды ВВС, к нам пришло несколько игроков, которые оставили заметный след в истории «Спартака». Среди них был Михаил Пираев, вратарь. Худой, тоненький, как тростинка, мощи - кожа да кости. Ему довольно сложно было играть на выходах, но зато в воротах мгновенно взлетал за мячом в верхний угол, мгновенно доставал его в нижнем.

Помню, приехали мы в Польшу и в одной из газет увидели дружеские шаржи на себя. Миша был изображен черной птицей, нависшей над воротами, не то вороном, не то коршуном, готовым броситься на каждого и растерзать - горящие огромные глаза, лохматые брови. Он долго задумчиво рассматривал свой портрет: «Слушай, если я так похож на крокодила, может, мне пойти работать в зоопарк?»

В команде Мишу любили. И за чувство юмора, никогда ему не изменявшее, и за кристальную честность, порядочность.

Изобразив его птицей, готовой стремглаз взлететь и камнем броситься на землю, польский художник явно не знал, что наш Пираев и птиц «переигрывает». В Тарасовке прямо за стадионом начиналась сосновая роща. Иногда мы делали в ней зарядку под аккомпанемент крикливых галок. Однажды, едва несколько галок слетело на землю, Миша совершил молниеносный бросок и выпрямился с птицей в руках. Повертел ее, показал нам и выпустил. А однажды, к нашему изумлению, схватил сразу двух петухов - такая поразительная реакция.

После 1954 года его пригласили в Тбилиси. Он принял приглашение, поскольку был родом из этого города, и не один сезон потом надежно защищал ворота «Динамо».

У нас появились новые вратари - Владислав Тучкус и Валентин Ивакин. У Тучкуса были замечательные данные, он мог бы стать выдающимся вратарем, но красивому парню кружили голову поклонницы. Владислав нередко нарушал режим. Ивакин же, напротив, не столь, может быть, одарен природой, но требователен к себе. И в том, что «Спартак» в 1958 году выиграл дубль, его немалая заслуга.

В команде в это время было немало игроков, которым перевалило за тридцать. Вроде бы возраст заката, и тем не менее мы стали чемпионами и завоевали Кубок.

В финале Кубка все складывалось крайне драматично. Торпедовцы обрушили на нас шквал атак. У ворот возникает один голевой момент за другим. Выскочил Фалин к воротам. Ивакин спас команду от гола. За Фалиным Арбутов - и снова Ивакин выручил. Наконец Валентин Иванов, выйдя один на один, уже обводил Ивакина, и только в последний миг наш вратарь сумел обхватить мяч ногами.

Во второй половине игра несколько выровнялась. В конце основного времени мы с Ильиным вышли вдвоем на ворота «Торпедо». Ильин вытянул на себя вратаря и отдал мне пас, передо мной были пустые ворота. Ну, казалось бы, направь мяч сразу... Но хотелось выжать из момента все, хотелось пробить наверняка. Несколько промедлил, подскочивший защитник успел чуть-чуть задеть мою бьющую ногу, и я потерял мяч. Игра закончилась вничью - 0:0.

Наверное, не надо слов, чтобы представить себе мое состояние и состояние команды. Все были подавлены. Молчали. Сорвался Игорь Нетто: «Нет, это невозможно, это невозможно!.. Да за такое знаешь, что полагается?..» Я тоже вскипел: «Что шумишь? Нарочно, что ли?» - «Еще не хватало, чтобы нарочно!..» В дополнительное время я получил передачу от Исаева, переиграл вратаря и отправил мяч в сетку. Со счетом 1:0 мы матч выиграли. Естественно, я сказал Нетто: «Ну, вот видишь, выиграли, а ты кипятился». - «Выиграли, но тридцать лишних минут мучились».

Кубок был наш. Предстоял, еще матч на первенство страны, вернее переигровка с киевским «Динамо» - редчайший случай в футбольной практике. До этого мы обыграли киевлян со счетом 3:2. Третий решающий гол я забил за тридцать секунд до конца матча, но судья Петр Гаврилиади допустил ошибку. Когда игра закончилась, он должен был тотчас остановить секундомер. А Гаврилиади подождал, пока мяч из ворот доставят к центру - хотел показать зрителям, что гол засчитан - и только после этого нажал на кнопку секундомера. Получилось, что матч на 9 секунд длился дольше положенного. С таким показателем на секундомере он пришел в судейскую. Увидев это, представители «Динамо» подали протест.

Председатель Федерации футбола страны Валентин Александрович Гранаткин категорически возражал против переигровки. Но надавили сверху - и такое, к сожалению, случилось в футболе, - подключились могущественные руководители московского «Динамо», нашего главного соперника в борьбе за чемпионский титул: мы оказались на очко впереди, при проигрыше были бы на очко сзади, при ничейном результате у динамовцев оставался шанс выйти на первое место, победив в переигровке с нами.

Словом, справедливость за кромкой футбольного поля не восторжествовала. Было принято решение переиграть матч по окончании сезона, то есть после финального матча на Кубок. И вот, проведя 2 ноября поединок с «Торпедо», тяжелейший, на раскисшем поле, мы должны были через пять дней встретиться в Лужниках с киевским «Динамо».

Несмотря на холод, стадион был заполнен до отказа. Мы знали, что в Киев ездил Михаил Иосифович Якушин, в ту пору тренер московского «Динамо», готовить киевлян к переигровке. Это тоже, скажем так, выглядело не очень красиво.

К тому же если в день финала Кубка земля была еще землей, то 8 ноября, схваченная морозом, она обрела крепость асфальта. Настроения это, понятно, тоже не прибавляло. Игра складывалась неблагоприятно для нас. Второй тайм, а счет 1:2. До конца матча остается немногим более двадцати минут, когда Анатолий Ильин забивает неотразимый гол, в самый угол ворот. Все идет к ничьей. Стало быть, предстоит еще одна переигровка - с московскими динамовцами. На трибуне, рассказывал потом Николай Петрович Старостин, уже начался разговор о дне предстоящего матча. Гранаткин сказал: «Будете играть двенадцатого». Старостин возражал: команда не успеет отдохнуть после двух таких тяжелейших игр. Но председатель федерации был непреклонен.

А время бежит. В нашем распоряжении всего шесть минут. Мяч уходит за лицевую линию киевского «Динамо». Я подаю угловой, довольно удачно закручиваю мяч, на него выскакивает Сергей Сальников и забивает третий гол. Николай Петрович, не сдержав торжества, повернулся к Гранаткину: «Ну, что ж, можете назначать на двенадцатое!»

Так мы стали чемпионами.

Не случайно, наверное, в памяти мельчайшие подробности этих двух игр: острый драматизм, напряжение как бы открывают дополнительные каналы зрения и слуха, «запись» идет точнейшая. В этих играх со всей яркостью проявились дух и стиль нашей команды, особенно дух. Надо сказать, что он и по сей день жив в «Спартаке», передается из поколения в поколение.

Вполне возможно, что спад, который наблюдался в следующем году, объяснялся отнюдь не солидным для футбола возрастом многих игроков, а невероятным напряжением предыдущего сезона. Но... В такие тонкости спортивные руководители зачастую не вникают. Команда стара, надо обновлять! Расстаться с игроками легче легкого, но прежде неплохо было бы все семь раз отмерить.

К этим мыслям я не раз потом возвращался, наблюдая, как Валерий Лобановский дорожил Олегом Блохиным, хотя тому было давно за тридцать. Тренер осознавал: это - личность!

Николай Петрович Старостин любит повторять слова Есенина: «Кто сторел, того не подожжешь». Но ведь стореть можно и в двадцать пять лет. А можно в тридцать пять остаться незаменимым бойцом. Конечно, годы напряжения истончают струны нервной системы, возможны взрывы, срывы...

Одиннадцать сезонов я играл в «Спартаке». Из нашей команды футболисты, как я уже говорил, почти не уходили. Может, причиной тому были история, традиции клуба, у истоков которых стояли братья Старостины. Может, поклонники, среди которых числилось немало знаменитых людей - писателей, актеров. Словом, уход из команды был случаем чрезвычайным.

Сам я отрицательно отношусь к тем, кто легко и часто меняет клубы. Правда, нельзя осуждать игрока за то, что он переходит из низшей лиги в высшую. Так должно быть. Там ему тесно, не раскроются, не проявятся его возможности. Ведь когда из провинциального театра певца приглашают в Большой - это признание, честь. Сколько замечательных актеров мы узнали благодаря таким переходам! Точно так же и с приглашением в большой футбол.

Но если футболист уходит из команды, зарекомендовавшей себя, это иное дело. Хотя резонные мотивы и здесь бывают: не нашел общего языка с партнерами, нет взаимопонимания с тренерами, словом: «не сошлись характерами». Тут уж чем быстрее «развестись», тем лучше. Может быть, и команда хороша, и игрок сам по себе неплох, но его манера, стиль игры не вписываются в общий ансамбль. А в другой команде он наверняка придется ко двору.

Куда хуже, когда футболист сыгрался со всеми, стал частицей единого целого, единого организма, и уходит из-за того, что где-то ему пообещали благ побольше. Такое в команде переживают тяжело, болезненно.

И вообще преданность - свойство отнюдь не лишнее. Если ты вместе с товарищами вкусил от победы, должен разделить со всеми и горечь поражения. Тот, кто с гордостью может сказать: «Я - спартаковец» или «Я - динамовец», - достоин уважения. А летуны, шарахающиеся туда, где, с их точки зрения, лучше, - это люди, не ощущающие ни родства, ни корней, не говоря уже о чувстве благодарности к своим наставникам, своим товарищам. Такому сегодня хорошо в одном клубе, завтра - в другом.

Я не представлял себя ни в одной другой команде, кроме «Спартака», хотя жизнь, случалось, и подбрасывала соблазны.

В 1951 году Нетто, Ильин и я поехали после трудного сезона в Кисловодск на отдых и лечение - у игроков всегда предостаточно травм и разных прочих болячек. Грязевые и нарзанные ванны, прогулки к Большому и Малому седлу, к Храму воздуха, к изумительному Хрустальному пруду... Так прошла первая беззаботная неделя. Почти каждый день ходили в кино, и вдруг во время сеанса слышу: «Симонян! На выход!»

Выхожу и вижу Михаила Степаняна, адъютанта Василия Сталина, командующего ВВС МВО. Мы были знакомы, и я, естественно, воскликнул: «Какими судьбами!»

- Есть разговор, - сказал он. - Но, конечно, не здесь. Сядем в машину.

Вскоре мы были на одной из дач. К моему удивлению, я увидел там и другого сталинского адъютанта - Сергея Капелькина, в прошлом футболиста команды ЦДКА.

- Тебя приглашают в команду ВВС, - сразу же сообщил мне Степанян.

- Но я не собираюсь уходить из «Спартака».

- Представляешь, какой сдвоенный центр составите вы с Севой Бобровым! - сказал Капелькин, сделав вид, что не услышал моих слов.

- Я преклоняюсь перед Бобровым, играть рядом было бы большой честью для меня, но и в «Спартаке» - отличные партнеры, к тому же многие из них - мои друзья.

Капелькин и Степанян переглянулись, помолчали. Чувствуя, что я тверд в своем решении, сменили тактику:

- Слушай, если мы вернемся без тебя, командующий рассердится, сочтет это невыполненным заданием. Представь, что с нами будет. Можешь ты, в конце концов, нас выручить? Ведь он послал за тобой спецсамолет, на нем мы и прилетели. Так вернемся в Москву вместе, ты сам все скажешь Василию Иосифовичу, останешься в своем «Спартаке» и нам сделаешь доброе дело.

В Минеральных Водах нас и впрямь ждал самолет. Укрылись мехами - в воздухе было холодно - и через пять часов приземлились на поле Центрального аэродрома. Нас встретил полковник Соколов, начальник спортклуба ВВС, и мы сразу поехали в особняк на Гоголевском бульваре.

Меня провели в гостиную. Вскоре туда вошел Василий Сталин. Устроившись на диване, пригласил меня присесть рядом:

- Ну, вот что, я поклялся, что ты будешь в моей команде. Сам понимаешь, клятва часто не даю. Так что жду ответа.

В тот момент я ни о чем другом не думал, твердо знал одно: хочу остаться в «Спартаке». Так и сказал.

Все смотрели на меня с испуганным недоумением. Василий Сталин, помолчав, отрезал:

- Ладно, иди.

Я обрадовался, что все обошлось, что разговор был таким коротким. Однако внизу у выхода меня догнал один из адъютантов и попросил вернуться. Вернулся, и хозяин особняка спросил: может, я боюсь препятствий со стороны московских городских властей? Если это так, то он все уладит. Я ответил, что не сомневаюсь в этом, но меня воспитал «Спартак», поэтому вижу только одну возможность играть в футбол - играть за свой клуб, не могу предать тренеров, ребят.

Снова наступила тишина, и я услышал:

- Спасибо, что не стал здесь вилять, сказал, что у тебя на душе. Правда лучше всех неправд... Иди играй за свой «Спартак».

Я помчался домой, а через полчаса раздался звонок в дверь. «Неужели опять за мной?» - подумал, открывая. На пороге стоял молоденький солдат:

- Вам билет в Кисловодск и обратно.

Попытался было заикнуться, что мне не надо обратного билета, сам его куплю, - я просил лишь отправить меня в Кисловодск, но солдатик отчеканил: «Не могу знать, приказ командующего», - и удалился.

Через три дня, вернувшись в санаторий, решил разыграть Игоря с Анатолием. Рассказал, где был, и добавил, что перед ними игрок команды ВВС. Они смеялись: «Ладно, не валяй дурака!» - а когда я заставил их поверить, Игорь, помрачнев, изрек: «Спартакоские болельщики тебе этого не простят. Набьют физиономию и правильно сделают!» Пришлось сразу идти на попятную - рассказать все как было. Удивлялись размаху мецената - самолет посылал, порученцев с большими звездами на погонах, - смеялись.

Во многих отношениях футболисты ВВС жили лучше, чем мы. Мгновенно решались их бытовые нужды - кто откажет Василию Сталину? У всех были офицерские звания, стало быть, и денег побольше. В будущем ждала бы меня ранняя и немалая пенсия за выслугу лет, что для футболиста, который не знает, как сложится жизнь,

когда закончит играть, тоже немаловажно. Я бы уже давным-давно ее получал, дослужившись до полковника. Так, может, зря я тогда?.. Нет, и сейчас, хоть с возрастом человек делается практичнее, стою на том же - не зря. Не только ребятам бы изменил, нашей дружбе, но невольно и спартаковским принципам, которыми мы дорожили. Новая команда, новое окружение - это, как говорится, другая форма для отливки. И человеком я, наверное, был бы сейчас несколько иным. Не жалею, что остался спартаковцем.

А болельщики мне действительно не простили бы. Может, и обошлось бы без мордобития, но в глазах людей, которые не были мне безразличны, я многое потерял бы.

Поклонников «Спартака» отличает редкое постоянство. Мой друг Алексей Михайлович Холчев, инженер, из шестидесяти прожитых лет пятьдесят болеет за «Спартак». Зная, что работаю над книгой, отложил все свои дела, пришел - беспокоится, что не все расскажу о его любимой команде, упусти что-то важное. Сел на диван:

- Надо обязательно написать, как ты от многого отказывался во имя футбола, как ты многим жертвовал.

Алексей Михайлович - романтик по натуре, и лексика у него романтическая. Наверное, если от чего-то и отказываешься ради любимого дела, то это не воспринимаешь как жертву. А работа, тренировки до ночи... Так ведь все мы в «Спартаке» работали немало. Тот, кто себя щадит, не добьется успехов в футболе.

Многие футбольные навыки обретаются в ранние годы. Я уже говорил, что с детства появились у меня нацеленность на ворота и жажда забивать. И я уже тогда ставил удар: не хотелось мазать. И в «Спартаке» особое внимание уделял удару по воротам. Иногда работал у батута, чаще с партнерами, благо никого из команды не приходилось уговаривать составить компанию - многие оставались после тренировки. Просил накидывать мне мячи слева, справа. Иногда кто-то из игроков имитировал сопротивление, чтобы отработать уход из-под опеки, научиться действовать в обстановке строгого надзора. Но главным оставался удар. Ставил цель затрачивать на него минимум времени, доли секунды - в два такта, в один такт: остановка и тут же удар, или удар в одно касание. Удар с ближней ноги, которому учился у Николая Дементьева, но так и не достиг его совершенства. Обычно, если мяч идет справа, все ждут, что ты пробьешь левой ногой - так удобней. А удар ближней к мячу ногой всегда неожидан для соперника, для вратаря, они не успевают сориентироваться...

Придя на стадион, все увлекались, порой только сумерки, сгустившиеся над Тарасовкой, заставляли покинуть поле.

Конечно, многое у футболиста зависит от интуиции, которая тоже в общем-то развивается в детстве. Впоследствии я смог разобраться в интуитивном действии, выделить основные правила, объяснить их другим. Но не всегда это возможно - разложить по полочкам все движения. Григорий Иванович Федотов, который владел удивительным ударом (корпус клал почти до земли, и мяч шел, прижавшись к газону, никогда не летел выше ворот), не мог объяснить его теоретически. Показывал сколько угодно - пожалуйста, смотрите, учитесь. Но как повторить Федотова?

Иногда игрок бьет просто в направлении ворот, ориентировочно предполагая, где должен быть вратарь. Футболист обязан играть с поднятой головой. Должен видеть расположение вратаря, мгновенно рассчитывать, куда послать мяч, в какую точку. Никогда не старался наносить пушечный удар. Удар должен быть средней силы, но точным.

Будучи тренером, останавливал игроков, которые пытались вложить в удар всю силу. Ну, думаешь, сейчас он сетку прорвет или вратаря нокаутирует, а мяч... летит выше ворот.

Мне всегда imponировали игроки-интеллектуалы, которые все видят, умеют все мгновенно оценить. Читают игру.

- А экспромты? Как они рождались? - подбрасывает вопросы верный спартаковский поклонник. - Из заранее отработанных приемов?

Какие-то ходы, безусловно, отрабатываются на тренировках. Никогда не знаешь заранее, чем кончится возникшая ситуация. Все диктует игра. Ход должен продумываться мгновенно.

Помню, как после матча с донецким «Шахтером» в Москве председатель Спорткомитета Николай Николаевич Романов сказал, что мы забили позорнейший гол. А было так. С молниеносной быстротой разыграли мяч в штрафной площадке. Передали его Сальникову, он был на ударной позиции и мог сам поразить ворота. Но в это время в более выгодном положении оказался я, и он тотчас переадресовал мяч. Я тоже мог бить, но успел заметить, что на полном ходу мчится Игорь Нетто: «Отдай!» - я тут же отдаю ему мяч, и он с линии вратарской площадки посылает его в сетку. Это - классика. Да, и Сальников и я могли нанести удар, но мы в доли секунды оценили перемены в ситуации. Почему же гол сочли позорным? Видите ли, он был забит только с третьего паса. Но ведь его вероятность возрастала, и мы этим воспользовались, следуя логике, смыслу, красоте игры.

Мы, пожалуй, раньше, чем другие команды, оценили значение технического мастерства и тактической зрелости для победы. В этом все больше убеждали нас матчи с зарубежными футболистами.

В Москву приехал австрийский «Рapid». Предстояла товарищеская игра. Обе команды вышли на разминку. Разминаемся и вдруг слышим восторженный гул на трибунах. Отчего шумит народ? Оглядываемся: наши соперники встали в кружок и жонглируют мячом, передают его друг другу в воздухе, долго не давая опуститься на землю.

Начался матч. Мы предложили высокую скорость, и скоростные действия оказались не под силу «Рapidу». Он проиграл нам 0:4, хотя игроки в команде были выдающиеся - Динст, Ханалпи, Меркель, Хаппель... Против Хаппеля, центрального защитника, мне и пришлось играть. Впоследствии он стал известным тренером. Долгие годы работал в ФРГ с командой Гамбурга, готовил сборную Голландии к чемпионату мира в Аргентине в 1978 году...

Вполне вероятно, на австрийцев подействовал фурор, который они произвели на зрителей, футболисты расслабились, рассчитывая на легкий успех. Во всяком случае, они быстро извлекли урок из поражения и в следующей игре - с московским «Динамо» - уже перестроились. И мы увидели, как силен «Рapid» в техническом отношении.

В начале пятидесятых весь футбольный мир заставила говорить о себе сборная Венгрии. В 1953 году она обыграла сборную Англии 6:3. Впервые англичане потерпели поражение на своем поле - и какое! Мы смотрели заснятый на пленку матч и ясно видели превосходство венгров в технике. Они демонстрировали футбольное мышление, способность игрока предвосхитить ход соперника. Они творили на поле, а англичане рядом с ними напоминали хорошо отлаженную, но уже несколько устаревшую машину, действующую в пределах заданных параметров. И совершеннейший разгром ждал родоначальников футбола в Будапеште - 1:7!

Мы сами убеждали тренеров, что нам надо больше работать над техникой, тактикой, развивать футбольный кругозор, футбольный интеллект. К этому прибавлялась высокая игровая дисциплина команды. Если кто-то передерживал мяч, не спешил передать его партнеру, который был в более выгодном положении, сразу раздавался окрик: «Не тормози игру!» Если защитники сломя голову мчались вперед, оголяя тылы, в то время как линия нападения и без них могла справиться, тоже следовала немедленная коррекция действий. Причем подчинение дисциплине не мешало каждому проявлять свои индивидуальные особенности.

Мишель Идальго, тренер сборной Франции, говорил, что решающим для него критерием при отборе игрока является талант, ибо невозможно не верить, что талант, неизменно сопровождающийся мыслью, интеллектом в игре, не принесет чего-нибудь коллективного. Лучшим примером такого «привнесения» он считает Платини, наиболее одаренного и самого «коллективного» игрока в команде.

И в «Спартаке» как раз больше всего ценилось то, что ты привносишь в коллектив, в коллективные действия.

Команда располагала большим тактическим арсеналом - фланговые атаки, стенка, разнообразные передачи. Основным же нашим достоинством было то, что мы дорожили мячом, требовали этого друг от друга. «Спартак» тех лет, на мой взгляд, был способен перестроиться на любую тактику. Скажем, 4:2:4. Назад отводился бы Алексей Парамонов, который отлично мог сыграть переднего центрального защитника, в среднюю линию отошел бы Сальников, и осталась бы четверка нападения - Татушин, Исаев, Ильин и я. Могли перестроиться и на схему 4:3:3 - отошел бы в среднюю линию Исаев, обладавший всеми качествами полузащитника. И современную схему освоили бы, к этому тоже были готовы. Татушин и Ильин остались бы впереди, а я сыграл бы под нападающего, взяв на себя часть диспетчерских функций. Но, разумеется, потребовалась бы нынешняя методика подготовки.

Наша команда всегда жила коллективным мнением, держалась на нем. Не припомню давления тренеров, авторитарности, какого-либо насилия с чьей-либо стороны. Такой стиль работы, отношений во многом шел от Николая Петровича Старостина, превыше всего ставившего человеческое достоинство. Так и слышу старостинский густой, сочный голос:

- Ну, как ты считаешь, кого будем ставить на игру?

НАДЕЖДЫ, ВСЕГДА НАДЕЖДЫ...

Мельбурн - крупный город Австралии.

Мельбурн - важный морской порт. Это еще из школьной географии осталось.

Но тогда я, естественно, не предполагал, что доведется побывать в столь далеком городе, что с ним будет связано одно из самых интересных событий моей жизни, один из самых важных фактов моей футбольной биографии: я участвовал в Олимпиаде, единственный раз.

Когда в ноябре 1956 года мы после долгого перелета приземлились на незнакомой австралийской земле, никак не могли понять, куда мы попали - в лето или зиму. То дождь со снегом, то нестерпимое пекло - за один день мог проявиться норв всех времен года.

Торжественное открытие Олимпийских игр происходило в такую сильную жару, что некоторым и спортивная стойкость не помогла - хватил солнечный удар.

Шестнадцатые игры. Счет Олимпиад давно перевалил за двадцать, и Мельбурн теперь далек не только по расстоянию. Но будто вчера, после финального свистка, настрадавшись на трибуне - самое тяжелое быть зрителем, когда играет твоя команда, - я мчался на поле, к ребятам, которые сделали невозможное. Победив сильнейшего соперника, наша сборная вышла в финал!..

С удовольствием вспоминаю дружелюбную обстановку олимпийской деревни. К нашей делегации все - и спортсмены из разных стран, и журналисты - проявляли очень большой интерес. У нас без конца брали интервью, а многие заглядывали просто так - в гости.

Часто бывали спортсмены из США. Особенно подружились тяжелоатлеты - на лужайку к нашему домику приходили Томи Коно, Чарлз Винчи, Пауль Андерсен. Под общие шутки начинались импровизированные соревнования - кто сколько поднимет. Единственный, кто не участвовал в них, - Андерсен. Толстяк, спокойно перешагнувший в поднятии тяжестей пятисоткилограммовый рубеж, лежал на траве и с добродушной улыбкой наблюдал за стараниями штангистов. Был уверен, что все равно всех победит и увезет с Олимпиады золото.

Победители рядом, но имена их пока неизвестны. Завтра героем дня станет Владимир Куц, а послезавтра его имя уже не будет сходить с уст. «Куц! Куц!» - повсюду произносилось с восхищением.

А накануне произошел с ним казус. Приехал к нам австралийский журналист, и Володя попросил разрешения прокатиться на его машине. Тот любезно разрешил. Куц сел за руль, но как только отъехал, открылась дверца. Наклонился, чтобы захлопнуть, потерял контроль над управлением, а когда вскинул голову, было уже поздно - летел прямо на столб. Машина изрядно помялась, Куц выскочил, бросил ее в сердцах и убежал. Многие кинулись за ним - это все происходило на наших глазах: «Володя! Володя!», - но какое там, Володя умчался, расстроившись. А догнать - кто ж его догонит?

Руководство нашей делегации компенсировало хозяину машины ущерб. Но олимпийские события развивались, и, когда Владимир Куц выиграл дистанцию 5000 метров, а потом и 10 000, пострадавший представитель прессы заявил, что теперь отремонтировать автомобиль не будет. Поставит перед домом, сделает ограду, напишет на дощечке: «Эту машину разбил олимпийский чемпион Владимир Куц», - и будет собирать мзду со всех, кто захочет взглянуть на столь ценную реликвию. Таким легендарным человеком сразу стал наш Куц...

Наступил день первой футбольной баталии. Нам выпало играть с командой ФРГ. Я не участвовал в этом матче, как и в трех последующих. Центральным нападающим был Эдик Стрельцов. Ему только-только исполнилось девятнадцать, а мне уже было тридцать. Футболист он, бесспорно, очень талантливый и занял в сборной мое место. Все закономерно и справедливо - никаких обид, такова жизнь.

С первых же минут инициатива была на нашей стороне. Мы атаковали, но оборона западногерманских футболистов оказалась так крепка, защитники играли так точно и цепко, что победа с минимальным счетом 2:1 - досталась нам непросто.

Да и были ли легкие игры на Олимпиаде?

Перед матчем с Индонезией мы не волновались. Команду знали: она приезжала в Советский Союз, провела несколько товарищеских встреч с разными клубами и не одержала ни одной победы. Но сюрприз всегда сюрприз. Кто бы мог ожидать от индонезийцев каверзы?!

Этот матч вызвал такое удивление специалистов и болельщиков, что до сих пор его вспоминают как редкое в футболе событие. Не рассчитывая на победу, индонезийцы сделали ставку на игру от обороны - десять человек

в защите, все полевые игроки! Однажды, разговаривая с Деттмаром Крамером, известным западногерманским тренером, который тоже был в Мельбурне, коснулись индонезийского варианта. «Не забуду, как юркие, маленькие ребята индонезийцы по трое-четверо бросались к каждому вашему нападающему», - смеялся Крамер.

Да, соперники, устроив кучу малу в своей штрафной площадке, не играли сами и не давали играть нашей команде. Но в общем-то их не в чем обвинить - хитрая неожиданная тактика спасла команду от разгрома, позволила добиться ничьей.

А наши игроки подошли к делу несколько расслабленно, загодя уверовали в победу. Не забив гол на пятой, десятой минуте, надеялись забить на пятнадцатой или двадцатой... Время бежало, а на табло оставались нули.

Возникали, правда, моменты, когда нам просто-напросто не везло. С пяти метров Эдик Стрельцов пробил по воротам таким пушечным ударом, что вратарь даже руки не успел вскинуть. Но... мяч попал ему в лоб и отскочил в поле.

Нам, сидящим на трибуне запасным игрокам, казалось, что прокручивается один и тот же кусок киноплёнки - ролик: события на поле не развиваются, а повторяются. Когда к концу матча пришел с других соревнований председатель Спорткомитета Николай Николаевич Романов, то, взглянув на табло, впал в шок: 0:0! Не может быть!

Больше того, все могло закончиться для нас печально. Проскучавший всю игру Лев Яшин - мяч, по сути дела, и не попадал на нашу сторону - ушел за пределы штрафной площадки. И вдруг индонезийский нападающий, получив мяч на ход, помчался к нашим воротам. Яшин перехватил мяч, но поскольку был за пределами штрафной, не мог играть руками. Ему бы сразу отбить подальше - своим, а он почему-то - говорил потом, бес попутал - начал обводить индонезийца. Мы, запасные, замерли от ужаса, Гавриил Дмитриевич Качалин закрыл лицо руками... Хорошо, обошлось.

В дополнительное время счет не изменился, а на следующий день предстояла переигровка. Спокойно разобрали ошибки. Качалин умел это делать как никто. Без ненужных эмоций и стенаний вроде: «Что же вы! Не могли...» Предвидя, что соперник не захочет отказаться от оправдавшей себя тактики, выработали контрмеры - бить по воротам издали, не давая индонезийским защитникам возможности связывать наших нападающих по рукам и ногам, бить чаще, изматывая вратаря. Ребята отнеслись к игре серьезней и довольно быстро забили первый мяч. Дальше - проще. Выиграли 4:0, вышли в полуфинал.

Самым трудным оказался матч с болгарами. В их команде собрались великолепные игроки. Иван Колев, левый крайний нападающий. Блестящий центральный защитник Манол Манолов, против которого мне не раз приходилось играть, очень быстрый, цепкий футболист. Стефан Божков, полузащитник и капитан команды... Основу сборной составляли игроки ЦДНА, команды известной, сильной.

Вот уж где мяч не лез в ворота. Заканчивается основное время, счет 0:0, обе стороны вымотаны до предела. Валентин Иванов играет с травмой, и новое несчастье - падает Николай Тищенко. Падает неудачно, на плечо - перелом ключицы. Замены в то время олимпийскими правилами не разрешались, и Коля настоял: «Я выйду! Заморозьте, забинтуйте как следует, буду играть». Наш доктор Олег Маркович Белаковский сделал ему тугую повязку, и Тищенко вышел на поле. Но по сути наши ребята остались вдесятером.

В начале дополнительного времени Иван Колев забивает гол. Судьба матча висит на волоске. И вот тут-то Тищенко, на которого уже никто не обращал внимания - он стоял на левом фланге обороны, - получил мяч, отдал Татушину, тот сделал передачу Стрельцову. Мяч срезался, замысловатой дугой обошел центрального защитника Манола Манолова, великолепно игравшего против Стрельцова. Оба они рванулись влево, но Эдик, резко затормозив на вираже, сумел изменить направление и ускользнул с мячом от Манолова. Не доходя до штрафной площадки, замахнулся на сильнейший удар, и... зарылся носком бутсы в землю. Мяч закрутился и пошел вприпрыжку в ворота, вратарь Найденов распластался, но мяча не достал. А он медленно катится дальше, такое ощущение, что катится мимо ворот. Около боковой стойки, видимо, споткнулся о кочку и еле-еле вполз в ворота.

Новая комбинация тоже началась от Тищенко: передача в центр, оттуда - на правый фланг, далее Рыжкин проскочил и сделал передачу. Татушин на мгновение опередил вратаря Найденова, который, казалось, уже накрыл мяч 2:1. Победа.

Сколько же пережили за эти два часа мы, сидевшие на трибуне! Уверен, легче самому играть. В азарте игры разряжаешься, даешь выход эмоциям. Когда сосредоточен на действиях, не до переживаний. А тут ничего не можешь - только ждешь. Потом уже, став тренером, закалился. А тогда, после финального свистка, мы кинулись к ребятам на поле. Я не мог с собой справиться, бросился на грудь Эдика Стрельцова и разрыдался. «Да что ты, что ты...» - успокаивал он, мальчишка, тридцатилетнего мужчину. «Вы же не представляете, что вы сегодня сделали!» - твердил я, не в силах успокоиться.

А впереди предстоял финальный матч - с командой Югославии.

Мы думали, что его проведет тот же состав, который выступал в предыдущих играх. И вдруг неожиданно Гавриил Дмитриевич объявил, что выйдет спартаковская пятерка нападающих - Татушин, Исаев, Ильин, Сальников и я, в полузащите - Масленкин и Нетто, в защите - Огоньков, Башашкин, Кузнецов, в воротах - Яшин. В олимпийской сборной было десять человек из «Спартака», и восемь из них решено было выставить в финальном поединке. Трудно сказать, чем руководствовался тренерский совет. При обсуждении состава мы не присутствовали. Видимо, сочли, что Стрельцов и Иванов очень уж измотаны, нужны свежие силы.

Мы знали югославскую команду и представляли, что борьба нас ждет серьезная, соперник силен. В клубе олимпийской деревни со многими перезнакомились. Особенно выделялся Драгослав Шекуларац. Этот молоденький парень, преисполненный важности, заявлял:

- Сегодня в мире два лучших крайних правых - Стэнли Мэтьюз и я.

Нельзя было понять - шутит он или говорит серьезно. Мы посмеивались: «От скромности не умрет!» Но он действительно впоследствии стал видным футболистом, долгое время играл за национальную команду Югославии, выступал за клубы США, ФРГ.

Недавно, вспомнив этот эпизод, рассказал его югославским коллегам - был у них на семинаре по проблемам футбола. Милян Милянич, союзный капитан, засмеялся:

- Это же Шекуларац!

Техничного талантливого игрока нередко подводила самонадеянность, самоуверенность.

А на Олимпиаде он против нас сражался крепко, как и все его товарищи. И все-таки мы первые забили гол.

Мяч, который послал по дуге головой Исаев, казалось, опускался в ворота, а подоспевший Ильин добил его в сетку. Счет открыт. Югославы еще более рьяно, чем прежде, рвутся к нашим воротам. А мы стараемся гасить их натиск, подолгу держа мяч, передавая друг другу - вперед, назад, влево, вправо, тем самым дезорганизовывали, изматывали соперника, бегающего без мяча. Это спартаковцы хорошо умели. Счет так и не изменился до финального свистка. Единственный гол оказался золотым.

Сразу же после матча состоялось награждение. Но меня грызло ощущение какой-то несправедливости, хотя и произошла она не по моей вине. В то время Олимпийский комитет вручал золотые медали лишь тем игрокам, которые участвовали в финале. А ведь до этого самоотверженно «работали» на победу и Рыжкин, и Иванов, и Стрельцов, не раз вызывавший восторженный гул трибун. И они остались без наград. Я был уверен, что Эдик, сыгравший три игры, даже четыре, если считать повторный матч с индонезийцами, больше заслуживает золота, чем я, выступавший только в одном матче.

На корабле - мы уплывали сразу же, на следующее утро, - я не выдержал, подошел к Эдику и сказал, что думаю об этом, сказал: «Медаль твоя!» и попросил ее принять как память об Олимпиаде. Он ответил, что ни за что не возьмет. «Не говори ерунды, ты заслуживаешь ее не меньше меня. И я не хочу ни о чем слушать». Прошло два дня, и я снова подошел к Стрельцову с тем же - неловко мне было, и ничего не мог с собой поделаться. Эдик рассердился: «Если ты еще раз подойдешь, я просто перестану с тобой разговаривать. Тебе тридцать, а мне девятнадцать, у меня еще будут впереди Олимпиады, мне еще играть и играть...»

Об этом случае уже не раз писали и последние слова почему-то приписывали мне. Я хочу уточнить: они принадлежали именно Эдуарду. Незначительная вроде бы поправка, можно даже счесть меня педантом, но, мне кажется, она важна - вернее отражает мою позицию: я не пытался смягчить несправедливость разницей в возрасте, рассуждением, у кого что впереди, просто считал, что у товарища больше прав на медаль. А благородство... Его, по-моему, проявил Стрельцов.

Из Мельбурна возвращались на теплоходе «Грузия». Светило солнце. У всех прекрасное настроение. Когда пересекали экватор, по традиции устроили праздник Нептуна - крещение. Всех бросали в бассейн. Нептун и его свита - тяжелоатлеты - подхватывали нас легко, как кукол, - и в воду. Подошли к Круминьшу, а он ростом - 2,18, начали уговаривать, сам, мол, нырни осторожненько. Он ни в какую: «Всех бросали и меня пусть бросят! Крестите, как положено!» Понадобилось шесть человек, чтобы приподнять его... Еле уместился он в «купели», вода чуть не вышла из «берегов».

Во Владивостоке нас ждала торжественная встреча. А потом толпы народа выходили к нашему поезду на каждой станции, гремели митинги... В Москве вся Комсомольская площадь была запружена встречающими. Нас подхватили, начали качать. Незабываемые минуты. Наверное, нет ничего приятней возвращения домой с победой.

Стоит ли говорить, с каким волнением мы ждали чемпионата мира по футболу 1958 года. Первый чемпионат, в котором должна была участвовать сборная Советского Союза.

Это соревнование не сравнимо с олимпийским турниром ни по силе, ни по составу участников, ни по напряжению. Это соревнование высшего ранга, высшего накала, соревнование номер один в футболе.

Мне уже было 32 года. Возраст для игрока, что и говорить, приличный. Нужно было выкладываться вовсю и доказывать свое право на участие в мировом чемпионате. Ведь к тому времени в сборной появились молодые талантливые ребята. Смена наступала, что называется, на пятки. Видел, понимал, что Эдуард Стрельцов, игрок незаурядный, самородок, сильнее меня. Тем не менее я не склонен был недооценивать и своих сил, знал, что буду полезен в основном составе, который должен отправиться на чемпионат в Швецию.

К тому времени у нас со Стрельцовым сложился неплохой тандем. Гавриил Дмитриевич Качалин отводил мне роль диспетчера. Я был оттянутым нападающим (сегодня, к примеру, в такой роли выступает Александр Заваров), а Стрельцова выдвинули на острие атаки. Уже в отборочном матче чемпионата против сборной Польши мы с Эдуардом играли в такой позиции. Он впереди, я несколько сзади. И надо сказать, сыграли удачно, несмотря на проливной дождь: 3:0. Один из мячей мне удалось забить метров с тридцати.

А вот в повторной игре с поляками в Хожуве потерпели поражение. Предстояла третья, решающая встреча. Ее назначили в Лейпциге. Мне, к сожалению, не пришлось поехать: накануне получил травму, и довольно серьезную. Наши вернулись с победой, завоевав право на участие в финале чемпионата.

Ожидание чемпионатов всегда полно прогнозов - их строят и специалисты и болельщики.

Но прогнозы в то время были подобны гаданию на кофейной гуще из-за плохого знания соперников. Это сейчас мы располагаем широкой и глубокой информацией. Ездим в разные страны смотреть матчи, снимаем их по взаимной договоренности на видеокассеты. На наши матчи тоже приезжают зарубежные специалисты. А тогда контакты только зарождались. За пять лет пребывания в сборной я сыграл лишь 23 матча с зарубежными командами.

Сегодня за тот же срок можно сыграть вдвое больше. Сборная каждый год проводит не менее двенадцати международных игр. Клубные команды участвуют в престижных европейских турнирах. Есть коммерческие выезды на всевозможные турниры - мы должны ведь зарабатывать и валюту для страны. Все это расширяет кругозор, повышает образованность тренеров, игроков, А тогда мы довольно туманно представляли себе состояние, уровень мирового футбола. И тем не менее установка давалась только одна: выиграть, во что бы то ни стало занять призовое место. А готовы ли мы к соревнованию высокого уровня, имеем ли шансы претендовать на победу - об этом не размышляли. Да, мы очень хотели выигрывать и только выигрывать. А вот каковы соперники? Какое соотношение сил в той или иной группе? Это тоже не мешало бы знать. Но увы...

Мы попали, пожалуй, в сильнейшую группу чемпионата - Австрия, Англия, Бразилия, СССР. И твердо знали одно: надо готовиться и готовиться.

Стоял промозглый февраль. Возникла проблема - где найти хорошие условия для подготовки. Нынешнего удобного сочинского стадиона в то время еще не было, аэродромчик, на котором тогда обычно тренировались, вдруг начали застраивать. Выручили китайские товарищи, пригласили к себе. Мы отправились в город Гуандун, где нам предоставили хорошую базу на острове с футбольными полями, домиками для жилья.

Тренировались усиленно. Месяца за полтора до чемпионата отправились на сбор в Тарасовку.

В команде была хорошая обстановка. Иногда приходится наблюдать в сборной разные отдельные группки. Каждый клуб держится своей компанией. У нас подобного не водилось. Динамовца Льва Яшина чаще всего видели вместе со спартаковцами Борисом Татушиным и Анатолием Исаевым. Я тянулся к Косте Крижевскому и Анатолию Башашкину. В матчах чемпионатов страны центральный защитник московского «Динамо» Крижевский играл против меня, и волей-неволей мы доставляли друг другу немало неприятностей, но это никак не влияло на наши дружеские отношения.

Незадолго до выезда в Швецию руководство команды решило отпустить ребят дня на два домой, чтобы потом, вновь собравшись, отправиться в путь.

Когда мы все вернулись в Тарасовку, пронесся тревожный слух - произошло ЧП. Какое ЧП, что случилось? Вдруг прибыла милиция. Общее оцепенение. В происшедшее никак не хотелось верить. Стрельцов, наш товарищ, которого все любили, обвинялся в уголовном преступлении, Татушин и Огоньков тоже каким-то образом были в нем замешаны. Началось с выпивки - загуляли, разгулялись... Все трое еще до суда были дисквалифицированы. Когда я увидел Огонькова и Татушина в Тарасовке - Стрельцова уже не отпустили, - не сдержался, по праву

старшего высказал все, что думал об их поступке, о них. Да разве передашь сейчас ту нашу общую досаду, злость, обиду?!

Чувства чувствами, но это еще и удар по составу команды. Выбыли три сильных игрока. Кем заменить? Срочно пригласили Анатолия Порхунова и Александра Иванова из «Зенита». Было отчего опустить руки, но мы держались.

В Швецию прилетели задолго до начала чемпионата. Наша футбольная резиденция находилась в местечке Хиндос близ Гетеборга. Двухэтажный коттедж с сауной в сосновом лесу, рядом - озеро и, конечно, небольшой стадион с отличным полем для тренировок. Надо отдать должное хозяевам - условия для команды они создали прекрасные. Из Хиндоса нам предстояли выезды в Гетеборг и Бурос на матчи со сборными Англии, Австрии и Бразилии.

Накануне чемпионата провели несколько товарищеских игр в Москве. Сыграли со сборной Англии 1:1. Но нельзя сказать, что получили полное представление о возможностях соперника по группе: в товарищеских играх обычно не выкладываются. Правда, это правило не относилось к нам. Задача ставилась одна: выиграть. Хотя, возможно, не всегда стоило открывать все карты.

Перед матчем, помню, произошел малоприятный эпизод. Англичане остались очень недовольны полем в Лужниках и заявили: «Вы не уважаете нашу команду. Приглашать сборную Англии на это поле!» Игра, конечно, состоялась, но мы испытали такое чувство неловкости, будто сами выращивали газон. Понимали, соперник не капризничает: привык на родине к идеальным полям. Англия славится бархатом лужаек, газонов - вековые традиции. Во время ответной встречи на Уэмбли Борис Кузнецов вырвал бутсой клоч дерна. И тут же, как только мяч переместился к воротам англичан, он вложил этот клоч в образовавшуюся ямку и старательно примял рукой под одобрительные аплодисменты трибун. Спортсмену воздали должное за бережное отношение к чужому труду.

Кстати, поле в наших Лужниках, раз уж заговорили о нем, и по сей день не соответствует рангу Центрального стадиона. Мы часто слышим: ничего нельзя сделать - большая нагрузка. Но лужниковское поле с самого начала было не лучшим. Имелась возможность поправить газон, когда на стадионе проводилась подготовка к Олимпиаде-80. Реконструкция длилась два с половиной года, а дирекция ею не воспользовалась, не прислушалась к мнению Управления футбола, футболистов.

Однако я несколько отвлекся от событий памятного 1958 года.

Англичан мы считали главными соперниками в группе. Сборная Австрии? Сильная команда, но одолеть можно. Сборная Бразилии? О ней мы имели довольно смутное представление. Известно было, что бразильские игроки обладают высокой техникой, а вот физически вроде бы не очень готовы. Про них даже иронично говорили - жонглеры, мол, и только. К тому же мы были наслышаны о событиях на чемпионате мира 1954 года в Швейцарии - бразильцы проиграли венграм 4:2 и после матча под трибунами учинили драку. Поэтому считалось, что команда при всей виртуозности ее игроков, мастерстве недостаточно организована, психологически неустойчива, может дать волю эмоциям, сорваться.

Правда, динамовцы, побывавшие в Бразилии в 1957 году, говорили, что матч с южноамериканцами будет наверняка трудным, придется попотеть.

Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Бразильцы жили недалеко от нас. По вечерам с их базы доносились ритмы самбо. Наши темпераментные соперники, похоже, не скучали.

Узнав, где они тренируются, на каком поле, отправились пешком в разведку. Посмотрели. На меня произвело впечатление, как Диди - тогда мы еще и не знали, что это Диди, - с центра шлепком стопы, внешней ее стороной, направил мяч на край поля, и крайний правый - это был Гарринча - сразу принял его на грудь. Таких приемов мы тогда не знали, думаю, и сейчас вряд ли кто это сможет выполнить. На тренировке они играли вполсилы. Не выкладывались. Стремления, как у нас, работать до седьмого пота не было. Шлифовали мастерство. Мы любовались мягкими пластичными движениями футболистов. И каждый, наверное, в уме прикидывал, как можно действовать против них на поле.

Новой тактической схемы мы тогда не разглядели и унесли ощущение, что соперник вроде бы и не страшен.

К тому же потом, перед самой игрой с бразильцами, Константин Бесков, наблюдавший их поединки с англичанами и австрийцами, скажет нам, что в сборной Бразилии все футболисты как на подбор, но играть с ними можно.

Каждый день приближал нас к началу чемпионата. Наверное, напряжение росло, хотя внешне все было спокойно. В свободное от тренировок время ребята ходили на рыбалку, катались на лодках (озеро-то рядом), играли в настольный теннис, шахматы, где всегда лидировал Игорь Нетто.

И вот пришел день старта. 8 июня состоялось торжественное открытие чемпионата. Мы смотрели по телевизору передачу из Стокгольма. Увидели на экране шведского короля, который обратился с приветствием к участникам, матч Швеция - Мексика и гол Агне Симонссона. Дался он ему, как писали после корреспонденты, кровью. После сильной прострельной передачи мяч попал Симонссону в лицо и отскочил в ворота. Шутки шутками, а шведский нападающий вынужден был даже покинуть поле - так сильно кровь пошла из носа. Вскоре форвард, правда, вернулся, «кровавый» гол словно раззадорил шведов, и они победили 3:0.

В тот же день на стадионе «Нью-Уллеви» в Гетеборге наша сборная встречалась с командой Англии.

На установке Качалин сказал, что мы должны навязать англичанам скоростную маневренную игру с первых же минут и нагнетать, нагнетать темп, что в мастерстве мы им не уступаем, надо превзойти их в движении...

Хорошо понимали, от первого матча зависит очень и очень многое. Но ведь это понимали и англичане. Наша сборная выступала в таком составе: Яшин, Кесарев, Крижевский, Кузнецов, Войнов, Царев, А. Иванов, В. Иванов, Симонян, Сальников, Ильин. Игорь Нетто из-за травмы в матче не участвовал, и я вышел на поле с капитанской повязкой. Встретился взглядом с капитаном англичан Билли Райтом, кивком головы поздоровались. Наше знакомство состоялось еще во время товарищеских матчей «Спартака» в Англии. У меня осталось доброе впечатление о Райте как об отважном, честном и корректном футболисте. Не знаю, какого мнения он был обо мне, но поглядывал доброжелательно, хотя мы оба понимали, что вот-вот раздастся судейский свисток, и каждый из нас будет решать в спортивной борьбе свою задачу.

С первых минут началась жесткая, пожалуй, даже жестокая борьба со стороны обеих команд. Англичане приняли наш вызов - они оказались готовыми к нашим скоростным маневрам и, в свою очередь, предложили нам высокий темп игры.

За каждый мяч, на каждом участке поля шла бескомпромиссная борьба. Любая допущенная ошибка могла привести к беде. Каждая команда стремилась во что бы то ни стало первой забить гол.

Билли Райт, этот крепко сбитый атлет с прекрасной координацией движений (не зря его журналисты называли «Пружина»), так бдительно и ловко опекал меня, предугадывал все мои маневры, что иногда мне даже становилось не по себе. Но гол в первом тайме я все-таки забил. На какое-то мгновение опередил английских защитников, первым успел к мячу, отбитому вратарем Макдональдом, и «щечкой» направил его в сетку ворот.

- Ребята, нужен еще гол, - сказал в перерыве Игорь Нетто.

- Старайтесь не снижать темпа, - наставлял Гавриил Дмитриевич.

Наказы нашего капитана и тренера мы выполнили. Во втором тайме Александр Иванов из ленинградского «Зенита» забил второй гол в ворота англичан, завершив красивую комбинацию, начатую защитником Владимиром Кесаревым, который своевременно подключился к атаке и сделал точную передачу Иванову, игравшему на месте левого инсайда. Создался выгодный момент для удара, но Александр почему-то медлил. Казалось даже, слишком медлил. Макдональд, видно, решивший, что наш игрок пребывает в замешательстве, бросился ему в ноги, и тут-то Иванов едва заметным движением протолкнул мяч к лицевой линии и под острым углом направил его в ворота.

Можно было бы полагать, что победа уже в наших руках. Отыграть два мяча ох как непросто! Но мы не расслабились, понимая, что англичане сейчас приложат все силы, чтобы спасти игру. Терять им было нечего, их атакующий прорыв перерос в настоящий штурм.

Наши защитники под сильным натиском стали допускать ошибки. Одна из них привела к тому, что рослый нападающий Кеван, опередив рванувшегося к мячу Льва Яшина, забил гол.

После этого преимущество вновь перешло к нам. Англичане, похоже, смирились с поражением. Мы даже могли увеличить счет. Моменты были. И вдруг...

За несколько минут до финального свистка у нашей штрафной площадки столкнулись Константин Крижевский и английский нападающий Джон Хейнс. Обычное игровое нарушение. Но Хейнс, упав, умудрился вкатиться за линию штрафной, хотя столкновение произошло метра за полтора до нее. Венгерский судья Жолт находился в это время чуть ли не в центре поля и не мог видеть, где точно произошло нарушение, однако, подбежав к мячу, взял его в руки и направился к одиннадцатиметровой отметке. Напрасно Яшин, Крижевский и я пытались убедить арбитра, что нарушение произошло вне штрафной площадки. Судья и слушать нас не стал,

указав на одиннадцатиметровую отметку. Матч закончился вничью - 2:2. Победа была упущена. Причем эта ничья, как потом выяснится, окажется для нас роковой.

В Хиндос возвращались вымотанные, грустные. Да, мы играли лучше, чем англичане, но что толку, если команда записала на свой счет только одно очко?

Следующий матч мы провели 11 июня со сборной Австрии в Буресе. Игра получилась менее содержательной, чем первая - сказалось нервное напряжение предыдущей встречи, - хотя мы и победили со счетом 2:0. Защитники уверенно сдержали атаки австрийцев, которые возглавлял 19-летний Буцек. Этот физически крепкий и агрессивный форвард доставил немало хлопот нашей обороне. Юного лидера активно поддерживали не уступавшие ему в мощи крайние нападающие Сенекевич и Хорак. «Прямо какая-то тройка Кеванов», - сказал после игры Валентин Иванов, сравнивая этих австрийских игроков с рослым - под два метра - центрофордом сборной Англии.

Блистал в этом матче наш Яшин. Его уверенная и красивая игра просто обескуражила соперников. Все их атаки разбивались о яшинскую стену. Окончательно развеял Лев надежды австрийцев забить мяч в наши ворота, когда парировал одиннадцатиметровый, пробитый Буцеком. По точности удар, может быть, не совсем удался, но по силе был просто пушечным. И тем не менее Яшин взял его намертво. Стадион взревел от восторга.

После двух довольно удачных для нас игр шведская печать стала уделять нашей команде много внимания. Снимки игроков сборной СССР появлялись в местных газетах целыми сериями. Особый интерес проявляли к Льву Яшину и Игорю Нетто. Многие журналисты, говоря о Яшине как о герое матча с австрийцами, уже тогда называли его одним из лучших вратарей чемпионата. Ну а Игорь стал не чем иным, как «тайным оружием русских». Из-за травмы он не участвовал в двух первых играх, и газетчики, постоянно ищущие сенсаций, с уверенностью утверждали, что русские берегут своего знаменитого капитана для решающих встреч. Если бы так! Ведь нам очень и очень не хватало Нетто на поле. Но он не был еще готов играть в полную силу и пока довольствовался ролью запасного.

И вот снова Гетеборг, стадион «Нью-Уллеви». Сборная СССР - сборная Бразилии. Выходя на поле, помнили о напутствии Гавриила Дмитриевича: «В технике бразильцы нас превосходят. Наш главный козырь - маневренность, скорость, воля».

В этом матче в составе южноамериканцев впервые появились Пеле и Гарринча. Когда Борис Кузнецов узнал, что ему придется играть против Гарринчи, он даже в лице изменился. Дело в том, что во время турне московских динамовцев по Бразилии в 1957 году Борис видел Гарринчу, и на него ошеломляющее впечатление произвели финты бразильца.

Рассказывали, что Гарринча перед игрой предъявил своему тренеру Феоле ультиматум: «Если сегодня не поставите меня в основной состав, уезжаю домой или подписываю контракт с итальянским клубом».

Феола сдался. И, наверное, не пожалел об этом.

Уже на первой минуте Гарринча, получив пас, бросился в атаку. Перед ним Борис Кузнецов, бразилец мчится на него, причем на мяч не смотрит, Кузнецов пытается назад, не рискуя вступить в борьбу. Так они движутся до линии штрафной, и здесь Гарринча, ловким финтом обманув нашего защитника, нанес мощнейший удар. Мяч угодил в левую стойку ворот и отлетел почти к центру поля. Снова атака, снова мяч у Гарринчи. Передача. Теперь Пеле с ходу наносит удар. На этот раз мяч попадает в правую штангу. Потом кто-то из бразильцев бьет выше ворот. А следующая атака заканчивается голом. Точный пас Диди принял Вава и направил мяч в сетку ворот. Шла всего лишь четвертая минута игры...

Я уже говорил, что бразильцы в Швеции продемонстрировали тактическую новинку. Долгие годы в футболе господствовала система «дубль-ве» (три защитника, два полузащитника, пять нападающих). Ее придумали англичане, законодатели футбольных мод. Все всегда смотрели, что нового выдаст туманный Альбион, а тут новинка явилась из Южной Америки. Невиданная доселе расстановка игроков - четыре защитника, два полузащитника, четыре нападающих (двое из них центральных). Атакующая мощь команды не ослабла, наоборот, в атаке стало больше пространства для действий игроков, и при своей виртуозной технике бразильцы это умело использовали. Центральная зона обороны укрепилась еще одним игроком.

Ясно, что и нам против южноамериканских футболистов нельзя уже было действовать по-старому. Пытались перестроиться на ходу, но сразу этого не сделаешь, поэтому совершали ошибки. Сдвоенный центр нападения - Валентин Иванов и я - оказался на голодном пайке. Соперник безраздельно хозяйничал в середине поля, а его массивные атаки так измотали наших защитников, что они думали лишь об одном: как бы отбить мяч подальше от ворот.

Помню, подбежал к Борису Кузнецову: «Боря, успокойся, возьми себя в руки. Мы открываемся, ждем от тебя паса, а ты посылаешь мяч через наши головы...» Но взгляд у него отсутствующий, мои слова не слышит. «Подожди! Не видишь, что творится? Дайте передохнуть!», - и в очередной раз сильным ударом отправляет мяч черт-те куда. А бразильцы, перехватив его, снова начинают атаку...

И все-таки не могу упрекнуть наших ребят в отсутствии стойкости, воли. Просто бразильцы оказались сильнее. Сильнее всех на том чемпионате.

В роли диспетчера выступал у них Диди. Его пасы были выверены до сантиметра, будто посылались руками. Мяч приходил к партнеру в заданную точку удобным для приема. И всегда это оказывалось неожиданным для нас.

Использовал Диди один оригинальный пас. Помню, он сделал передачу в адрес Загало, на левый фланг, ударив сильно, как мы говорим, «под мяч». Из ворот наперехват вышел Яшин. Мы были уверены, что вратарь спокойно овладеет мячом, но тот, коснувшись земли, как бы на мгновение замер и вдруг... покатился в обратную от Яшина сторону - к Загало. Это был пас с заданным обратным вращением.

Диди будто поставил цель потрясать нас и потрясал.

Константин Иванович Бесков еще раньше говорил нам, что он блестяще выполняет штрафные удары, но ничего подобного мы не ожидали. Выстроилась стенка метрах в двадцати от наших ворот, и вдруг Диди мягко швырнул мяч через стенку внутренней стороной стопы, придав ему вращательное движение. Мяч уходил от Яшина, и он достал его только кончиками пальцев. А второй удар бразилец выполнил внешней стороной стопы, и мяч, огибая стенку, пошел в угол ворот. Вот так выглядел знаменитый «сухой лист», который, как и новая тактическая схема, пошел со шведского чемпионата. Наши футболисты тоже овладели впоследствии этим ударом. Он получался и у Сергея Сальникова и особенно хорошо у игрока киевского «Динамо» Виктора Серебряникова.

В матче с бразильцами впервые вышел на поле Нетто. Ему-то и пришлось играть против Диди. Игорь до конца не выздоровел, и справиться с Диди ему было трудно. Интересно, как бы выглядела их борьба, будь наш капитан в хорошей форме?

...Второй гол в наши ворота снова забил Вава. Бразильцы от радости кричали, обнимались, устроили кучу мау. Может быть, именно тогда и родилась традиция - отмечать таким образом удачу.

Это было наше первое поражение на чемпионате...

После матча мы пришли в раздевалку, сели, посмотрели друг на друга и рассмеялись. Смех сквозь слезы? Возможно. Бывает, проигрываешь из-за нелепейших случайностей, и тогда никак не заглушить досады, никак не освободиться от нее. А тут все закономерно: бразильцы сильнее нас, они и должны были победить, а мы должны теперь извлекать уроки из поражения. Но даже и на подобную ситуацию полезно взглянуть с юмором - лучше оценишь случившееся. Мы подтрунивали над собой: хороши, нечего сказать! Еще вчера были уверены в себе, несмотря на то, что лишились перед отъездом в Швецию трех сильнейших игроков, еще вчера пресса отводила нам в своих прогнозах одно из призовых мест, и вдруг с нами расправились, как с детьми.

Сергей Сальников, который не участвовал в матче (сидел на трибуне), говорил нам: «Обидно, конечно, старики, что проиграли, но бразильцы - мастера. Вот они-то - настоящие мастера! Я и сам кое-что умею в футболе, но о таком могу лишь мечтать. Их игрой наслаждаешься. Это был потрясающий спектакль!..»

Потом в разные годы я не раз видел игру сборной Бразилии. Но команды, равной по составу и мастерству той, что участвовала в шведском чемпионате мира, больше не встречал. Неповторимая команда. Именно после уроков Швеции футбольный мир начал перестраиваться.

Казалось, наша песенка в чемпионате спета. Выиграй англичане у австрийцев, и они выйдут в четвертьфинал. Но сборная Австрии, не одержавшая на чемпионате ни одной победы, дала англичанам настоящий бой. Да еще какой! Ничья - 2:2! А это значит, что у нашей сборной и сборной Англии по три очка.

По правилам тех лет при равенстве очков нужно было играть повторный матч, решающий. И снова пришлось нам скрестить шпаги с англичанами. И снова игра была очень тяжелой. Чувствовалось, что обе команды устали, израсходовав накануне немало сил. Хотя и у них и у нас были введены новые игроки, это не повлияло существенно на общее состояние команд. Про такие игры обычно говорят: кто забьет, тот и победит. Забить удалось нам. Автором единственного гола стал Анатолий Ильин. Забил он красиво, хлестким ударом в нижний угол.

Англичане, будто восторженно, обрушили шквал атак на наши ворота. В чем-то нам повезло - мяч дважды попадал в штангу. Туго пришлось обороне. В центре ее был Костя Крижевский, и сражался он, что

называется, насмерть. Навесные передачи шли справа и слева. Англичане сильны в воздухе, в игре головой - это всем известно. В один из моментов Костя, прыгнув, столкнулся с нападающим головой, упал. Его долго приводили в чувство.

Замен не полагалось, и он доиграл матч до конца. Идти с поля уже не мог - качало, и ребята его буквально внесли в раздевалку. А когда он сел, открылась страшная рвота - симптом сильного сотрясения мозга.

Надо сказать, англичане тоже выложились в этом матче. Мы сумели погасить их пыл, измотать. Помню, как одного полузащитника мы втроем взяли в оборот. Передавали друг другу мяч, не продвигаясь вперед. Англичанин метался между нами, наконец остановился, махнул рукой и пошел прочь.

Предстояла игра в Стокгольме со сборной Швеции. Из Гетеборга мы летели самолетом, хотя, наверное, быстрее можно было бы добраться автобусом. Рейс задержался. Причину задержки мы не смогли выяснить, но потом все больше убеждались, что она не была случайной, как и отель, в котором разместили нашу команду в столице. Добрались мы до него глубокой ночью. Только легли, как нас разбудили звуки врубовых машин, отбойных молотков - под окнами гостиницы шли ремонтные работы. Создавалось впечатление, что и без того измученную команду решили взять измором. Спать мы, естественно, уже не могли, а днем, в три часа, предстояла игра.

Перед тренерами встал вопрос: кого ставить на эту встречу? Может быть, резерв? Свежих, хотя и не очень опытных футболистов? Когда Гавриил Дмитриевич Качалин сказал нашим молодым, что им придется играть со сборной Швеции, некоторые побледнели, дрогнули: страшен груз ответственности. Собрали ветеранов команды - Яшина, Нетто, меня - на тренерский совет. Качалин спросил: «Как состояние? Устали? Понятно. Но мы все-таки остановились на вас...»

Мы всегда внимали словам Качалина. Сборная наша выступала за честь страны, защищала ее престиж. Но не только. Мы сражались еще и за своего тренера, ради тренера. Для него стремились выигрывать, биться до последнего. Уверен, это не только мои чувства. Гавриил Дмитриевич из тех людей, которых уважаешь безмерно, и мука мученическая его огорчить. Неудачи он переживал больше нас всех вместе взятых. И тем не менее никогда не срывался, не вымещал на ком-то своего настроения.

Каждый футболист для Качалина прежде всего человек и уж потом - спортсмен. Гавриил Дмитриевич способен был без жалости расстаться с хорошим игроком, если он не устраивал его по нравственным соображениям. И никогда не унижал человека за то, что тот «не тянул». Ухитрялся не задеть ничьего достоинства процедурой расставания.

Не терпел в людях грубости, хамства, зазнайства, высокомерия. Ценил обязательность, прилежное отношение к делу, товарищество. И дух товарищества был духом сборной, которой он руководил.

Потом я не раз думал, в чем его педагогические секреты? Ничего особенного Качалин, пожалуй, не изобрел. Все шло от личности, все было органично.

В свободные часы он любил взять в руки гитару или мандолину, любил, чтоб мы расселись вокруг и вместе что-нибудь спели. Но это было отнюдь не запланированное мероприятие. Знал жен футболистов, умел подойти к ним, расположить к откровенности, поэтому всегда понимал, что кого волнует, что кого тревожит, и влияние на нас имел огромное.

Для меня Гавриил Дмитриевич - образец скромности.

На его семидесятипяtilетие собралась старая гвардия - Андрей Петрович Старостин, Яшин, Нетто, Парамонов, Царев, Полунин и я. Скромная квартирка - а мог бы ведь устроиться пороскошней. Но у Качалиных и так хорошо. Теплый дом, в котором уютно себя чувствуешь. Приветливая, заботливая Антонина Петровна, супруга, обращавшаяся к мужу неизменно ласково - «Гавусик». Никто из нас не искал, что бы такое сказать, соответствующее случаю, говорили что думали.

Взял слово и Гавриил Дмитриевич:

- Мне повезло, что я работал с такими игроками, и счастлив, что в команде, которая выиграла Олимпиаду и впервые выступила на чемпионате мира, были отличные футболисты и настоящие люди.

Мы рдели от тренерской похвалы, словно вернулись в молодость. Знали, от души сказано.

Однако при всей мягкости Гавриил Дмитриевич «железно» осуществлял свою программу: высокая скорость, высокая физическая подготовка, личная инициатива игроков на поле... Специалисты в то время говорили о нашей сборной как о самой динамичной команде. Мы способны были проводить матчи от начала до конца в предельном темпе.

Костяк сборной в то время составляли спартаковцы, и Гавриил Дмитриевич ездил со «Спартаком» на зарубежные матчи. Вспоминается встреча с «Фиорентиной» во Флоренции. Игра у нас получилась. Мы вели 4:1 и старались сбавить темп: стояла нестерпимая жара - около 40 градусов. Через два-три дня предстояла встреча с «Миланом», так почему бы не поберечь силы? Старались подольше поддержать мяч, передавая его друг другу. И вдруг слышим с тренерской скамейки голос Качалина:

- Обостряйте игру! Обостряйте!

После финального свистка подошли к нему:

- Гавриил Дмитриевич, игру-то мы уже выиграли, хотели сэкономить силы, а вы нам - «обостряйте»! Зачем?

- Ах вы, негодяи! - рассмеялся Качалин. - Да ведь мне стало жаль итальянцев. Они и так крупно проигрывают, а вы вздумали над ними поиздеваться, оставили без мяча.

Учил уважать и соперников.

Сегодня Качалин - президент клуба «Кожаный мяч». Президент всех футбольных мальчишек. И лучшего наставника, думаю, не сыщешь.

Он всегда ставил реальные задачи. Не требовал невозможного, как некоторые тренеры, полагающие, что завышенная цель перед игрой взбодрит команду. Тренер доверял нашему чувству ответственности и не любил, если на установке появлялись начальственные лица и пытались по-своему разговаривать с игроками.

И на чемпионате в Швеции нам помогала ровность, трезвость его характера.

- Знаю, что вы устали, но очень надо добиться победы, хотя бы с минимальным счетом, - сказал Качалин перед игрой со шведской сборной.

Тут вмешался один из руководителей делегации, горячий по натуре человек.

- О каком минимальном счете речь? Мы, помнится, громили шведов под Полтавой. Обязаны разгромить их и сегодня! Вы устали, но постарайтесь. За эту игру мы вас премируем.

Слова резанули, и Лева Яшин не выдержал:

- Мы приехали играть не за деньги, не за премиальные. Приехали защищать спортивную честь страны и сами понимаем, что должны сделать.

Мы приложили все возможные усилия, но ватные ноги не слушались. Опытные соперники были в лучшей форме.

Все складывалось не в нашу пользу. Ответный гол, который забил Ильин, отменили, отменили неверно, несправедливо. Мы пытались повернуть судьбу матча - не удалось. Хозяева поля забили еще мяч и победили: 2:0.

Сейчас, по прошествии многих лет, думаю: может быть, и следовало все же сменить нас, опытных игроков, на молодых, задорных? Пять игр за одиннадцать дней, если еще учесть, что тогда не разрешались замены, - это очень много.

После поражения нас отправили домой. Воспитательная мера? Наказание? К переживаниям из-за неудачи прибавилось чувство обиды и, я бы сказал, унижения. Уверен, негоже так поступать - проиграли, и нечего вам делать на чемпионате. А тогда тем более, ведь телевидение в те времена еще не достигло таких высот, как сегодня. Мы не увидели ни полуфинальных, ни финальных матчей. Они стали бы огромной школой, и пребывание на чемпионате в качестве наблюдателей окупилось бы с лихвой. Но... Мы быстро собрали вещи и отправились в аэропорт.

Самолет приземлился в Великих Луках. Долго ждали погоды. На душе тяжело. Валентин Бубукин все пытался нас встряхнуть. Самому невесело, а так шутил и балагурил, что и мы не могли не улыбаться.

Учитывая ту ситуацию, в которой оказалась наша сборная перед выездом в Швецию, можно с уверенностью сказать: не потеряй мы трех ведущих игроков, на равных могли бы сразиться со всеми соперниками, кроме бразильской сборной. Она действительно была па несколько голов выше - блистала звездами, современной тактикой, ставшей для всех откровением.

И тем не менее мы попали в восьмерку сильнейших команд мира. Получили высокую оценку специалистов прессы. В газетах писали, что русские могут гордиться своей командой, она достойно представила на мировом параде футбол своей страны. Может, не так уж и плохо для дебюта?

Но наше спортивное начальство не склонно было трезво и спокойно разбираться в случившемся. Всегда легче принимать волевые решения, выносить выговоры, рубить головы. Так уже было после Олимпиады в Хельсинки, когда разжаловали в «рядовые» выдающегося тренера Бориса Андреевича Аркадьева. Короче, на нас рассердились. Хоть времена переменились и страна преодолевала тяжелые последствия культа личности во всех сферах жизни, стиль управления спортом оставался прежним. Дров из-за него ломалось немало, и успехам он явно не способствовал.

А ведь дебют советской сборной на чемпионате мира был очень важен для развития всего нашего футбола. Ни одно состязание - ни Олимпиада, ни чемпионат Европы, ни ответственные клубные встречи - не идет в сравнение с чемпионатом мира. В нем принимают участие действительно лучшие команды планеты. Накопленное за четыре года мастерство, тактический багаж - все выставляется на всемирное обозрение. Но борьба за достойное место на таком вернисаже требует освоения достижений мировой футбольной науки, мастерства, высочайшего напряжения, концентрации сил, всей воли.

Семь чемпионатов отшумело с той поры, и советская сборная еще пять раз участвовала в финалах мировых первенств. Не раз она повторяла результат 1958 года - попадала в восьмерку сильнейших, поднималась и ступенькой выше - в 1966 году, в Англии, оказалась в числе четырех ведущих сборных команд; и если бы не явное невезение... Что ж, на ответственном испытании все может случиться. Иногда не хватало мастерства для достижения желанной цели, иногда уводили от нее досадные оплошности и ошибки. И всегда оставалось одно - работа. Работа и надежда. Футбольные часы быстро отсчитают очередные четыре года - что ждет впереди?

ИЗ «СПАРТАКА» В «СПАРТАК»

Осенью 1959 года, сразу же после возвращения из Колумбии, где я повесил бутсы на гвоздик, Николай Петрович предложил мне: «А что, если ты станешь тренером нашей команды?» Тренерство, конечно, входило в мои жизненные планы, но прийти сразу в такой клуб, как «Спартак», не мечтал.

Стать наставником Нетто, Ильина, Исаева, наставником товарищей, с которыми только что был на равных - возможно ли? «Я тебе помогу, - сказал Старостин, заметив мое смятение. - Да и ребята к тебе хорошо относятся...»

Что там греха таить, игроки зачастую критикуют своих тренеров, и между собой и в открытую. Правда, мы, спартаковцы, та плеяда, в которой играл я, критиканством не отличались. Знали одно: выкладываться на тренировках, выходя на поле, показывать игру. Строго спрашивали друг с друга.

У нас конфликтов с тренерами почти не возникало. Несогласия по тактике игры были, и футболисты тут высказывали свое мнение. Но это не портило наших отношений с Николаем Алексеевичем Гуляевым, которого мне предстояло сменить. Мы уважали его за трудолюбие, преданность делу. А как все сложится у меня?

Случалось, меня спрашивали: легче было бы, если б стал тренером другой команды? Скорее всего нет. А впрочем, не знаю. Я был рад, что, не успев уйти из родной команды, снова в нее возвращаюсь - не мыслил себя без «Спартака», вне «Спартака».

Игроки встретили новость о моем назначении по-доброму. Я сказал им: был вашим товарищем, им остаюсь, но с сегодняшнего дня я еще и тренер, прошу об этом помнить. Признаете вы меня в новой роли или нет - дело времени, а сейчас начнем работать.

И как-то получилось, что я почти сразу стал Никитой Павловичем. Многие, правда, и раньше звали меня «Палыч»: были моложе. Только Игорь Нетто не мог переключиться, я остался для него Никитой, и во время тренировок обращался ко мне только по имени. Ни в чем себе не изменял. Но форма обращения - дело, как говорится, десятое.

Невольно оглядывался на тренеров, с которыми мне довелось работать, видел их уже по-новому, старался разобраться в стиле их отношений с игроками.

Вот близкий мне человек - Горохов. Он не был у нас старшим тренером. Может быть, ему не хватало для этого эрудиции, образования, умения разговаривать с руководством, отстаивать свою точку зрения. Но он - незаменимый второй тренер. А это как бы самостоятельная специальность в тренерском деле. Для игроков Владимир Иванович был и отцом родным, и заботливой нянькой, у которой дитя никогда не останется без призора. Непременно сам накачает мячи, протрет их влажной тряпочкой, потом вазелином, чтоб блестели, сам оттащит связку мячей на поле, хотя это не входило в его обязанности. Не считал черновую работу зорной.

Невысокий, крепкий. В команде его прозвали Карасиком - за сходство с одним из героев фильма «Вратарь». Работать готов был сутками, с утра до темна.

На следующий день после игры мы отправлялись в Сандуновские или Центральные бани. Баня входила в комплекс восстановительных мероприятий, и Владимир Иванович лично парил всю команду, каждого обхлопывал веником. Нужно было помассировать - массажировал.

Абрам Христофорович Дангулов - полная ему противоположность. Человек высокой культуры, педант. Почти со всеми на «вы». По натуре довольно замкнут. С игроками одинаково ровные отношения. Правда, о некоторых ребятах проявлял особую заботу. Иногда самым неожиданным образом. Как-то в Тарасовке долго и задумчиво смотрел на Володю Агапова. Володя пришел к нам пареньком щупленьким, и Дангулов давал ему особые упражнения, чтобы он набирался силы, наращивал мышцы. И тут тренер, наверное, оценивал, пошли ли впрок его заботы. Вдруг решительно направился к яме около стадиона и исчез в ней. Через некоторое время показался с огромным автомобильным колесом; Агапов, разгадав тренерский замысел, тотчас кинулся к краю поля и залег в траву - спрятался. Абрам Христофорович растерянно озирался:

- Володя, Володя! Где Володька?

Пришлось Володе обнаружить себя. Дангулов подошел к нему и сказал со своим характерным южным «г»:

- Агапов, поработайте на силу.

Наши тренеры хорошо дополняли друг друга. Горохов обращался с игроками почти как с равными. Ему было всего тридцать шесть лет, и только нам, двадцати-двадцатипятилетним, он мог казаться уже немолодым. Утром вбегал в комнату: «Вставайте, давно невесты у ворот, на зарядку!» - и сбрасывал со всех одеяла.

Дангулов же соблюдал дистанцию. Был сдержан, никогда не повышал голоса, хотя в футболе предостаточно ситуаций, которые могут вывести из равновесия любого. Только однажды... Мы тогда проиграли несколько матчей подряд - никак не шел мяч в ворота, и все тут! Приехали в Киев и потерпели очередное поражение. Абрам Христофорович ходил, ходил по раздевалке и вдруг как двинет ногой фибровый чемоданчик Олега Тимакова под лавку: «Да вы, в конце концов, будете забивать, негодяи?»

Первым, кто гомерически захохотал от не соответствия столь бурной реакции с привычным образом, привычной галантностью нашего тренера, был хозяин чемоданчика. Вслед за ним - мы все. И начали уговаривать Дангулова: «Не волнуйтесь, Абрам Христофорович, прорвет нас, вот увидите». И действительно, в следующей встрече мы буквально разгромили соперника. Может, в самом деле, именно взрыв тренера возымел действие? Все бывает в футболе.

Николай Алексеевич Гуляев тоже, пожалуй, из педантов. Любил говорить: «Порядок бьет класс». Дисциплинированная команда, в действиях которой нет партизанщины, может обыграть команду более высокого уровня. И тренировка у Гуляева всегда начиналась «от печки» - с пробежки, с общеразвивающих упражнений...

А еще я всегда с интересом наблюдал - издали: не довелось работать вместе - за Виктором Александровичем Масловым.

Его чтили и футболисты и тренеры, особенно молодые. К тому времени, как я произнес первую тренерскую речь, он уже успел сотворить «Торпедо»: ведь именно при нем команда заиграла комбинационно, технично. Потом он перейдет в «Динамо» (Киев), и о команде заговорят не только у нас, но и за рубежом - она одержит ряд громких побед в международных играх.

Маслов знал футбол не по учебникам. Сам когда-то играл за «Торпедо». Не имея специального образования, как большинство тренеров моего поколения, обладал богатейшей тренерской интуицией. Она проявлялась и в построении учебно-тренировочного процесса, и в выборе тактики игры, в выборе игроков - Стрельцова и Иванова он открыл, - во влиянии на них. Не случайно между собой футболисты звали его «дед». А еще - «профессионал». Также точное попадание. Он и сам любил повторять: «Мы же профессионалы!» Открытый, душевный, очень располагал к себе. И сегодня все, кого он учил, воспитывал, говорят о нем с особой теплотой. Немного напоминал Горохова заботой о футболистах - тоже как отец родной.

По природе своей Маслов был старшим тренером. Не отличался большой футбольной эрудицией, не знал научных терминов, но настолько тонко понимал футбол, что все мог объяснить простым разговорным языком. К тому же, будучи волевым, сильным человеком (он и с виду - крепкий дуб), любого мог заставить работать.

Самоучки нередко кичатся, что университетов не кончали, а Виктор Александрович с уважением, я бы даже сказал, с благоговением относился к науке, к знаниям. Учились мы с ним на курсах переподготовки тренеров, сдавали экзамены, и он волновался, как школьница-отличница: покрывался пятнами, все бесконечно у всех переспрашивал. А он же - Маслов!

В Киеве он получил широкие возможности для комплектования команды. Внес много тактических новинок. Ввел роль опорного центрального полузащитника, называемого в то время волнорезом, разрабатывал игру без флангов, игру с двумя нападающими, насытил среднюю линию... Его команды всегда отличала высокая игровая дисциплина.

...Большим авторитетом для меня был Михаил Иосифович Якушин. Как тренера знал его по сборной.

Фигура легендарная в футболе и хоккее. «Хитрый Михай» звали его за умение играть умно, изобретательно. Не всякий тренер сразу утвердится во мнении коллег, а Якушину, мне кажется, это удалось. И вообще ему все удавалось. Как сразу стал одним из самых заметных игроков и в футболе и в хоккее, так сразу же стал и признанным тренером, с которым все считались.

Его команда, московское «Динамо», была командой умной (под стать наставнику) и многие годы, как и ЦДКА, являлась эталоном советского футбола. В сорок пятом году «хитрый Михай» повез известную лишь в нашей стране команду в туманный Альбион, а привез оттуда всемирно знаменитый клуб с засверкавшими на мировом небосводе звездами - Хомич, Бобров, Бесков, Соловьев... Как загремели их имена!

По характеру Михаил Иосифович полная противоположность мягкому, деликатному Качалину. Голоса, правда, тоже не повысит, но если не выполнишь его требований, так ужалит словом, что думаешь: лучше бы уж накричал. Хотя в общем-то всегда бывал справедлив.

О якушинском остроумии и язвительности рассказывалось и рассказывается немало баек.

Будучи игроком, не корил партнера за ошибки в передачах, не кричал обычное: «Кому отдал?!», «Куда бьешь?!» Подходил и спокойно делал внушение.

- Сева, - обращался он, например, к Блинкову, - ты и я в одной команде. Мы с тобой в голубой форме. А вот эти, в белой, - наши соперники. Так ты, Севочка, один пас давай голубому, а один - белому. Договорились?

Лев Яшин рассказывал мне, как однажды в перерыве между таймами в раздевалку вошли большие руководители динамовского ведомства. Михаил Иосифович в это время давал советы футболистам, каждому по очереди, как надо играть во второй половине. Вдруг раздались реплики высоких гостей: «А что с Мудриком? Почему он слабо играет? Может быть, плохо себя чувствует?»

Не оборачиваясь в сторону начальства, Якушин подошел к Эдуарду Мудрику и серьезно спросил, как он себя чувствует. «Нормально», - ответил тот. Повернувшись к руководящим товарищам и приложив ладони рупором к губам - характерная якушинская манера, - доложил, что Мудрик чувствует себя нормально, и спокойно продолжал установку, а посторонние разговоры тотчас прекратились...

Но самой удивительной фигурой в тренерском корпусе был Борис Андреевич Аркадьев. Он совершил настоящий переворот, революцию в футболе.

В сороковые-пятидесятые годы не придавали значения таким понятиям, как четкая расстановка игроков, тактическая схема. Другой был конек - игра, построенная на индивидуальности футболистов, на коллективизме, на постоянном движении, маневренности, взаимозаменяемости, смене мест. И все это пошло от Аркадьева - команда ЦДКА демонстрировала такую игру. Если бы любители футбола наблюдали эту команду сейчас, то, наверное, спросили бы: «А кто такой Гринин? Правый крайний нападающий, правый полузащитник или левый защитник?» Гринина можно было увидеть на разных позициях.

Человек большой эрудиции, интеллигент, прекрасный педагог, Аркадьев внедрил в практику принцип функциональной подготовки футболистов. Делал ставку на способность, готовность игроков поддержать высокую скорость, высокий темп на протяжении всего матча. Даже команда «Динамо», где собрались высококлассные игроки, команда академичная, элегантная, во многом уступала ЦДКА: армейцы были лучше подготовлены физически, отличались более высокими бойцовскими свойствами. Если положить достоинства двух лучших команд той поры на чаши весов, то возникло бы равновесие.

Можно сказать, что Борис Андреевич определил интеллектуальный подход к футболу: футбол сложен, как математика, его возможности далеко не исчерпаны, здесь нужны постоянный поиск, открытия.

Тренер-мыслитель, тренер-стратег стал во многом примером, эталоном для тренеров последующих поколений. Даже в отношении к неудаче. Скажем, после поражения иные не спят ночами, Аркадьев же обычно говорил: «Прежде всего берегите центральную нервную систему. Она вам крайне необходима. Я после проигрыша прихожу домой, отключаю телефон, наполняю ванну теплой водой, беру книгу и полностью забываю о том, что произошло». Каждый ли так сумеет?

Подражать Аркадьеву, копировать его бесполезно. Это высота, до которой можно было лишь тянуться...

Самые разные тренеры делятся все-таки на две категории: демократы и автократы, именуемые в просторечии «диктаторами».

Горохов, Дангулов, к примеру, - демократы. Гавриил Дмитриевич Качалин - тоже. А вот у Константина Ивановича Бескова явно выраженный авторитарный стиль, стремление воплотить во всем свою волю. У него на тренировках не поспоришь.

Став тренером, я тоже невольно должен был делать выбор. В силу моего характера, да и спартаковских традиций, мне больше импонировали демократичные отношения с игроками. Много взял и у Качалина, и у Дангулова, и у Горохова. Но, пожалуй, большему - педагогике, отношениям с людьми, стремлению анализировать любую ситуацию, взвешивать любое свое решение учился у Николая Петровича Старостина, очень мудрого человека.

Не руби сплеча, сначала остынь, сто раз отмерь - его правила. Могу сказать: педагогику учил по Старостину. Он, кстати, тоже от меня не отрешивается, считает своим воспитанником. Все годы, что работал с ним рядом, были для меня временем постоянной учебы. Николай Петрович способен найти хорошее, ценное в любом человеке, и я понимал, глядя на него: без этого нельзя руководить, воспитывать.

Почти пятнадцать лет был я игроком команды мастеров. Вроде бы не новичок в футболе. Но какой же трудной оказалась новая роль!

От многого, к чему привыкли, приходилось отказываться: футбол шел вперед. И надо было поспевать за ним, заниматься самообразованием.

Как волновался перед матчами! Выйти на поле, оказывается, куда легче, чем остаться на тренерской скамье. Все проигрываешь вместе с командой - удары по воротам, пасы, передачи, все комбинации. И неизвестно еще, где трратишь больше сил - на поле или у его кромки.

Первые тренерские шаги - постоянные сомнения, раздумья. Закончится тренировка или игра - все садятся в автобус, уезжают. Когда-то и я покидал стадион вместе с ними, после напряжения наступал отдых. Теперь после работы начиналась работа. Один или со Старостиным и своим помощником до бесконечности анализировал только что прошедшую, пережитую игру.

Но это, как говорится, цветочки, они еще не дают представления о всей тяжести тренерской ноши. Шел 1960 год, первый год моей работы тренером. А первый блин, как известно...

Был двухэтапный розыгрыш чемпионата - по одиннадцать команд в каждой группе, по три команды из обеих групп должны были составить шестерку лучших, а мы в нее не вошли. И вот тут-то я попал под обстрел болельщиков: «Не знаешь дела - не берись!» «Не лезь тренировать «Спартак»!..» «До чего довел нашу команду!..» Останавливали на выходе у стадиона, на улице. Высказывались беспардонно и оскорбительно. А ты зачастую не мог осадить хама - в этом беззащитность людей, которые на виду, ты должен хранить достойное молчание, ибо зайдешься в бесполезной полемике. Выступающий - аноним, хоть и без маски, а ты известен, за тобой команда, тебе нельзя взорваться, сорваться.

К подобным наскокам невозможно привыкнуть. Сколько же появляется критиков вслед за проигрышем! Обычно, когда человек терзается сам, окружающие его оставляют в покое: он и без того тяжело переживает неудачу, старается разобраться в ее причинах. Но разве оставят тебя в покое болельщики из породы неистовых? Что им до твоих терзаний, если их команда проиграла! Если же она одерживает победы, считается, что побеждают только игроки. При чем тут тренер? А при поражении виноват лишь он один: развалил команду! Бытует такая философия. И, к сожалению, не только среди болельщиков.

Читаю в газете выступление игрока сборной СССР по баскетболу. Команда проиграла на чемпионате мира, и игрок во всем винит наставника, разбирает его ошибки, говорит, что тактика была не та... Тон статьи неприятно резанул. Тренер тренером, а куда же смотрели опытейшие баскетболисты, где их личное творчество, инициатива? Почему они оказались неспособными переломить ход игры? Они могли бы в перерыве высказать свое мнение о тактике, настоять на нем, сыграть по-своему, наконец. И при победе тренер, естественно, не имел бы к ним никаких претензий.

...После неудачного 1960 года наша команда поднялась. В следующем сезоне «Спартак» занял третье место в чемпионате страны, а в 1962-м стал чемпионом.

Год этот складывался для нас крайне драматично. Сразу же в начале сезона пошла серия неудач. Проиграли одну игру, вторую... За этим обычно следуют оргвыводы, серьезный разговор на начальственном ковре, оргвыводы.

Нас с Николаем Петровичем пригласили в Московский городской совет профсоюзов, председателем которого в ту пору был Василий Иванович Крестьянинов, милейший, справедливый человек, пользующийся большим авторитетом. Состоялось расширенное заседание - присутствовали председатели Центрального, Российского, Московского городского советов «Спартака». Обсуждалось неудачное выступление нашей команды.

Разговор шел в резких неуважительных тонах. Мы пытались объяснить причины поражений - бывает психологический надлом, когда после нескольких проигрышей команда теряет уверенность, - но нас не слушали. Потом узнали: уже до совещания высказывалась точка зрения, что и Старостина и меня необходимо немедленно освободить от должности. Но всегда находится разумный, рассудительный человек - им оказался Алексей Хуршудович Абуков, председатель Российского совета «Спартака». Он так поставил вопрос: «Мы можем их снять, но есть ли замена?» Крестьянинов во время совещания молчал, всех внимательно выслушивал, взял слово последним: «Острой критике мы вас подвергли, а чем вам помочь?»

Я потом нередко, сталкиваясь с руководителями ведомств, которым не хватает терпения дождаться побед своей команды, которые, не пытаясь даже разобраться в сути ситуации, не будучи спортивными специалистами, снимают одних тренеров, назначают других, вспоминал Николая Петровича Старостина, его поведение на этом совещании. Он с достоинством ответил Крестьянину: «Дайте нам возможность спокойно работать, и мы выправим положение».

Нам дали время до конца первого круга.

Сразу же после этого мы полетели в Ташкент, на игру с «Пахтакором». Встречу назначили на три часа - это был субботний или воскресный день. Не оставалось сомнений, такое время хозяева выбрали специально, в расчете, что северная команда расплавится на среднеазиатском солнце.

Стояла сорокаградусная жара. Пекло нестерпимое! И первую половину мы начисто проиграли «Пахтакору» - 0:2. Я видел, что футболисты едва передвигаются, жара изнуряет их до предела.

Шел в раздевалку, старался быть спокойным. Но что можно сказать в такой ситуации ребятам? Взбадривать, хорохориться: давайте поднажмем? Сказал, что было на душе: «Понимаю, в такую жару, да еще в три часа дня играть чрезвычайно тяжело. Сможете собраться, переломить ход матча - буду вам очень благодарен. Ни в каких тактических установках вы сейчас не нуждаетесь. Задача в том, чтобы себя пересилить».

Понурился, выходил «Спартак» после перерыва. И слышался бодрый голос капитана «Пахтакора»: «Давайте, ребята, осталось всего сорок пять минут!»

Началась вторая половина. Откуда у наших игроков взялись силы, что с ними произошло, что заставило их вдруг собраться и повести игру в ураганном темпе, я по сей день ни объяснить, ни понять не могу. Один за другим в ворота хозяев поля влетели три мяча. Возникло еще несколько голевых моментов. «Пахтакор» был растерян, смят, и мы победили со счетом 3:2. Но главное - сломали внутренний психологический барьер, мешавший нам выигрывать.

После этой победы началась беспроигрышная серия матчей «Спартака», почти двадцать игр без поражений. Так мы стали чемпионами страны.

Судьба золотых медалей решилась в поединке в Киеве с местными динамовцами. Мы победили 2:0, голы забили Галимзян Хусаинов и Юрий Севидов - с одиннадцатиметрового удара.

Это была моя первая победа на тренерском поприще. Не забуду, как в раздевалку вошел Вячеслав Соловьев, тренер киевского «Динамо», который годом раньше впервые привел эту команду к чемпионскому титулу. Он обнял меня, расцеловал: «Поздравляю! Молодец!»

Это был поступок. В столь тяжелую минуту, когда твоя команда потерпела неудачу, лишилась чемпионского звания, оценить успех коллеги, соперника - для этого надо немало мужества, достоинства и благородства.

После окончания сезона нас чествовали во Дворце спорта в присутствии 15 тысяч зрителей. Николай Петрович, вспомнив то совещание, сказал председателю городского совета «Спартака» Кузину: «Не забыли, Василий Анисимович, как вы унижали нас? А мы, оказывается, кое-что умеем».

Наш руководитель не сдался: «Если бы мы вас своевременно не прочесали, вы бы первенства не выиграли». Что ж, руководитель всегда прав. Может, и нужна иногда такая воспитательная мера - разозлить человека, чтоб он мобилизовался. Только мы как работали до того «разбора», так и продолжали работать.

Старались жить не одним днем, думать не только о ближайшем матче. Вели тактические поиски. В них участвовала вся команда. Решили испытать бразильские варианты - 1 - 4 - 2 - 4, а затем 1 - 4 - 3 - 3. Пришли к ним после сомнений, раздумий. Все ли смогут играть по-новому, есть у нас свои гарринчи, диди, вава, то есть игроки, способные взять на себя те же функции, что выполняют в бразильской сборной эти звезды? И главное - что принесет новая тактическая схема команде? Обеспечит ли преимущество перед соперниками?

Взвешивали силы. Вратарь надежен - в «Спартак» как раз пришел Володя Маслаченко. А справится ли с новыми задачами защита? Анатолий Масленкин в роли центрального защитника сомнений не вызывал. Но появилась еще одна кандидатура на эту роль - Валерий Дикарев. Я ценил его быстроту, способность вовремя подстраховать товарища, сразу уловить перемены в обстановке.

Второй центр защиты - Алексей Корнеев. Игрок молодой, но успешно срывает атаки соперников, выключая, из игры то одного, то другого нападающего.

На правом фланге мы видели Геннадия Логофета. В основной состав его только что включили, в дубле же он проявил себя игроком умным, техничным. Левый фланг обороны - Анатолий Крутиков, работоспособный, разносторонний футболист.

Полузащита - Игорь Нетто и Юрий Фалин. О лучшем и мечтать нельзя.

Тщательно взвешивали возможности линии нападения. Здесь разного класса игроки. Галимзяна Хусаинова (левого крайнего), Анатолия Коршунова (правого крайнего) нельзя было сравнить по опыту с двадцатилетними центральными нападающими Юрием Севидовым и Валерием Рейнгольдом или, скажем, с Борисом Петровым,

игравшим, как и Коршунов, на правом краю. Но наша молодежь была перспективной и проявила потом себя великолепно.

Общая творческая работа как-то по-особенному сплотила команду. Единство коллектива и новая тактика в равной степени, наверное, помогли нам выиграть матч с московским «Динамо», победить «Торпедо»...

Итак, «Спартак» стал чемпионом. Я как тренер принимал поздравления, а до вершин мастерства мне было еще очень далеко. Можно сказать, я находился лишь на подступах к тренерской науке, тренерскому искусству. В этой профессии нет потолка. Идет бесконечный процесс самообразования, иначе невозможно совершенствовать учебно-тренировочную работу, воспитательную.

К тому же меняются взгляды на игровые концепции, из каждого чемпионата ты должен извлекать свои уроки. Только сочетая футбольную науку с требовательностью и умением подобрать игроков, можно добиться, чтобы твоя команда играла так, как ты хочешь.

Мне повезло, что в первый же год работы меня командировали на чемпионат Европы в числе тренеров-наблюдателей. В 1959-м я еще участвовал как футболист сборной в отборочных играх. И вот финальная часть. Сборная СССР стала чемпионом Европы. Я присутствовал на множестве матчей, и это многое мне дало.

Чемпионат мира в Чили - новый шаг в футболе, новое слово бразильцев. Следующий чемпионат опять продемонстрировал перемены в тактике. Этапы сменяются этапами, и тренер не может топтаться на месте.

Тяжесть тренерской профессии и в той ответственности, которая лежит на тебе. Ты знаешь, что за «Спартак» болеют во всех городах Советского Союза, настолько популярна эта команда, и страшно не оправдать надежд, ожиданий миллионов людей.

Если ты старший тренер сборной команды, то на тебе ответственность еще большая - за спортивную честь страны.

Тренеру, мне кажется, невозможно привыкнуть к неудачам. Нельзя быть равнодушным к результатам своего дела. Меня, случалось, друзья уговаривали: «Ну что ты так переживаешь? Без поражений в спорте не обойтись, и к ним ты должен быть готов». Я считал, как только мне станет безразличен результат игры - тотчас надо уйти с тренерского поста.

После игры - бессонная ночь. До утра прокручиваешь в памяти весь матч, все моменты от первой до последней минуты. И думаешь, думаешь о том, где была допущена ошибка. В составе игроков, в выбранной тактике?..

Тебе трудно, и близким рядом с тобой нелегко. На них волей-неволей ложится часть тяжести. Моя жена, логопед, психолог, человек, совершенно далекий от футбола (году на шестом совместной жизни спросила меня: «В команде двенадцать игроков?»), вошла в круг моих забот. И хотя по-прежнему не разбирается ни в дриблинге, ни в финтах, знает, что меня может огорчить, что обрадовать. Иногда, правда, выскажется: «Ох и ненавижу твой футбол!» - но тут же отложит свои дела, чтобы внимательно меня выслушать. Благодарен ей за это: выговариваясь, уже по-иному смотришь на какую-нибудь ситуацию, казавшуюся безвыходной. Не знаю ни одного известного тренера, который бы не сжигал своих нервных клеток. Думаю, и Борис Андреевич Аркадьев, уверявший, что не заклинивается на неудачах, тут не исключение.

И тем не менее добровольно отказаться от «самоожжения» невозможно. Знаю тренеров, которые кляли свою работу, уходили с нее, но отлучения от футбола не выдерживали. Герман Зонин, оставив тренерское поприще, преподавал в Ленинградском институте физкультуры имени Лесгафта. Вроде бы доволен был своей спокойной жизнью и меня уговаривал опомниться, побережь здоровье. И вдруг узнаю: он в Ростове - тренирует СКА. Когда я стал над ним подшучивать, что же ты, мол, покинул замечательное тихое место, которое так хвалил, Герман смутился: «Да, понимаешь, уговорили. Но я тут так... консультантом...» Хотя всем было известно, что он старший тренер. Потом снова вернулся на свою кафедру и снова устал от покоя - решил возглавить тбилисское «Динамо».

Однажды Стефан Ковач, румынский тренер (работал долгое время с голландской командой «Аякс», выигравшей Кубок европейских чемпионов), приехав в Москву, заявил, что закончил с тренерской деятельностью, что теперь он на службе в Федерации футбола Румынии. Я был очень удивлен, не мог даже представить себе этого: «Почему же, Стефан?» А Стефан ответил, что предпочитает смерть в собственной постели или в крайнем случае в ложе театра, но никак не на тренерской скамье. Через некоторое время мы приехали в Бухарест, и нам тотчас сообщили, что тренером национальной сборной Румынии стал... Ковач. Я напомнил ему при встрече о собственной кровати и скамье. Он улыбнулся:

- Ну, ты же знаешь, что такое футбол?

Конечно, знаю. Но как, скажем, привыкнуть к непредвиденным поражениям?

Будучи игроком, понимал: бывает просто невезение, досадные промахи, которых никак нельзя было предугадать. Не забыть мне давнего матча «Спартак» с «Зенитом» - было это в Москве, в 1957 году. Можно сказать, я сыграл тогда одну из лучших своих игр: удалось забить три мяча. Все три - красавцы. Бил в верхний угол. Зенитовский вратарь даже сказал мне: «Что же ты, Никита, паутину снимаешь?»

Но соперники на голы тотчас отвечали. Я забью - и тотчас мяч оказывается в наших воротах. Счет был 3:3, и вот за две минуты до конца из-за грубейшей ошибки Масленкина зенитовцы забивают четвертый мяч.

Досадно было проиграть после «хет-трика»! Не так часто удается забить три гола. Это считается событием. Историки футбола «коллекционируют» «хет-трики», выявляют рекорсменов. Впрочем, в тот миг, когда прозвучал финальный свисток, естественно, не думал об этом. Голы красавцы, все время вели в счете, и так проиграть - обидно! Дал волю чувствам. Запустив мяч высоко в сторону, подлетел к Масленкину с кулаками: «Ты понимаешь, что ты сделал? Ты, именно ты проиграл игру!» В таких случаях всегда следует ответная, не менее бурная реакция, а он лишь растерянно развел руками: «Что делать, Палыч? Ошибся...» - и обезоружил меня тут же.

Иногда, подготовив команду к игре, ты уверен, что она будет на высоте. Всю предыгровую работу провел нормально. На тренировке игроки делали все, что от них требовалось. Они в хорошей форме и в хорошем настроении. Словом, все ладится. Команда бодро выбегает на поле и... не играет. В чем дело? Что случилось? Иной раз, сколько ни ломаешь голову, не находишь ответа. Начинаешь допытываться у игроков: почему, почему не шла игра? Отчего все разладилось? Куда делся настрой? Часто и они ничего не могут объяснить.

Как-то «Арарат», который я тренировал, вопреки всем ожиданиям проиграл ростовскому СКА. Только недели через две ребята начали признаваться: мы думали, что легко их обыграем. Самоуверенность обернулась поражением.

Психологический настрой команды - материя тонкая. За одной неудачей может последовать вторая и третья. Потерять игру, как мы говорим, легко, найти ее чрезвычайно сложно. Утрачивается уверенность, и игрок перестает делать то, что великолепно умеет.

Настраивая команду, приходится анализировать и свои собственные ошибки, выверять каждый свой шаг, каждое слово. Труднее всего тренеру, когда потерян контакт. Почему он потерян? - в этом тоже надо разбираться и разбираться. То ли игрокам надоели диктаторские методы, то ли, наоборот, не идет на пользу чрезмерная демократичность, переросшая просто-напросто в привычку не подчиняться многим требованиям.

Одно время в «Спартаке» был тренером Василий Николаевич Соколов, уважаемый футболист, бывший капитан команды. И вот когда мы проигрывали, он с нами не разговаривал. Обижался. Ну, спрашивается, на что, за что? Разве мы стремились проиграть, разве мы не хотели выиграть? Конечно, такое поведение тренера корбило игроков, не прибавляло достоинства и самому Соколову.

Когда армия наступает, и у солдат и у командования великолепное настроение, полное единение. Но ведь насколько армия крепка, проверяется и поражением. Способны ли командиры выработать верную тактику в трудных условиях, поднять дух бойцов, настроить их на новое наступление? И венец тренерского искусства - умение себя вести в экстремальных ситуациях.

Приходилось слышать от режиссеров: «Не идет спектакль...» Спектакль никнет на корню, дух исчезает. Почему? Кажется, все было учтено, выверено на репетициях, удачно прошла премьера. За ней еще множество спектаклей... Даже режиссеру не дано предугадать, как сложится сегодняшний спектакль. Я говорю «даже», потому что у режиссера и актеров нет соперника, а у тренера он есть, и от него можно ждать сюрпризов. Он ведь тоже хочет выиграть и, вполне возможно, именно в этот день настроен на победу больше, чем всегда, более организован, более агрессивен, больше может.

И уж никак не представишь, что режиссер входит в гримерную к актеру перед третьим звонком со словами: «Трактовку образа меняем...» А мы нередко делаем предыгровую установку уже в раздевалке.

В день игры особенно внимательно вглядываешься в команду. Как она утром встала, как делает зарядку... Когда игроки едут на матч, видно, в каком они состоянии. Не знаю, кто как, а я, будучи тренером, придавал этим минутам большое значение. Терпеть не мог разговоров в автобусе, музыки. Если игрок сосредоточен, он продумывает все и вся, нервная система у него уже напряжена, уже подключена к предстоящей игре. И в раздевалке должна быть такая же собранность, сосредоточенность. Есть она или нет - это улавливаешь по многим деталям: как футболист снял свою «цивильную» одежду, как надевает майку, зашнуровывает ботинки... Вроде бы все идет нормально, ты все учел, но это еще не значит, что обеспечена победа.

Бывали, конечно, приятные неожиданности: соперник сильнее, кажется, рассчитывать не на что, но твоя команда на подъеме, и ты сам чувствуешь в себе необычайный заряд, передаешь его ребятам. А ведь иногда к ним не пробиться.

Умение настроить команду - дар. Ему нельзя обучить. Каждому тренеру, опираясь на основы психологии, законы общения, приходится изобретать свой велосипед - на чужом далеко не уедешь. Потому что не найти двух одинаковых игроков, не то что двух одинаковых команд.

Очень верную мысль высказал как-то Сергей Вайцеховский, бывший тренер сборной страны по плаванию: мы знаем, как подготовить спортсмена физически, технически, но не всегда знаем, как подготовить его бойцовские качества.

Некоторые тренеры стараются помочь игроку во время матча. Но мне кажется, когда футболист выходит на поле, он должен быть свободен от тренерской опеки, одергиваний, иметь возможность раскрыть свои лучшие свойства. Разумеется, иногда что-то подсказываешь - как поменять тактику, как целесообразней действовать. Но давать непрерывные указания, наверное, нельзя. Это нервирует, а порой и подавляет игрока.

У каждого тренера обычно есть своя излюбленная позиция для наблюдения за матчем. Валерий Лобановский сидит всегда на тренерской скамье у кромки поля вместе с запасными игроками. Иной раз вносит коррективы в действия команды.

А Константин Иванович Бесков садится на трибуне, где-нибудь в верхних рядах. И уже оттуда дает указания помощникам - благо налажена своя связь - по части замены или коррекций. Когда спрашиваешь, почему вы смотрите с такой верхотуры, ведь оттуда сложно управлять игрой, он отвечает, что, во-первых, перед выходом на поле все объяснил игрокам и нечего мешать им выполнять заданное, а во-вторых, сверху все видишь. Действительно, оттуда четко просматриваются все позиции, комбинации, их развитие.

Есть тренеры - не хочу их называть, - которые на каждую ошибку реагируют криком, указанием. Не обходится без оскорблений. Ссылка на то, что таким образом они разряжают свою нервную систему, не может служить оправданием. Крик всегда вызывает неприятную реакцию у игроков, у зрителей.

У всех наших лучших тренеров - Бескова, Лобановского, Ахалкаци и, разумеется, у наставников моего поколения - Якушина, Качалина, Аркадьева, Маслова, - несмотря на разные школы, разные направления, разные стили работы с командой, прежде всего обнаруживаешь стремление дать игроку возможность по-своему проявиться на поле, раскрепостить его.

Ты имеешь дело с людьми взрослыми, давно сложившимися, кажется, воспитывать их поздно. Но если хочешь вместе с ними добиться успеха, нельзя забывать о вечной истине педагогики - понять каждого. Одного может привести в себя резкое слово. Накричи на него, разозли, тогда только он по-настоящему соберется, выложится, покажет класс. У других от резкого слова опускаются руки.

В этой связи вспоминается мне Николай Осянин, который пришел в «Спартак» из команды «Крылья Советов» (Куйбышев). Прекрасный игрок - хорошо поставленный удар, хорошее чувство позиции. Играл и центральным нападающим, и в линии полузащиты, и центральным защитником. Скромный, застенчивый, тихий. Повысить на него голос значит подавить.

Однажды во встрече с киевским «Динамо» Осянину выпало пробить пенальти. Еще раз скажу, что он владел ударом редкой чистоты. А тут вдруг изменил себе. Пробил «щечкой», пытаюсь обмануть вратаря. Вратарь разгадал маневр и мяч парировал. Это произошло в самом конце первой половины матча, когда мы проигрывали 0:1.

Прихожу в раздевалку - Осянин сидит, не поднимая головы. Иногда только глянет исподлобья: не обратили ли на него внимание тренеры и не последует ли сейчас разнос? Мы ни слова ему не сказали. Оценили первую половину игры, сделали общую установку. А когда команда выходила, я придержал его за плечо: «Ничего страшного, ты просто бил не по-своему. Забьешь с игры - это будет ценнее». И буквально в начале второго тайма он забил неотразимый гол в верхний угол и все оставшееся время играл блестяще. Мы победили в том матче.

Педагогические задачи возникают постоянно. Команда - сложнейший организм. Даже если ее с полным правом называют коллективом единомышленников, это отнюдь не исключает внутреннего соперничества. Больше того, оно необходимо. Есть один выдающийся игрок - важно, чтоб появился другой и третий столь же высокого класса. Они ревностно смотрят друг на друга: «Ты это делаешь хорошо, но я постараюсь сделать лучше». И все остальные невольно тянутся за ними, за уровнем, который поднимается.

Но если в коллективе недоброжелательная обстановка, не осуждается зависть, то соперничество звезд может вылиться в борьбу, вернее возню неудовлетворенного честолюбия, самолюбия. Один игрок признан,

другой не признан, один - кумир публики, а кто-то считает, что заслужил аплодисментов отнюдь не меньше, чем всеобщий любимец. И пошло, пошло... Игроки ранимы, как актеры.

Да, жизнь в футболе похожа на жизнь в театре. Например, обиды, что режиссер не понимает, затирает. Хотя хорошего игрока затереть труднее, чем хорошего актера. То, как проявишь себя на поле, зависит не столько от заданной роли, сколько от твоей инициативы, личных свойств. Талантливого игрока не заметить трудно. Он еще играет в дубле, а болельщик уже знает его, ищет его фамилию в программке. Лишь в исключительных случаях хороший игрок не попадет в основной состав: тренер сам себе не враг - ему важна хорошая игра, результат.

Когда появляются новые игроки, важнее всего, чтобы они приняли дух команды, ее законы.

В начале шестидесятых годов в «Спартак» пришла целая группа молодых футболистов - Геннадий Логофет, Вячеслав Амбарцумян, Валерий Рейнгольд, Юрий Севидов, Галимзян Хусаинов.

О Галимзяне можно было сказать лишь одно: побольше бы таких ребят в команде. Всегда доброжелательный, ровный и одаренный, самоотверженный игрок. В те годы, когда был в хорошей форме, не останавливался на поле ни на мгновение. (Потом, правда, стали вырисовываться его недостатки. Не отличался особой точностью передач, хотя, ошибаясь, тут же отнимал мяч, рвался вперед...) Его безотказность, готовность постоять за команду на всех хорошо влияла. Золотой человек. Ему только скажешь: «Гиля, сегодня ситуация такая, что тебе придется играть в другой позиции». - «Палыч, о чем разговор? Надо так надо. Если надо - русские танки летают», - любил повторять слова героя фильма «Парень из нашего города». Немало побед принес и «Спартаку», и сборной страны.

В 1963 году Галимзян играл за нашу сборную в Италии. Вернувшись домой, не отдохнув, сразу отправился на тренировку в Тарасовку. Я встретил его в электричке. Помню, сказал, что он мог бы остаться на денек дома с женой и маленькой дочкой, которых в последнее время почти не видел. Он ответил: потерплю, надо готовиться. Никогда не просил ни о каком снисхождении, ни о каких побрякках - как все, так и он.

Ехали, разговаривали, он интересно рассказывал о матче, который наши сыграли с итальянцами. А в Тарасовке ребята тотчас отвели меня в сторону и сообщили, что у Галимзяна случилось страшное - погибла дочка, выпала из окна пятого этажа...

Вся команда переживала вместе с ним горе. Нам предстояла поездка на игру в Баку. Взяли с собой и Галимзяна с женой, надеялись, что все-таки полегче им будет с нами. О том, чтобы Галимзян участвовал в матче, даже и подумать не могли. И вдруг в день игры он сказал: «Я выйду на поле». Я ответил: «Хорошо, Гиля, делай, как тебе лучше...»

Хусаинова я иногда сравнивал с Володей Бессоновым из киевского «Динамо». Он тоже всегда готов встать на любую позицию. С такими людьми работать легко и приятно. Хотя покладистость характера сама по себе - не главное свойство.

Например, Юрий Севидов человек не очень легкий. Нередко возражал, всегда высказывал свое мнение. И Слава Амбарцумян - не из покорных, не из безропотных. Сергей Рожков - тоже непросто, про таких в народе говорят: «На козе не объедешь». Душа добрая, но противоречив от природы, вспыльчив, беспощаден к партнерам во время игры. Если кто-то ошибался на поле, Сергей так сверлил его взглядом, что словами не передать. Бывало, уходит вперед, а все еще сверлит глазами провинившегося. Николай Петрович хохотал: «Смотри, смотри, он уже ушел на двадцать метров, а все оглядывается. Доедает! Нечистая сила!..»

...Отношения с командой у меня как у тренера с самого начала складывались нормально. Иногда, правда, замечал скептическое выражение на лице кого-то из ребят, не без этого. Старался не реагировать - работал. Уверен, работая, легче преодолевать непонимание. Осталось чувство благодарности к игрокам, которые и прислушивались к замечаниям, и готовы были высказать свое несогласие с каким-то тактическим вариантом. Ценные предложения принимал, от этого, по-моему, тренерский авторитет не страдает.

Только однажды, когда мы крупно проиграли московскому «Торпедо», у меня произошел конфликт с Игорем Нетто. Он явно не справлялся в этом матче с Ивановым, но слышать об этом не желал. Я уже говорил о занозистом характере человека, которого чту и люблю. Умный, справедливый, а вот замечаний в свой адрес не терпит. Может взорваться. Так случилось и в тот раз. Во время установки на второй тайм оскорбил меня. Все возмутились. Я поставил вопрос об отчислении Нетто, хотя пойти на такое было нелегко: он мой товарищ, мой друг, и, честно сказать, не представлял без него «Спартак». Меня все поддержали, поняли, дело тут не в личном «не стерплю!», а в главных принципах отношений команды и тренера. Игорь нашел силы переломить себя, мы объяснились и инцидент решили забыть.

Великое благо - открытое объяснение. Всякое может быть: кто-то погорячился, сорвется - важно не держать камня за пазухой. Поэтому я не мог и сейчас не могу понять заявления: «Я вошел в конфликт с тренером». Случается, что совсем юный, только что пришедший в команду футболист уже рассказывает на всех перекрестках, что не сработался с наставником.

Многие любители футбола, наверное, помнят затяжной конфликт Ловчева с Константином Ивановичем Бесковым. Во всяком случае, их отношения активно обсуждались на трибунах. Это я когда-то пригласил Евгения в «Спартак» из экспериментальной спортивной школы при стадионе имени Ленина, и он обращался ко мне как к бывшему тренеру, призывая в третейские судьи, жалуясь на то, как сложно с Бесковым. Я неизменно отвечал: «Ты - футболист, а он - тренер, тренер! Он вправе требовать от тебя прилежной работы, выполнения своих указаний, а свое творчество, пожалуйста, добавляй». И когда однажды самого Бескова в Управлении футбола спросили о конфликте с Ловчевым, он сказал: «Начнем с того, кто в команде тренер...»

Бывают игроки, которые пытаются подменить тренера. Чуть ли не руководить им. Ну, Бесковым, скажем, никак не поруководишь. И Ловчев, в конце концов, вынужден был покинуть «Спартак».

Чаще всего подобное случается, когда игроки не выдерживают бремени славы. На трибунах скандировали: «Же-ня, Лов-чев!» - и Женя Ловчев решил, что он самый главный и выше в футболе никого нет. Но футбольная жизнь такова: пока ты выходишь на поле в хорошей форме, болельщики тебя знают и приветствуют, а не появившись года два - забудут.

Уйдя из «Спартака», Евгений Ловчев закончился как игрок. Некоторое время выступал за московское «Динамо», но это уже было далеко не тот Ловчев, которого славили трибуны.

Надо сказать, что Ловчев не ладил тогда и с Бесковым, и с вратарем Прохоровым. Сложились две противостоящие группировки. Это отражалось на выступлениях команды. Оздоровляя коллектив, руководство отчислило обоих футболистов, и сразу состояние команды стабилизировалось, она стала в следующем году чемпионом страны. Да, иногда необходимо такое хирургическое вмешательство.

Аналогичный случай в «Спартаке», кстати, был и в 1958 году. Коллектив раздирали противоречия. Некоторые начали ставить личные дела превыше всего. Мы с Николаем Петровичем долго думали над создавшейся ситуацией. Одни недовольные желали играть за основной состав, хотя не имели для этого достаточных данных, другим наскучил футбол, и они были в основном поглощены меркантильными интересами. Мы решили удалить заскучавших из команды, хотя и Старостин, и я в общем-то не сторонники крутых мер. К тому же «Спартак» сразу лишился двух центральных защитников. Вставал вопрос: с кем остаемся? Один из освобожденных футболистов спросил: «Почему такая спешка?» Я ответил: «Никакой спешки нет. Ты не скрываешь, что футбол давно надоел, и мы помогаем тебе уйти из него. Футбол, - дело добровольное. Принуждая к нему, толку не добьешься».

Честно скажу, нам пришлось трудно: кем заменить ушедших? Футболисты, поддержавшие руководство команды, тоже были озабочены - что будет с центром обороны, кто встанет на освободившееся место? Поставили Сергея Рожкова и Александра Гребнева. Все поняли, надо мобилизоваться, собраться. Игроки средней и передней линии, то есть линий атаки, буквально выкладывались на матчах. Хотя мы пропустили много мячей, но забили гораздо больше. И в результате вышли на второе место. Ребята потом признавались: «Думали, наступит крах». Не наступил. А оставь, мы все по-прежнему, неизвестно, к чему бы пришла команда.

В жизни команды бывают такие моменты, когда от тренера, начальника требуется решительность, чтобы избавить коллектив от разъедающей червоточины.

Подобное произошло у меня позже, в «Черноморце», с Головиным. Лучший игрок команды, но чрезвычайно капризный, заносчивый, ненадежный. К товарищам относился свысока. Часто нарушал режим. Был отчислен из команды. Через месяц коллектив взял его на поруки. Он сорвался снова. И уже безо всякого собрания его попросили покинуть команду и базу. «Черноморец» тогда не погиб - успешно провел оставшиеся игры. Так что самонадеянность «я - спаситель отечества, и без меня все рухнет» - ошибочно.

Можно иногда снисходить к слабостям звезд, но если ты убедился, что футболист, имея он самые великолепные данные, наносит моральный вред коллективу, с ним надо прощаться. Любой тренер встает перед выбором: оставить хорошего игрока и дрянного человека или отчислить. Не раз убеждался в том, что прежде всего надо принимать во внимание человеческие свойства.

«Звездная» болезнь поражает не только футболистов, но и некоторых тренеров. Добившись успеха, иные не чувствуют ног под собой, игнорируют и окружающих, и руководство, и прессу, и телевидение. Проводят тренировки, сидя на стуле у кромки поля, вместо того чтобы быть рядом с игроками, все замечать, вовремя подсказывать.

Прославленные тренеры старшего поколения - Аркадьев, Якушин, Качалин, на которых я всегда оглядывался, не снижали требовательности к себе.

Бывает, что игрок сознательно выбирает себе нового наставника. Тут опять же напрашивается сравнение с театром. Выдающийся режиссер будет работать не со всяким выдающимся актером и наоборот: они могут стоять на разных эстетических, художественных позициях, расходиться во взглядах на место режиссера и актера в театре. Как бы ни был блистателен актер, спектакль создает режиссер, лицо театра определяет художественный руководитель.

Запомнилось, как Георгий Александрович Товстоногов рассказывал, выступая по телевидению, об Иннокентии Смоктуновском. Гениально сыграв князя Мышкина, актер заявил: «Ну, теперь я могу выбирать роли, какие хочу». - «Может быть, - ответил Товстоногов, - но только в другом театре. Здесь пока руковожу я...»

Футболиста иногда не устраивают требования тренера, не может он к ним приспособиться и, уйдя, обретает себя в другом коллективе.

В начале шестидесятых годов целая группа покинула «Спартак» - Малофеев, Адамов, Погальников, Ремин.

Кто-то из них обиделся, что ему не вручили золотую медаль («Спартак» как раз в тот год вышел в чемпионы страны) из-за малого числа проведенных игр. Однако матчи все время шли напряженнейшие, и мы выбирали игроков наверняка, не имея права рисковать успехом всего коллектива.

Надо сказать, что только Эдуарда Малофеева мы с Николаем Петровичем уговаривали остаться. Он был новичком, пришел к нам из Коломны, и года еще не провел в команде. Не каждый ведь сразу проявит себя. А Малофеев как раз из застенчивых, скованных и долго не мог раскрыться, несмотря на хорошие данные. Мы готовы были работать с ним, помогать ему, но требовалось время, а ждать он не захотел.

Все эти футболисты не пропали. Заиграли, закрепились в других командах. Малофеев, например, хорошо прижился в минском «Динамо». И на здоровье, как говорится. Наверное, оно к лучшему. В «Спартаке» было много игроков сильнее его, и он, естественно, дольше, чем в Минске, задержался бы на вторых ролях. Я искренне порадовался, когда его включил в первую сборную страны, в составе которой он провел немало матчей.

Однако тогда на головы Старостина и Симоняна сыпались упреки болельщиков: «Вы разбазариваете футболистов, разбрасываетесь!» Каждому не объяснишь...

Есть игроки, не соответствующие стилю команды. Но здесь надо сказать и об уровне мастерства: блистательный футболист в любой команде будет блистать. Некоторые же способны проявить себя только рядом с партнерами, обладающими диспетчерскими данными, умеющими «обслужить» - вывести на ударную позицию, вовремя передать мяч. Если подобных партнеров в команде не оказывается, то неплохой в принципе игрок не всегда себя полностью реализует.

Вот был в «Спартаке» Вагиз Хидиятуллин, игрок от бога, очень одаренный, ушел в ЦСКА и погас. Вынужден был покинуть ЦСКА, перейти в «Карпаты», команду ниже рангом. Потом вернулся в «Спартак», вновь обрел себя, и все-таки это уже не тот Хидиятуллин, который тут начинал. Перспективы перед ним открывались очень широкие, но... Из-за неуравновешенного характера не умел трезво оценивать себя, ситуацию. Перебегая с места на место, потерял четыре-пять лет, причем лучших для футболиста.

Пожалуй, самым тяжким для меня как для тренера был процесс вынужденного расставания с игроком. Ведь ты как бы выносишь строгий приговор, а за ним - судьба человека. Всякий раз надрываешь себе сердце, даже если достаточно намаялся с этим футболистом, устал от его дисциплинарных срывов.

До сих пор не могу вспоминать без горького сожаления, без боли о Николае Абрамове. Вот кого одарила природа! Уже в юные годы он обладал таким футбольным мышлением, которое приходит обычно лишь с большим опытом. Но - увы! - не соблюдал спортивного режима. Мы терпели, воспитывали и в конце концов расстались. А Николай мог быть славой и «Спартака» и сборной.

...Кажется, неплохо складывалась моя тренерская судьба. В 1969 году «Спартак» снова выиграл звание чемпиона. Сезон не был для нас столь драматичным, как в 1962 году. Команда выступала намного ровнее. Мы на очко отставали от киевского «Динамо», и все должен был решить поединок с киевлянами.

День в Киеве выдался хуже не представить. Дождь со снегом, раскисшее поле. А игроки выступали против нас отменные - Рудаков, Сабо, Мунтян... Запомнился тот матч сольным проходом Осянина, который обыграл трех защитников и великолепно послал мяч в нижний угол ворот. Иосиф Сабо гневно кричал своим партнерам: «Какие же вы защитники! Он одного за другим вас обыгрывал, а вы до штрафной площадки врезать ему не могли, остановить!» Это мне потом мои ребята рассказывали.

Во второй половине началась страшная двадцатиминутная осада наших ворот. То, что творилось на поле, трудно передать. Наш Анзор Кавазашвили творил чудеса, все мячи брал намертво.

Назначен штрафной. Подошел к мячу Виктор Серебряников, мастер штрафных ударов, и закрутил его в нижний угол ворот. Анзор накрыл мяч в самый последний момент. Мы вздохнули, но не тут-то было. Судья заставил перебить. Какое он усмотрел нарушение, я так и не знаю. Серебряников снова подошел к мячу и закрутил его по дуге уже в противоположный угол ворот, Анзор снова спас команду от гола...

В 1971 году мы выиграли Кубок страны. И тоже был очень трудный финал - двухдневная борьба с ростовским СКА.

Матч, как известно, заканчивается со свистком судьи, и усилия игроков должны гаснуть в эту секунду, не раньше. Иной раз болельщики за пять минут до конца игры покидают свои места, начинают пробираться к выходу, уверенные, что ничего интересного и важного уже не произойдет на поле. И как ошибаются!

В первом матче мы проиграли 1:2. Секундная стрелка делала последний оборот. Геннадий Логофет, правый защитник, выбрасывал мяч из-за боковой линии. Вбросил его Джемалу Силагадзе, нашему нападающему, и я, сидя на тренерской скамье, про себя кричу: сделай передачу, сделай передачу!

И вдруг вижу, Логофет мчится по правому флангу, и Силагадзе передает мяч ему. Геннадий, в свою очередь, делает прострельную передачу. Кажется, и по воротам он не бил, но вратарь СКА пропустил этот легкий мяч. 2:2! В дополнительное время счет не изменился, а в переигровке «Спартак» победил 2:1.

...В следующем сезоне дела наши сложились не столь удачно. Вовсе не хочу сказать, что после подъема неизбежен спад. Случилось так, что сразу несколько игроков, опытных, хорошо выступавших, несмотря на немалый для футбола возраст, оставили «Спартак». Не думаю, что их не удовлетворяли отношения с руководством команды - никаких тренировок у нас не было. Они просто искали лучших условий в других клубах.

Сразу подобрать равноценную замену сложно, и команду начало лихорадить. Вокруг, как водится в подобных случаях, зароились разговоры: подыскивается новый старший тренер. Меня, в свою очередь, стали грызть сомнения: не слишком ли засиделся на одном месте, не пора ли начать что-то новое? Может, мы с игроками надоели друг другу? Такое бывает. И каждое поражение команды приносило все больше сомнений: а что, если игроки просто не желают бороться, сплавляют - есть у нас такое выражение - тренера? Напрямик спросил об этом ребят. Сказал, если я многих не устраиваю, не буду «рубить» головы, отчислять одних футболистов, приглашать других, уйду сам. Уйду во имя «Спартака», который не имеет права из-за внутренних шатаний терпеть неудачи.

Кто-то, возможно, заметит: к чему такие церемонии? Надо наводить порядок железной рукой. Но я всегда следовал иным принципам. Мне высказали доверие, хотя не убежден, что все проявили при этом полную искренность.

В общей сложности я проработал с командой одиннадцать лет - шесть и пять с небольшим перерывом. Перерыв был в 1965 году и связан с трагическим случаем. Наш футболист Юрий Севидов в нетрезвом состоянии совершил наезд. Погиб человек. Известный ученый. Это вызвало всеобщий справедливый гнев. И немало говорилось о том, что футболистам слишком многое позволено, звездам, мол, все сходит с рук. Защищать тут Севидова мы, естественно, не собирались, наказание он понес. Тем не менее случай лег пятном на всю команду, прежде всего на ее руководство. Может ли тренер отвечать за взрослого человека? Наверное, нет. Но спорт, команда - здесь само собой подразумевается воспитание, без этого нельзя. Вполне возможно, мы что-то в Юрии проглядели... Пришлось уйти в отставку.

Через год с лишним мне предложили вернуться. Дыхания хватило на пять лет, и вот - сбои. Может, именно я виноват, что команду лихорадило? Может, чего-то уже не замечаю, не вижу, засидевшись на одном месте? Не пора ли сменить обстановку? Не давала покоя дилемма: остаться - расстаться? Правда, ее могли решить и без меня. В футболе за неудачами, как уже говорил, всегда следуют оргвыводы начальства.

Как ни трудно было - решил: ухожу! Сказал об этом руководству городского совета «Спартака». Николай Петрович Старостин убеждал меня: «Зря ты так поступаешь, зря!» Но от решения, пришедшего после долгих раздумий, уже не отказаться.

Попросил собрать команду, чтобы проститься. Сказал все, что чувствовал. Вспомнил о нелегких годах, которые мы провели вместе. Все было общим - поражения, победы. Жизнь в спорте сурова и прекрасна. Ни одна команда не просуществует без жесткой требовательности друг к другу, без конфликтов и острых разговоров. У нас они тоже были. И я сказал, что ухожу без затаенных обид, с чувством благодарности ко многим. Только прощаться очень грустно: больше двадцати лет отдал «Спартаку», так что сегодня завершается большой этап моей жизни. Не знаю, вернусь ли когда-нибудь в родной клуб, но в душе навсегда останусь спартаковцем.

По очереди подходили ребята, говорили добрые слова. Подошел Виктор Папаев: «Может, я не всегда верно реагировал на ваши требования, но хочу, чтобы вы знали, всегда вас уважал...» Не скрою, это было приятно. В пылу борьбы, страстей не должно обесцениваться главное в отношениях людей, объединенных одним делом, - уважение друг к другу.

Оглядываясь назад, размышляя о пережитом, до сих пор до конца не уверен, что поступил правильно, что это был единственно верный шаг. Есть тренеры, по десятку лет работающие с одной командой, - Константин Бесков, Валерий Лобановский... И нельзя сказать, что все годы их команды провели на высоком накале. В тренерской жизни, как в спорте вообще, неизбежны спады, неудачи. Порой как раз они и лежат в основе нового взлета. Я не чувствовал творческого тупика и, скажи мне кто-нибудь из руководителей «Спартака» - останься, наверное, остался бы. Но ничего такого произнесено не было. И, хорошо уже зная сложившуюся практику скороспелых оргвыводов - одного быстрее снять, другого быстрее назначить, счел необходимым избежать унизительной процедуры.

Николай Петрович Старостин сказал на том прощании: «Мы не захлопываем за тобой дверь. Мы оставляем ее чуть открытой. Ты можешь вернуться в любое время, ибо мы считаем тебя истинным спартаковцем. Мы знаем: разрежь тебя пополам, найдешь там два цвета - красный и белый».

Так и остался я в душе «красно-белым».

ДО «ЧУДА» И ПОСЛЕ

Долго колеблюсь: идти в «Арарат» - не идти... Пугает то, что команда незнакомая. Ничего не поделать, без «Спартак» себя все еще не представляю. И с «Араратом» прежде встречался на поле как спартаковец, как соперник.

...Гудит, взрывается гортанными криками республиканский стадион, так и кажется, болельщики вот-вот высыпят на поле и свяжут всех нас, спартаковцев. Мы ведем в счете 1:0. Так получилось, первый гол забил я и вот забиваю второй... «Не стыдно тебе?! - кричит по-армянски фотокорреспондент, стоящий за воротами. - Кому забиваешь?!» Можно понять его чувства: армянин забивает гол армянской команде - в такое мгновение забудешь, что спорт есть спорт - как посмел?!

В 1954 году, когда «Арарат» перед финалом Кубка тренировался в Тарасовке, меня попросили сказать ребятам напутственное слово перед игрой. Как мог настраивал их на борьбу и победу. К сожалению, тогда, в туманный дождливый вечер, ереванцы проиграли киевскому «Динамо», но проиграли достойно.

Видел команду не однажды, в разные годы, в разных матчах. Она, не скрою, мне нравилась. Но прийти тренером... Пожалуй, больше всего смущало, что на мой приход возлагали немалые надежды: вот придет Симонян - и свершится чудо. И все-таки принял приглашение.

В один из первых моих дней в Ереване подошел человек с фотокамерой и спросил: «Никита Палыч, а помните такой случай, как из-за ворот вам крикнули: «Не стыдно?!» Это был я». Посмеялись вместе, а я подумал суеверно - как бы опять подобное не услышать: «Не стыдно? Пришел - а где чудо?»

Чудес в футболе не припомню. Опыт игрока и тренера не раз убеждал меня, что и вечных истин тут не бывает - каждая для своего времени. И основа всякой тактики - игроки. Можно придумать десятки тактических новинок, но коли не окажется подходящих исполнителей, схема останется мертворожденной.

У армянского футбола свои традиции. Их не сравнить, скажем, с грузинскими. Республика меньше. Команд, выступающих в высшей и первой лигах, тоже меньше.

Однако бывает благоприятное стечение времени и обстоятельств, когда в клубе собираются вместе высококлассные игроки. «Арарат» в ту пору как раз объединил футболистов, обладающих высоким мастерством.

Начал комплектовать команду Артем Григорьевич Фальян. Он постепенно подбирал игроков по своему вкусу, а вкус у него был неплохой, приглашал футболистов из Грузии, Азербайджана.

Артем Григорьевич, буйный, неудержимый, бескомпромиссный - из-за этого немало терпел и страдал, - был беззаветно предан футболу и требовал того же от других. Команда при нем наливалась силой. В середине шестидесятых годов «Арарат» вернулся в высшую лигу.

Когда Фальян переехал в Ленинград, его заменил Александр Пономарев, известнейший форвард, уже хорошо зарекомендовавший себя на тренерском поприще. Он продолжил строительство, совершенствование команды. Ему она обязана своим становлением в классе сильнейших. Но потом Александра Семеновича пригласили в Москву тренировать сборную страны, и на его место пришел Николай Яковлевич Глебов, расширивший тактические возможности самобытных футболистов.

Так что долгое время «Арарат» был в хороших руках, и, начав работать, я не мог этого не почувствовать. Продолжил комплектование команды, включив несколько перспективных футболистов.

На первой же встрече с командой, когда меня представляли, сказал: «Уважаемые товарищи, вы созрели для того, чтобы бороться за самые высокие титулы. Я много лет играл, а потом тренировал команду, которая побеждала в чемпионатах, завоевывала Кубок страны, мне посчастливилось вкусить высокую радость больших и трудных побед и очень хочу, чтобы такое же чувство пережили вы».

Раз и навсегда договорились, что каждый футболист услышит от меня все, что я о нем думаю, без скидок на «смягчающие» обстоятельства и возможные обиды.

И началась работа.

Бытовало мнение, что команда привыкла к шадящему режиму, что южные футболисты вообще неспособны к высоким нагрузкам - не терпят, не любят. Но на первых же тренировках я убедился, что араратовцы свободно переносят интенсивные занятия, работают добросовестно, творчески.

Внимательно присматривался к игрокам. В составе «Арарата» были подлинные звезды. Выделялся Аркадий Андриасян. Мог играть в линии полузащиты и в линии атаки. Решал сложнейшие задачи в процессе

игры. Футболист незаурядный, хотя характер не из легких. Мы не избежали с ним конфликтов, но талант есть талант, с талантливыми людьми всегда интересно работать, и взаимопонимание приходило.

Меня восхищала виртуозность Эдуарда Маркарова, хотя из педагогических соображений не спешил высказывать ему восторга. Маленький, юркий, с филигранной техникой, в любых условиях мог выполнить сложнейший прием. При столкновении, большой скученности игроков закладывал иногда такой финт, что приходилось только удивляться.

Быстрый крайний нападающий Левон Иштоян - справа, - и Николай Казарян - слева, - умело расшатывали защитные порядки соперников. Сильной волей, способностью вести за собой игроков отличался капитан команды Ованес Заназянян. Надежным стражем ворот был Алеша Абрамян, цементировал оборону Шура Коваленко, опытный, разумный защитник... О каждом можно сказать похвальное слово. А главное, сравнивая этот коллектив со спартаковским, отмечал похожие черты. Хотя южане есть южане - больше любят возиться с мячом, нежели играть в пас, у «Арарата» обнаруживался несомненный вкус к комбинационной игре, который всегда отличал спартаковцев.

В учебно-тренировочном процессе приходилось учитывать и особенности южного климата, испепеляющее армянское солнце, и особенности игроков. Ни к чему было их переучивать. Именно в индивидуальном мастерстве, в умении сыграть нестандартно, в особой любви к мячу проявлялся своеобразный стиль команды, своя трактовка игры. Смешно ведь заставлять бразильцев играть в европейский футбол.

Разумеется, много внимания уделяли кроссовой подготовке, развитию общей и специальной выносливости, но большую часть времени отдавали работе с мячом - пошел навстречу любви. Причем объем нагрузок был ничуть не меньше, если даже не больше, чем в занятиях без мяча. Тренируясь с увлечением, футболисты, мне кажется, этого и не замечали и вместе с усвоением технических навыков получали необходимую физическую подготовку.

Всякому известно, кавказский характер отличает большая ранимость, неумение спокойно реагировать на критику, повышенная эмоциональность, неуравновешенность. Поэтому непросто было с игровой дисциплиной. Наблюдалось стремление, получив мяч, продемонстрировать публике свое умение, виртуозность и самому пробить, хоть и не из выгодного положения.

Если хорошо разыгранная комбинация кончалась ничем, то на поле тотчас вспыхивало темпераментное выяснение отношений. То же самое начиналось, если кто-то ошибался. Приходилось внедрять в сознание высококлассных игроков азбучные истины: футбол - игра коллективная; каждый может ошибиться. И, надо сказать, испытывал удовлетворение, когда болельщики «Арарата» стали говорить, что обстановка на поле переменилась: кто-то ошибся, а игра продолжается, страсти не выплескиваются, и любители покрасоваться перед публикой все больше играют в пас, не жадничая.

Мне повезло не только с составом команды, но еще и с руководителями. Я встретил людей, которые проявляли интерес к футболу, состоянию команды, готовы были помогать. Сразу сложилось взаимопонимание с Лорисом Хачатуровичем Калашьяном, председателем республиканского спорткомитета. Интеллигентнейший человек, широко образован, прекрасный юрист, шахматист, журналист.

Председатель совпрофа Генрих Варганович Тарджуманян, в подчинении которого впрямую находился «Арарат», при всей своей занятости бывал на установках, на тренировках - неважно, какая впереди игра, ответственная или рядовая, - помогал мне осваиваться. Ведь одно дело - приезжать в Армению в гости, другое - работать, жить.

Сказать, что вовсе не возникало разногласий, нельзя, но команда чувствовала заинтересованность руководителей в ее успехе, внимательное отношение к нуждам футболистов.

Всегда с нежностью вспоминаю Акопа Тонояна, директора Армспортбазы. Его знает не только вся Армения, но и половина Советского Союза. Друзей у него не счесть. Среди них даже президент ФИФА Авеланж. Владеет даром объединить людей и делать им благое. В Армении его зовут Акоп-болбол. Акоп - широкий. Отдает все, что имеет, как Дед Мороз...

И вообще было впечатление, что весь Ереван пристрастно следит за тем, что происходит в «Арарате». Стоило мне сходить с ребятами в национальную оперу, как по городу пошли разные толки.

«Никита, говорят, что ты водишь футболистов в оперу. Это правда? - спрашивали удивленно друзья. - И что, ты им просто предложил, и они сразу согласились?» - «Согласились», - отвечаю и не признаюсь, что, когда выходили из театра, многих недосчитался. «Ты решил, что без музыки и пения они не победят?» - это уже шли подначки.

Далек от того, чтобы уверовать: послушал, скажем, три симфонии - стал чище, тоньше; организовал три культпохода - сплотил коллектив. Встречал интересных, глубоких людей, которые равнодушны к музыке, и она для них закрыта. Встречал коллективистов, умеющих жить ради общих задач, которые терпеть не могут совместного приобщения к искусству. Но ведь не об одном мяче надо думать футболисту, неплохо иметь за душой что-то еще, кроме футбола. Богатство личности необходимо в любом деле, и оно непременно проявится.

...Начинались матчи чемпионата страны 1973 года.

Мы договорились: не будем ничего заранее прогнозировать, планировать - выиграть, скажем, пять игр из восьми. К каждой ближайшей игре готовимся, как к самой важной, и считаем, что не имеем права на поражение. Выиграли - не празднуем победы, а точно так же готовимся к следующему матчу. Концентрация воли для достижения ближайшей цели очень помогала. Ребята почувствовали, что способны выиграть.

Хотя, конечно, не все было в нашей тяжелой работе гладко, благополучно. Нельзя сказать, что сразу и со всеми установились милые душевные отношения. Но порядок и дисциплина стали залогом победы.

Задача тренера определить общие принципы ведения игры и не повторяться каждый раз. Я подчеркивал: когда вы играете, я не должен вам мешать. Раскрывайте свои способности. И команда, надо сказать, показывала великолепные игры. Но вдруг пошла серия проигрышей. Проиграли игры четыре. Я почувствовал тогда, как заколебалось состояние игроков, у некоторых исчезла уверенность. Но мы сумели трезво разобраться в причинах поражений, спада и снова стали наверх стывать упущенное.

На многолетнем опыте уже убедился, как важно вовремя привести команду в чувство. А методы здесь могут быть совершенно разными. Как человека, опустившего после неудачи руки, надо иногда встряхнуть резким словом, а иногда, напротив, успокоить, «погладить», так и команду. Иногда останавливал себя: не разбирай проигрыша - лишняя соль на раны. Просто говорил, что анализировать нечего, ошибки слишком очевидны. Будем считать эту игру кошмарным сном.

Одновременно с чемпионатом, как всегда, проходил и розыгрыш Кубка Союза. «Арарат» дошел до финала, и в финале ему предстояло встретиться с киевским «Динамо».

Матч состоялся 10 октября на Центральном стадионе имени Ленина. Несколько поездов болельщиков прибыло из Киева, очень много зрителей приехало, прилетело из Армении. Гудящий стадион как бы уже предвещал накал борьбы. Готовность болельщиков оказать поддержку любимой команде - ради этого отмахали сотни верст - всегда отзывается в игроках особым чувством, стремлением оправдать надежды, показать высокий класс.

Мы были настроены на победу. Но и соперник рассчитывал на успех, больше того - не сомневался в нем. Даже обратные авиабилеты киевляне заказали на день матча: выиграть - и сразу домой! Вроде бы ничего не значащая деталь, но в психологическом настрое не бывает мелочей.

Мы не спешили, не исключали возможности повторного матча. Кстати, и дирекция стадиона заказала еще сто тысяч билетов и держала кассиров в «боевой готовности», чтобы в случае ничьей сразу начать продажу.

На чьей стороне были симпатии москвичей, трудно сказать. Но мне хотелось верить, что поклонники «Спартака» пришли болеть за «Арарат».

Соперник навязал нам силовую манеру игры. «Арарат» уступал киевлянам в опыте финальных поединков, и инициативу поначалу полностью захватили динамовцы. В один из моментов наши защитники нарушили правила в пределах штрафной площадки. Пенальти пробил Виктор Колотов, капитан киевлян, и со счетом 0:1 мы ушли на перерыв.

Я понимал, что игроки «Арарата» зажаты грузом ответственности, многие были просто неузнаваемы, поэтому на установке убеждал действовать раскованнее, иначе хода поединка не переломить.

Вторая половина началась обоюдоостро, атаки накатывались то на одни, то на другие ворота, но счет 1:0 в пользу «Динамо» сохранялся.

Минут за двадцать до конца игры, посоветовавшись со своими коллегами Оганесом Абрамяном, Арутюном Кегеяном и начальником команды Робертом Цагикяном, решил бросить в бой свежие силы. На поле появились Коля Казарян и Сергей Погосов. Они сразу же вошли в игру, что получается далеко не всегда, сразу сориентировались в обстановке, будто были на поле с первых минут.

Вот тут-то мы и перехватили инициативу в свои руки. Но время неумолимо мчалось к концу, а счет не менялся. Когда твоя команда выигрывает и ты поглядываешь на стрелки часов, то кажется, они прилипли к

циферблату. Когда истекнут эти тягучие минуты? А пока фортуна не повернется в твою сторону, стрелки мчатся с невероятной скоростью.

До конца матча всего три минуты! И вдруг тренер киевского «Динамо» - тренировал тогда эту команду Александр Александрович Севидов - решил, будучи, вероятно, убежденным, что матч уже выигран, произвести две замены. Вместо Блохина и Колотова выпустил молодых футболистов. Руководствовался он понятными побуждениями: игрок, участвовавший в финальном розыгрыше Кубка, получает право на звание мастера спорта, даже если проведет на поле две-три минуты. Мне показалось, что Блохин, которого заменили, недоволен решением тренера. Уходя с поля, бросал недоуменные взгляды в сторону тренерской скамейки.

Остается восемьдесят секунд до финального свистка. Катит очередная атака «Арарата». Удар по воротам, вратарь выпустил мяч, и Левон Иштоян отправил его в сетку - 1:1. Основное время кончилось.

Мы направились в раздевалку. В туннеле услышал острый разговор между Олегом Блохиным и начальником команды Михаилом Михайловичем Команом.

- Зачем вы меня заменили? С кем сейчас будете играть? Кто остался в нападении?..

- Ладно, ладно, - ворчал Коман, - без тебя разберемся...

А я думал: что сказать сейчас ребятам? Они сделали то, чего многие не ожидали, сделали все, что умели.

- Вы, по сути, уже выиграли игру, - говорю им неожиданно для себя. - Вы чувствуете, вы ее уже выиграли!

Кинорежиссер Эдмонд Кеосаян, присутствовавший в раздевалке, рассказывал потом, что он за голову схватился, услышав мои слова: счет 1:1, дополнительное время - чему тут радоваться?! Киевское «Динамо» - команда-машина, может бегать четыре часа, а наши уже вымотались.

- В предстоящие тридцать минут вы должны решить судьбу матча в свою пользу, - продолжал я. - Сделать это завтра будет намного сложнее. Киевляне допустили ошибку, ослабили свои силы. Вы обязательно должны победить сегодня, в эти тридцать минут!

- Что вы им такое сказали? - спрашивали меня после матча. - На поле выскочили львы!

Может, мои слова и подогрели готовность победить, но она жила в команде.

В начале дополнительного времени Левон Иштоян нанес хлесткий удар по воротам. Задев кого-то из защитников киевлян, мяч влетел в угол ворот. Счет 2:1 мы сумели сохранить до финального свистка.

Что творилось на трибунах и потом в раздевалке, передать невозможно. Впервые в своей истории «Арарат» стал обладателем Кубка.

Можно ли рассматривать эту победу лишь как чистую случайность? Думаю, нет. Конечно, после замены в команде соперника наши игроки, бдительно опекавшие опытных форвардов, смогли активнее включиться в атаку. Но ведь ошибка киевлян была закономерной, продиктованной всем психологическим настроением тренеров и команды.

После победы мы не сразу отправились в Ереван, полетели в Донецк - продолжались игры чемпионата страны. Сыграли с «Шахтером». И только после этого вернулись в Ереван.

В Ереване все летное поле забито людьми. Казалось, весь город пришел приветствовать свою команду. И, как говорится, аппетит приходит во время игры: Кубок Кубком, а хотелось выиграть еще и «золото».

И вот последняя встреча с «Зенитом».

Ведем игру с переменным успехом. Забитые голы зенитовцы сквитывают. Правда, судьбу чемпионата решал не один этот матч. Главный наш соперник, московское «Динамо», в это же время играет в Ростове. Волнуюсь, как там? Минут за двадцать до конца игры ко мне подбегает один из работников стадиона сообщить, что динамовцы проиграли ростовскому СКА.

Теперь независимо от результата борьбы с зенитовцами мы чемпионы. Я попросил никому об этом не говорить, не хотел, чтобы весть долетела до игроков прежде, чем кончится матч. Кто-то ведь мог крикнуть команде: «Все, вы чемпионы!» - и эйфория помешает ребятам довести игру до конца достойно. Хорошо, если и здесь, сейчас, они покажут, что их успех отнюдь не случаен.

И «Арарат» выиграл со счетом 3:2.

Стадион буквально взорвался. Я, признаться, и не видел прежде такого проявления чувств. Высыпали на поле болельщики, народные ансамбли - все верили в победу, готовились к ней, загремела музыка, пошли танцы.

Улицы запружены народом. Гуляли, пели, наверное, до четырех утра. Футболистов, не преувеличиваю, готовы были принять в каждом доме, все двери для них распахнулись.

На тротуарах появились мангалы, поплыл запах шашлыков. Люди выносили из домов кувшины с вином, не жалея ради такого случая запасов. Выражали свои восторги самым разнообразным способом - ездили, сигнали, на машинах, пели песни...

Я все время попадал в чьи-то объятия. Болели плечи от похлопываний, кому-то достался рукав моего плаща.

Друзьям удалось увести меня к себе. Долго сидели в тесном кругу. От пережитой радости и оттого, что делили ее с тобой тысячи и тысячи людей, нельзя было не расчувствоваться. Вспомнил отца, взгрустнулось. Много бы отдал за то, чтобы он дожил до этого дня. Он всегда мечтал, чтобы я что-то сделал для своего народа. Отец никогда не жил в Армении, хорошо чувствовал себя в многонациональном Сухуми, но сохранял связь с корнями. Бывает, что лучше всего начинаешь понимать близкого человека, когда его уже нет рядом. В Армении я постоянно возвращался мыслями к отцу.

Лучше узнавал армянский народ - трудолюбивый, добрый.

Едешь по республике - каменная местность. Как же люди ухитряются выращивать тут пшеницу, виноград? У дороги - горы камней, а рядом - цветущий, плодоносящий кусок земли. Все камни убрали с него вручную...

Учил язык («Родной язык надо знать, сынок», - наставлял отец), обогащал свой детский запас слов (дома у нас говорили на турецком наречии), испытывал удовольствие, если удавалось объясниться по-армянски.

Музыка, живопись, наука - здесь немало замечательных имен, ставших славой Армении. И не только Армении - всей страны. Но я никак не предполагал, что с такой радостью и гордостью республика воспримет победу своей футбольной команды. И внимание, в центре которого оказался, меня немало смущало.

Поздней ночью друзья привезли нас с Эдмондом Кеосаяном - он в это время снимал в Армении фильм «Мужчины», и мы жили с ним вместе - в гостиницу. Пробрались со служебного входа в номер. Лежим, не зажигая света. А площадь под балконом все еще гудит, народ все еще празднует. И вдруг слышим «Си-мо-нян! Си-мо-нян!»

- Надо выйти, Никита, - серьезно говорит мне Эдмонд. - Тебя ждут.

Может, и надо, да неловко. Ну что я, полководец, чтобы приветствовать толпу? Стараюсь отнестись к ситуации с долей юмора, а выхожу на балкон - начинает першить в горле и от волнения пелена на глазах. Так, чего доброго, возомнишь себя героем.

- Понимаешь, - наставляет меня Кеосаян, - в любом маленьком народе живет потребность из каждого человека, добившегося заметного успеха, сделать героя.

Позже, когда мы поехали всей командой в Ноемберян и по дороге остановились в одном из колхозов, нас приветствовала старая женщина - ей было сто лет, - и в ее глазах светилось счастье.

- Сыночки, - обращалась она к нам, - вы не представляете, что вы сделали, какую радость вы доставили нашему народу, - и всех нас обнимала, целовала, благодарила.

Помню, даже католикос Вазген говорил мне: «Когда я принимаю святейших епископов из разных стран, все непременно спрашивают об «Арате» и удивляются, что наша команда стала первой».

Армяне, живущие за рубежом, отнеслись к победе своих братьев не только как к приятному спортивному достижению. На это смотрели уже с политической стороны: Советский Союз - огромная страна, в ней много прекрасных команд, и если побеждает команда маленькой республики, значит, эта республика действительно равная среди равных. Значит, Советская Армения вовсе не сателлит, как пытается это представить зарубежная пропаганда.

За рубежом оказалась треть всех живущих на земле армян. Это не эмигранты, не принявшие той или иной политической платформы. Это люди, которые покинули родную землю, спасаясь от турецкого геноцида, от физического истребления. Интерес их к Советской Армении велик.

Куда бы ты ни приехал, если только узнали, что в прибывшей группе, в советской делегации есть человек, носящий армянскую фамилию, то ты не успеваешь дойти до гостиницы - тебя уже встречают, тебя ищут. Вошел в номер - обрывается телефон: просят разрешения прийти познакомиться, поговорить.

Помню, как в Израиле после отборочной игры олимпийского турнира ко мне на стадионе подбежал один армянин и стал спрашивать, действительно ли я Симонян? Засомневался, не присвоена ли русскому армянская фамилия ради пропаганды? Пришлось заверить его, я - армянин, фамилия - моя, и добавить, что в нашей сборной ребята разных национальностей.

Часто тебя просто берут за руку и приглашают в гости. Как-то в Аргентине я обмолвился о таком приглашении нашему послу Семену Петровичу Дюкареву, и он сказал, обязательно надо пойти, в стране большая армянская колония, и советское посольство поддерживает с ней связь. На встречах много вопросов, и люди бывают благодарны за информацию о жизни советских армян.

Потом уже, после победы «Арарата», мы узнали, что за нашим движением в турнирной таблице следили в самых разных странах. На матчи в Ереван и Москву приезжало много армян из Ливана. И когда на будущий год мы прибыли в Бейрут на товарищескую игру, там собрались армяне со всей страны. Толпа не дала нам сойти с трапа самолета, подхватила на руки и понесла к автобусу.

...В следующем после нашего дубля чемпионате мы заняли только пятое место. Могли ли выступить так же успешно или почти так же, как в предыдущем сезоне?

Много раз задавал я себе этот вопрос, много раз все анализировал и сегодня, прокручивая вспять ушедшее время, уверенно скажу: могли. И первенство досталось бы легче.

Почему же этого не случилось?

Мне и сейчас горько писать об издержках победы. Но уввы! - их часто наблюдаешь в спорте. После общих усилий, общего успеха люди начинают считаться славой. И в нашей команде зародились неприятные разговоры. Однажды я услышал от Аркадия Андриасяна: «Мы выиграла первенство, завоевали Кубок, а весь почет достался вам, пишут о вас...»

Я ответил, что не уговаривал журналистов хвалить меня, не старался присвоить чьих-то заслуг. Писали обо мне в те дни действительно много. С одной стороны, приятно, когда хорошо оценивают твою работу, с другой - в какой-то момент возникает досада: хватит, достаточно! Перебирая старые газетные вырезки, еще раз убеждаюсь, мне не в чем себя упрекнуть. В интервью неустанно подчеркивал заслуги своих предшественников, одаренность собравшихся в команде футболистов. Мне даже говорили: «Что ты так старателен в реверансах, посмотри на других тренеров: если им удастся победить, они спешат подчеркнуть, что до них тут ничего не было, что пришли на пустое место. А ты умаляешь свое достоинство и свою работу, без конца раскланиваясь перед другими».

Не считаю, что терял достоинство. Непорядочно не вспомнить сделанное до тебя. А разве редкость - приходит новый тренер и начинает поносить коллегу, который работал тут прежде? Не дает себе труда оценить, что хорошего он внес в команду, что непременно надо оставить и закрепить. Все плохо, начинаю с нуля! Это говорит лишь об отсутствии такта и солидарности. Так и в клубных командах случалось, и в сборной. Да и не только в спорте подобное встретишь. Спорт лишь одна из моделей жизни.

Считаю, на первом же собрании тренер должен поблагодарить предшественника, который тоже старался сделать хорошую команду, стремился к успеху, но... Никто не застрахован от ошибок. Поэтому второе, что новому тренеру стоит сказать, вернее, о чем попросить команду - не поминать недобрым словом бывшего наставника. Это и самому пойдет на пользу. Если настроен валить все на другого - не научишься спрашивать с себя, замечать свои промахи, неудачи.

Я не забывал повторять: мне досталась хорошо подобранная команда, с прекрасными игроками. Может быть, отчасти из-за этого потом доводилось читать о себе как о мастере шлифовки. Высказывалось мнение, что коренная перестройка, ломка команды, переучивание были мне как бы не с руки. А причину этого искали иногда в мягкости моего характера.

Но моя тренерская биография не подтверждает моей нелюбви к кропотливому строительству. Когда в 1969 году «Спартак» стал чемпионом страны, в одной из газет появилась статья под заголовком «Как феникс из пепла». Может быть, в образе были преувеличение и выспренность, но мы с Николаем Петровичем Старостиним в самом деле создавали команду заново, начиная с 1967 года, когда я после полуторагодового перерыва вернулся тренером в «Спартак». Искали, подбирали игроков. Именно в то время пришли Киселев, Папаев, Калинов, Абрамов, Кавказшвили... А вот «Арарат» надо было именно шлифовать.

Команда окрепла за год, но появившаяся самонадеянность легко могла ее расшатать, и я не уставал внушать ребятам: «Да, вы замечательно играли, среди вас есть настоящие звезды, победа ваша заслужена. Только живем мы не одним годом, надо закрепить успехи».

Возникли, к сожалению, трения и в руководстве команды, что тоже мешало работе.

Помню, после матча с «Шахтером» (мы провели эту кубковую игру в Ереване и выиграли 2:1) вратарь, войдя в раздевалку, зло швырнул в сторону перчатки, вызываясь спросил: «Интересно, что вы поставите судьбе?» На его взгляд, должны были назначить одиннадцатиметровый в ворота соперника. Я ответил, что поставлю ту оценку, которую он, по моему мнению, заслуживает, и услышал: «Вот, раньше такого бы не случилось. Мы бы получили право пробить пенальти!»

Это так резануло, что на ближайшем собрании пришлось сказать команде:

- Я думал, вы добыли победу лишь благодаря мастерству и колоссальному труду. Выходит, ошибался? Если вы считаете, что победы завоевываются не на футбольном поле, то мы друг друга не поймем. Привык к честной борьбе. Еще раз могу повторить, вижу ваши возможности, верю в них, но без напряженной работы, единства команды и тренера завоеванное легко потерять.

И все-таки конфликты вспыхивали и не могли не сказываться на результатах матчей. Выше пятого места мы не поднялись. В это время мне предложили работу в Спорткомитете СССР, в Управлении футбола, и я дал согласие. Тогда не знал, вернусь ли снова к тренерской работе. Чувствовал необходимость, переключившись на новое дело, подытожить накопленное. «Остановиться, оглянуться», - как сказал поэт.

- Не занимаешься самообразованием? - спрашивали меня друзья, знавшие, как я обычно переживал неудачи своей команды. - Не мучаешься, что оставил «Арарат» на пятом месте?

Страдал я в основном из-за дразг, зароившихся внутри команды и вокруг нее. Перед дразгами теряюсь, опускаются руки. Слабость? Может быть. И годы тут, как ни странно, не закаляют. А пятое место - это не так уж и плохо. Обидно, что команда сыграла ниже своих возможностей. «Арарат» повторил довольно частую ошибку. Случается, игроки собирают волю в единый кулак на один сезон - во что бы то ни стало дойти до «золота»! А потом в головах некоторых, не переставая, свербит: вчера мы стали чемпионами, значит, сегодня можем сыграть «на класс», то есть за счет мастерства, не прилагая прежних усилий. Но без игры через «не могу» успеха в длительном соревновании добиться нельзя. Сразу скатиться в низ турнирной таблицы - это можно, это легко. Такое случалось. Игроки, возомнившие себя великими, резко снижают требовательность к себе. И футбольный мяч, принесший славу, тут же их наказывает. К нему надо относиться с прилежанием.

Думаю, и те футболисты, с которыми у меня возникали конфликты, набираясь жизненного опыта (некоторые к тому же познали сложность тренерской доли), тоже размышляли о том, что произошло в команде после громкой победы. Уверен, многое оценили уже по-иному, чем тогда. Во всяком случае, когда мы видимся, чувствую к себе отношение такое же, как было в памятный сезон нашей дружной работы. И, естественно, не держу ни на кого зла. Был опытнее, до «Арарата» знал, что такое успех. Мог понять, где прекрасных (еще раз это повторяю) футболистов захлестывала горячность молодости, где слава. Больше скажу, чувство благодарности к ребятам осталось - с ними было интересно работать.

Недавно встретились. Случилось у меня горе, умерла мама. И Ованес Заназаян, Шура Коваленко, Левон Иштоян, Коля Казарян, Арутюн Кегеян, Оник Абрамян не замедлили приехать. Сидели, вспоминали...

- А знаете, - сказал один из них, - мы тогда вдруг почувствовали, что вы не задержитесь в Ереване надолго, и это на нас плохо действовало.

Я опешил. Я не вел себя как временщик. Но что-то, видимо, ребята уловили в моем состоянии. Не только тренер, оказывается, наблюдает за игроками, у них тоже внимательные глаза. И подумал, наверное, они в чем-то правы. В то время, помимо всего прочего, и мои личные дела складывались так, что необходимо было вернуться в Москву...

Не жалел ли, что после творческой работы занялся административной? Не жалел. Организация футбольного хозяйства - это тоже интересно. Здесь свои сложные проблемы. Познал новую сторону футбола, и потом это мне пригодилось в тренерской работе. Правда, тогда не думал, не прикидывал, надолго ли задержусь в управлении. Хотя многие коллеги и журналисты, среди них Лев Иванович Филатов, к которому склонен прислушиваться, говорили: «Рано вы, Никита Павлович, сели в кресло, вам бы еще работать и работать на поле - с командой». Я отвечал, что не перешел в другое ведомство, не занялся выпуском бобов в томате. Остался в футболе.

УЧИТЕЛЬ

Мы выходим вместе с Николаем Петровичем Старостинным после совещания в Госкомспорте, и он говорит мне:

- А знаешь, Никита, - так и зовет по старой памяти Никитой: мальчишка же я для него, шестидесятилетний мальчишка, - раньше порядки и правила в футболе были строже. Сейчас игрока дисквалифицируют, а через месяц-другой, смотришь, все ему вернули, вроде бы и не наказывали. А раньше... Вот был у нас случай в 1922 году...

Так всегда: он рассказывает о каком-то случае как о вчерашнем-позавчерашнем, а ты спешно отсчитываешь назад десятки лет, чтобы представить себе, когда это было, что происходило вокруг и родился ли ты к тому времени или не родился.

Меня еще в уличную команду не принимали, а Николаю Петровичу, одному из самых первых, присвоили звание заслуженного мастера спорта СССР. Был капитаном команды «Промкооперация» (так назывался прежде «Спартак»), капитаном сборных Москвы и СССР. Потом на капитанском «мостике» этих команд его сменил брат Александр, а чуть позже повязка капитана «Спартака» перешла к Андрею.

Не могу - да только ли я? - представить себе советский футбол без Старостинных, без четырех Петровичей - Николая, Андрея, Александра, Петра. Выдающиеся футболисты - уже в двадцатые годы, не говоря о тридцатых, вся Москва знала Старостинных, - они стали выдающимися организаторами, спортивными деятелями, утверждающими высокие идеалы нашего спорта.

Стояли у истоков «Спартака». У Николая Петровича, старшего из братьев, собралась инициативная группа. Ночь напролет спорили о названии нового общества. Под утро все решила лежавшая на столе книга Джованьоли «Спартак».

Теперь, хорошо зная Николая Петровича, его комиссарское начало, могу вообразить речь, которую он произнес:

«Вождь римских гладиаторов был не просто ловок и силен. Его отличали верность цели, мужество, воля к победе. Эти черты должен прививать спортсменам наш «Спартак».

Много слышал о братьях еще до знакомства. От Сергея Сальникова, который знал их с детства, по Тарасовке, читал, поклонялся, и не только от него. О них ходило столько устных рассказов, легенд! Я их впитывал, приехав в Москву, хотя в те годы фамилия Старостинных как бы выпала из истории футбола, спорта. Братья были репрессированы как «враги народа». Но Москва помнила их.

Так что мужество потребовалось им не только в спортивной борьбе. Все выдержали. И потом - ни жалоб на судьбу, ни озлобленности, лишь беззаветное служение любимому делу.

Александр Петрович много лет возглавлял Федерацию футбола РСФСР, Андрей Петрович был председателем федерации футбола Москвы, начальником сборной страны, Николай Петрович - вот уже сколько лет! - бессменный начальник команды «Спартак».

Помню, как мгновенно разнеслась по Москве радостная весть: «Старостины возвращаются!» В футбольных кругах только об этом и говорили: «Слышал, возвращаются?!» - «Уже вернулись!» Узнали тотчас и другое: Николай Петрович будет начальником «Спартака». С нетерпением его ждали. Интересно, какой он?

И вот стоит он перед нами - высокий, стройный, элегантный... Вспоминая тот день, еще раз сожалею, что не воспитал в себе привычки вести дневник, в моем личном архиве - лишь несколько записных книжек, в которых иногда делал пометки во время поездок, чемпионатов. Сейчас я бы очень хотел восстановить, что же именно сказал нам тогда Старостин. Но осталось лишь ощущение, на поле мы не вышли - вылетели. Вылетели уверенные - победим!

С той поры смотрел на него во все глаза: что скажет, как поступит? Не переставал восхищаться его мудростью, широтой знаний, образованностью.

Старостин прекрасно разбирается во многих областях жизни - в международных отношениях, внутренней политике, экономике. Без труда могу представить его на любой государственной должности - на месте министра финансов, к примеру, или председателя Госкомитета по ценам. Вовсе не потому, что помножает в уме пятизначные цифры и окончил когда-то финансово-экономический техникум. (Другой и после академии столько бы не знал.) Он светлейшая голова. Умеет всегда не только разобраться в сложных перипетиях происходящего, но и предвидеть ход событий. Все, чего не знает, способен постичь в короткое время. А экономика - его конек.

Выступает на Федерации футбола и говорит о том, что необходимо сделать, чтобы футбол стал рентабельным предприятием.

Ему давно за восемьдесят, но о свежести ума можно вести речь не ради красного словца. «Что будет, если Старостин уйдет из «Спартака»?! Оставался бы подольше!» О многих ли людях столь почтенного возраста услышишь подобное?

Все дни у него точно расписаны. Должность начальника команды - сумасшедшая. Ты и комиссар, и стратег, и хозяйственник - все бытовые нужды на тебе: квартиры, детские сады, ясли, путевки...

Старостин всегда умеет убедить жилищную комиссию райисполкома, что такому-то спортсмену необходима квартира, отказать никак нельзя. Кто-то другой пойдет на комиссию - загробит дело, а Старостин выиграет. Умение убеждать, поддерживать уважительный тон разговора, обаяние - все при нем. И авторитет, конечно. Его всюду готовы были мгновенно принять. Но по скромности в приемных занимал очередь, не лез вперед. Обычно с утра говорил мне как старшему тренеру:

- Никита, давай сядем, обсудим ряд вопросов. - Садись, обсуждали, всегда советовались друг с другом. Потом он поднимался: - Ну все, я пошел, - и шел по делам команды в райисполком, в Моссовет, в ВЦСПС...

Всех нас подкупала его демократичность, его доброта. Только в крайнем случае он употреблял власть, отчислял игрока из команды. Но и при этом не унижал человеческого достоинства, разговаривал по-отечески: ему никогда не была безразлична судьба, в которую вынужден вмешаться. Отчисляя кого-то, вздыхал, страдал, мучился.

Меня всю жизнь упрекали в мягкости. Но по сравнению с ним я кремень. Когда требовал от него как от начальника команды применения санкций, он внимательно, сдвинув очки, смотрел на меня, будто видел впервые, и басил: «Слушай, Никит, я не знал, что ты такой жестокий, что можешь так ошестиниться».

Великолепный администратор, великолепный организатор, является не только начальником команды, но и ведет огромную работу в городском совете общества.

Сколько помню Николая Петровича, ни разу он не был в отпуске. Как-то встречаю его на улице, идет ослабевший после гриппа. (Никогда, кстати, не принимает лекарств, как бы плохо ему ни было.) Спешит на Красносельскую в городской совет «Спартака», говорит, дел много накопилось. А вся футбольная команда в это время отдыхает - и футболисты и тренеры.

Его работа для любого может служить образцом отношения к делу. Не пропустил ни одной игры, ни одной поездки. Зубную щетку в сумку - и на самолет. Рассказывал, звонит ему супруга Бескова, сообщает, что Константин Иванович себя плохо чувствует, поехать на игру не в состоянии: «И вообще, Николай Петрович, ему уже за шестьдесят, не мальчик...» Смеется: «Значит, я еще ничего. Никит, а? Если о моем возрасте забывают?»

Действительно, забываешь, когда смотришь на его легкую подтянутую фигуру или слушаешь его ироничные речи.

- У тебя же был юбилей! - воскликнул при встрече. - Как я пропустил? Неужели шестьдесят? Взрослеешь. Мы хотим прийти к тебе с подарком. Как лучше - с гравировкой или без?

С гравировкой, отвечаю, коли подарок от любимого «Спартака». Пришел, торжественный, вместе с Алексеем Пармоновым, не побоялся высоких слов: «Золотому фонду «Спартака»...» Я был немало смущен. Он говорил как дорога ему та плеяда футболистов-спартаковцев, которую и мы с Пармоновым входили, команда пятидесятых годов...

А мне всегда приятно, когда на вопрос, кого он вырастил, подготовил, Николай Петрович отвечает: «Симоняна». Он меня многому научил и учит. Учился я у него уважительному отношению к людям, спокойствию, привычке все взвешивать, не спешить со скоропалительным ответом или суждением.

Часто думаю, не встретить Старостина, я был бы, вероятно, другим человеком. Мы многое берем от тех, кого любим, многое усваиваем осознанно и неосознанно.

- Николай наш - великий человек, - услышал однажды от Андрея Петровича. - У нас у всех небольшая разница в возрасте, а ведь это он нас ставил на ноги, с восемнадцати лет работал не покладая рук и нас тянул.

Фамильная старостинская черта - невероятная притягательность. Встретишься с кем-то из них, поговоришь - праздник.

Андрей Петрович был большим эрудитом. Я удивлялся, сколько же он знает! Уверен, ни один любитель футбола не прошел мимо его интересных книг. Многие выдающиеся актеры, композиторы, писатели относились к нему с большим пиететом.

Несмотря на крепость родственных уз, дружбу, братья не всегда и не во всем друг с другом соглашались. Соберутся вместе - спор. Если один скажет одно, то другой непременно возразит. За ними нельзя было наблюдать без улыбки.

К примеру, Андрей Петрович говорил: «Из Житкуса великолепный получится защитник». (Этого паренька мы пригласили в свое время в «Спартак» из Литвы.) «Твой Житкус, - не мог сдержаться Александр Петрович, - никогда приличным игроком не станет! Я еще раз убедился, что ты ни черта в футболе не смыслишь!»

- Знаешь, Никит, - случалось, жаловался Николай Петрович, - вчера собрались у меня братья. Спорили до трех ночи! Все, что было у меня в баре, опустошили.

Старший не курит, не знает вкуса вина, но младших в свою веру обратить не сумел.

Я уже говорил, что педагогику учил по Старостину. Перед игрой Николай Петрович великолепно настраивал команду и каждого игрока в отдельности, зная особенности его характера, чувствуя состояние духа. Не ограничивался лишь зажигательными речами, пускался на разные приемы. Мог подзавести команду. Придумать, что сказал о нас соперник, как высказался болельщик.

- Да где уж нам, ребята... Вот я встретил армейцев, Гринина и Петрова, они прямо так и сказали: «Мы вашу команду, Николай Петрович, разделаем!» Я видел их игру и честно вам доложу...

Дело происходит в Сухуми. Идут дожди, раскисло футбольное поле. Предстоит матч с командой ЦДСА, которая тренируется здесь же, в городе. Николай Петрович съездил на их контрольную игру и излагает свои впечатления:

- Грустно, ребята, но у нас шансов нет. Никаких! Понесут вместе с грязью эти армейцы... Вместе с грязью! Гринин с Петровым так прямо и заявили: «Ваших мотыльков, Николай Петрович, растопчем!»

- Что ж вы нас так пугаете, Николай Петрович?

А он свое:

- Серьезно, ребята, шансов у нас никаких!

Через несколько дней мы вышли на матч с ЦДСА и выиграли, не пропустив в свои ворота ни единого гола.

- Ну как, Николай Петрович, - спрашивает его Сальников, - понесли вместе с грязью?

- Я же честно думал, они вас сомнут. А вы молодцы, ничего не скажешь.

Так и не признался, что сознательно нас подзавел.

Педагог Старостин всегда находил неожиданный и единственно верный выход из всех трудных или курьезных случаев. Как-то в Тарасовке мы дотемна работали с мячом. И вот двое водящих, один из них - Сальников, никак не могли отнять у нас мяч. Сергей молнией метался от одного к другому, мы, передавая мяч, старались сразу же отскочить, чтобы он нас не задел, не ушиб. Он был человеком в общем-то спокойным, но в азарте, случалось, терял контроль над собой.

Тут подошел к нам Николай Петрович, только что прибывший электричкой в Тарасовку. Посмотрел одну-две минуты и громко расхохотался.

- Что я вижу, Сережа, тебя совсем измочалили, а ты все не можешь отобрать мяч!

Уже злой, зашедшийся, Сергей вдруг остановился, повернулся в его сторону и полоснул жуткой грубостью. Мы все оцепенели - оскорбить начальника команды, оскорбить самого Старостина! Что же сейчас последует? А Николай Петрович захохотал еще пуще, повалился на траву, задрал ноги вверх, как мальчишка... Мы поостыли. Сергей подошел к Старостину:

- Делайте со мной что хотите, Николай Петрович, но извините меня, пожалуйста. Я такой дурак! В пылу становлюсь сумасшедшим.

- Ладно, иди, знаю я тебя, шалавого!

Было понятно, что он как старший и мудрый пожалел Сергея, помог ему выбраться из этой дурацкой ситуации. Не побоялся, что уронит свой авторитет в наших глазах. Другой на его месте впал бы в амбицию, мог

бы сказать: «Вон из команды!» Поставить условие: или я, или он. Его мягкость никогда не шла ни в ущерб нашему уважительному отношению к нему, ни в ущерб делу.

И когда мне, уже как тренеру, говорили, если бы ты был жестче, дела шли бы лучше, я отвечал: «Разве в команде развалена дисциплина? Полная анархия, отсутствие требовательности? Нет? Почему же я должен работать в другом стиле? Не могу ни унижать игроков, ни хамить. Перестану себя уважать. Меня воспитал человек, который сам работал с людьми именно так, я согласен с его принципами целиком и полностью и не хочу им изменять». Демократичность отношений тренеров и игроков в «Спартаке» во многом шла от Старостина, он и сейчас старается ее хранить, хотя это непросто - он и Константин Иванович Бесков очень разные люди. И я думаю, при волевом руководстве, наверное, всегда необходим такой амортизатор, как Николай Петрович.

Будучи тренером, всегда в сложных ситуациях смотрел на него: как он поступит.

Человек высокого достоинства и чести.

С ним вместе пришлось однажды пережить неприятный случай, неприятное давление. Одна из южных команд была под угрозой вылета из высшей лиги. Нам предстояла игра с ней. Результат никак не влиял на наше положение в турнирной таблице. И к нам с Николаем Петровичем подошли руководители этой команды, вместе с ними какое-то спортивное начальство: «Не могли бы вы нам помочь?..» Начали обещать, что добьются перенесения игры в свой солнечный город - в Москве шли дожди со снегом, - создадут там нам все условия для отдыха, будет все, что пожелаем. Нужна только ничья! Мы не стали вести этот разговор. Сказали, нет, этого не будет. «Покупатели» удалились, пообещав, что найдут другие пути. Мы поняли, что они собираются выйти на игроков. Надо ли говорить, как не хотелось, чтобы ребята поддались соблазнам, чтобы их втянули в сделку. Решили сделать ставку на молодых футболистов, их вывести на поле.

За два дня до этого последнего в сезоне матча умерла жена Николая Петровича, его верный друг. Похороны пришлось как раз на день игры. И вдруг утром вижу его в Тарасовке.

- Николай Петрович, почему вы здесь?!

- Ничего, ничего, Никита. Мне дома очень плохо... Вот сейчас посмотрю, как вы тут, и поеду.

Я понял, что даже в горе не оставило его волнение: как выдержит команда экзамен на честь, не заколеблется ли кто-то?

Приехал к нему уже вечером. За столом по русскому обычаю сидели близкие ему люди. Он, увидя меня, сразу же спросил глазами: «Что?» Я кивнул - выиграли, и показал два пальца - 2:0. И он ответил взглядом: «Спасибо».

Казалось бы, человека, прожившего такую жизнь в футболе, ничем не удивишь, а Николай Петрович с интересом следит за всем новым, продолжает учиться. Идет семинар тренеров и начальников команд высшей, первой и второй лиги. Народу собралось немало. Выступают специалисты, обмениваются опытом. Кто-то внимательно слушает, кто-то - вполуха. Николай Петрович все тщательно записывает, тогда как люди, багаж которых полупуст, позевывают, подремывают.

Выйдя на трибуну, поднимает вопрос о договорных играх. О тайнах, которые стали настолько явными, что и болельщик о них без труда догадывается. Договорятся соперники сыграть вничью, и никакой борьбы на поле нет.

- Если команда будет играть изо всех сил и проиграет, болельщик это поймет, простит. А если вы угостите его договорной игрой, то на следующий матч с вашим участием он просто не придет, - говорил Старостин.

Я согласен с ним: ведь тут кончается не только драматический футбольный спектакль, импровизация, творчество, кончается сам футбол. Сам спорт кончается на бесчестье.

Всю жизнь он влюблен в футбол, и острота этой любви почти юношеская. Высоко ценит эстетическую сторону игры. Однажды мы играли в Тбилиси. Николай Старостин вместе с младшим братом Андреем сидел на трибуне. Естественно, все окружающие не только игру, но и братьев не выпускали из поля зрения. Мне потом рассказывали, как они смотрели, что говорили. «Спартак» вел матч как по нотам. Разыгрывались сложные и красивые комбинации, в момент одной из них старший повернулся к младшему и, восхищенный, спросил: «Как шьют?»

У него всегда бывали любимцы в команде. Я относился ко всем равно, если и питал что-то в душе и восхищался кем-то, то про себя, старался никому этого не показывать и, думаю, мне это удавалось. А у Николая Петровича восторг выплескивался. И восторг, случалось, преувеличенный. Это, видно, свойство всех талантливых людей: заметив в другом искру божью, пусть самую маленькую, они ею искренне восхищаются и

готовы всех уверить, что появился гений, и готовы его поддержать, помогать ему расти. Талантливые люди всегда щедры на похвалы, серость куда скупее.

Одно время Николай Петрович и Андрей Петрович питали большую слабость к Виктору Папаеву, которого мы пригласили в команду из Саратова. Очень техничный игрок, с незаурядными данными. Играл в полузащите. Но, как говорится, одно дано, другого нет. При такой высокой технике, хорошем, тонком понимании игры у него, к сожалению, отсутствовала необходимая скорость. Не всегда поэтому успевал вернуться в оборону, не всегда, кстати, и с охотой выполнял эту необходимую работу.

Старостины души в нем не чаяли и тут уж были в полном согласии, не спорили. Однажды перед матчем, когда Папаев был не в лучшей форме, мы с Анатолием Исаевым, работавшим у меня помощником, подумали и решили: наверное, не стоит Виктора ставить на предстоящую игру. Но Николай Петрович воспротивился: «Как же без Папаева? Это же Папаев!» - даже покраснел, стараясь переубедить нас.

Долго мы с ним спорили. В конце концов я ему сказал: «Уверен, что и ребята будут против того, чтоб Папаев играл в сегодняшнем составе. Поговорите с ребятами», - «Хорошо, - сказал он, краснея еще больше, - я пойду». Силой убеждения Николай Петрович обладал великой и смог внушить игрокам, что нельзя им сегодня на поле без Папаева.

- Ты знаешь, Андрей, - говорил потом брату, - еле убедил тренеров поставить Папаева. Не хотели!..

- Ха, не хотели! Я бы на игру не пошел. Мне бы там делать было нечего. Ха, они не хотели ставить Папаева! Николай, да неужели ты не можешь объяснить этим тренерам, что Папаев - Рихтер! Рих-тер!

Я уже работал в Армении. Тренером сборной в это время стал Валентин Николаев. Он включил в команду Папаева, а через некоторое время вывел его из основного состава. И вот в Ереване, куда приехал «Спартак», произошел у меня такой разговор с Андреем Петровичем Старостиным.

- Вы меня укоряли, что я недооцениваю Папаева. Напротив, отлично понимаю, он очень техничный игрок, этого не отнимешь. Если бы природа наделила его еще и скоростью, то футболистом он стал бы, безусловно, выдающимся. Но... Недостаток скорости не один я ощущаю. Видите, Николаев хотел было использовать его в сборной, но понял - не потянет.

- М-м, Никит, да я тебе просто удивляюсь! М-м, Николаев не признает Папаева. Здесь важно другое: признает ли Папаев Николаева!

Ценя проявление таланта, не желали видеть в нем несовершенств.

Николаю Петровичу еще очень нравился Вася Калинов. Появился он у нас в дубле. И вот, помню, во время игры в Ташкенте с командой «Пахтакор» Старостин говорит журналисту Валерию Винокурову:

- Валера, обратите внимание на восьмой номер. Через неделю он будет играть в основном составе «Спартака».

- Да? А мне говорили, у него скорость невысокая.

- Скорость невысокая? Ветер! Ве-тер!

Калинова мы поставили в основной состав, и он действительно блеснул в том сезоне.

Считая, что всегда надо хорошо изучить соперников, наш начальник старался разглядеть их в буквально смысле. Приедет какая-нибудь зарубежная команда - Николай Петрович непременно встанет в тоннеле и ощупает цепким глазом каждого возвращающегося с разминки футболиста. С ног до головы. Потом делится впечатлениями: «Слушай, есть такие свирепые!..»

На Сардинии мы встречались с командой «Кальяри», довольно знаменитой в то время. В ее составе был купленный английский футболист Лофтхауз. Здоровенный детина под метр девяносто, с широченными плечами и бычьей головой. Играл центральным нападающим. А у нас из-за травмы выбыл как раз центральный защитник. Мы обсуждали, кого поставить. Я сказал, что лучше Коли Киселева на этом месте никто не сыграет.

- Да что ты, Никита, - возражал Николай Петрович, - он же тщедушный!

Я настоял на Киселеве - добросовестный, работоспособный, упорный.

Приехали на стадион. Раздевалки обеих команд находились рядом, нас разделял только коридор. Коля, помню, переодевался у самой двери, а Лофтхауз в это время появился в коридоре и стал разминать вратаря. Николай Петрович вышел, надел очки и начал есть взглядом нашего грозного соперника. Пригнувшись, разглядывал ноги, поднимал глаза на шею. Вернулся в раздевалку и так же изучающе уставился на Колю, который, съездившись, сжав свои худенькие плечи, зашнуровывал бутсы. Николай Петрович прыснул и снова в

коридор, я за ним. Старостинские очки опять нацелены на Лофтхауза. Не своя с него взгляда, говорит мне, потрясенно:

- Никита, это же верзила! Сомнет он нашего Киселя, сомнет! Затопчет! Думаю, мы с тобой допускаем ошибку.

Я опять возразил, ничего, мол, сыграет, но он махнул рукой: «Ошибка!»

Началась игра, наш Коля как пивка прицепился к Лофтхаузу, и того во втором тайме заменили.

- Ну что, Николай Петрович?

- Да, с Киселем мы угадали! Смотри, какой он въедливый!

Если мы проигрывали игру, Старостин почти всегда считал, что не угадали с составом. Или не угадали с заменой. Константин Иванович Бесков по этому поводу обычно говорит ему: «Бросьте заниматься самобичеванием! И с составом мы угадали, и установку я сделал правильную, просто футболисты не выполнили того, что им надлежало выполнить». Так оно скорее всего и есть, а он все равно терзается: «Не угадали...» Не умеет сбрасывать с себя груза ответственности.

При всей своей мудрости и сдержанности Николай Петрович ухитрился сохранить детскую непосредственность.

1959 год. Играем в Уругвае с командой «Насьональ». Один из соперников - высоченный негр, который, несмотря на свой рост, очень ловок, как лопатой загребает мяч, упорно идет вперед. Сложно с ним. И вдруг слышим голос с тренерской скамейки: «Серег! Оттяни назад негра! Оттяни негра!» Это кричит Николай Петрович, решивший, что только Сальников справится с этим игроком. Сергей сразу не понял, остановился: «Что, Николай Петрович?» - «Я тебе говорю: оттяни негра, ведь сладу же с ним нет!»

История футбола для меня - это прежде всего неторопливый голос Николая Петровича, его рассказы. Рассказывал, как в 1935 году наши футболисты ездили в Турцию. На приеме, устроенном после игры, турки спели. К Николаю Петровичу подошел наш посол и сказал: «Неудобно, надо бы тоже спеть. Николай Петрович, спойте что-нибудь с ребятами».

- Ну, ты же знаешь, Никита, слуха у меня нет ни дьявола. Я к ребятам: давайте споем! А они мне: ты, Николай, запевай, а мы подхватим. Что запевай, куда запевай? Ведь ни дьявола петь не умею! Но решился и затянул «Волочаевские дни». И должен тебе сказать, мы рвали на базах...

Слуха у него и в самом деле нет никакого. Но очень любит романсы, любит Вертинского, знает слова всех его песен. Я всегда завидовал Николаю Петровичу: могу точно напеть мелодию, а вот со словами туго. А он в любой момент вынет из памяти любую строчку.

Перед глазами картина: Исаев, Старостин и я втроем в одном гостиничном номере. Николай Петрович разгуливает в длинных черных сатиновых трусах и самозабвенно поет: «А я пью горькое пиво...» На мелодию нет и намека. Мы с Исаевым похохатываем, потом не выдерживаем - хватаемся за животы. Николай Петрович останавливается и спрашивает с изумлением ребенка:

- Что? Я неверно пою? Я что - вру?

К классической музыке, пожалуй, равнодушен, но зато в театре, на сцене признает только классику - Чехова, Гоголя, Островского, Достоевского. Дружил со многими выдающимися актерами, почитал их талант, и почитание, уверен, было взаимным.

Интересный рассказчик. Говорит размышляя. Каждое слово взвешивает. Начнет с главного, потом выдаст тонкости, нюансы, детали - и возникнет перед тобой живая картина, живые характеры. Нужно привыкнуть к этой замедленной манере говорить, чтобы оценить ее по-настоящему. Одно слово произносит, другое в это время выбирает - поточнее. И меня приучил Николай Петров, как зовут его близкие, искать не спеша точное слово.

Иногда рассказываешь о каком-нибудь событии жене и слышишь нетерпеливое: «Что дальше? Дальше-то что? Короче не можешь?» Не могу: очень долго жил рядом со Старостиным, смотрел, внимал.

ЕДИНСТВЕННЫЕ

Футбол подарил мне немало встреч с яркими, незаурядными людьми. С одними был близок, дружил, дружу, многим обязан им - разминулся бы и был бы, наверное, беднее. С другими встречался только на футбольном поле, наблюдал издали, но осталось ощущение: ты - свидетель явления, запомни его. Наверное, ценность таланта, в чем бы он ни проявлялся, - в его неповторимости, уникальности.

...Бывают спортсмены-самородки, которые мгновенно взлетают и на долгие годы занимают место в особом ряду талантов. Талантов непревзойденных, приковывавших к себе всеобщее внимание. Их имена обрастают легендами, но любой вымысел, как правило, оказывается беднее жизни. Таким спортсменом, таким человеком был Всеволод Михайлович Бобров.

Его стремительный взлет начался в 1945 году. Я жил в то время еще в Сухуми и впервые услышал имя Боброва в радиорепортаже: молодой футболист, появившийся в команде ЦДКА, забил два мяча.

В том же году приехали к нам в Сухуми легкоатлеты из Москвы, и их тренер рассказывал: «В ЦДКА появился такой бродяга! Бобров - фамилия. Суший дьявол! Не уходит без гола!»

Осенью мы все с нетерпением ждали сообщений из Англии: московское «Динамо» отправилось на родину футбола. В команду был включен Бобров. Триумфальное выступление динамовцев открыло Европе советский футбол. Бобров и там блистал. Его имя уже не сходило с уст.

В январе 1946 года, приехав в Москву, я впервые лицезрел знаменитость в деле. Как известно, раньше почти все футболисты играли зимой в хоккей. Хоккея с шайбой у нас еще не было - играли в хоккей с мячом. И, увидев Боброва на ледяном поле (а не заметить, не выделить его было просто нельзя, даже если трибуны безмолвствовали и не кричали все вокруг «Сева! Сева!»), был потрясен: соперники никак не могли к нему приспособиться - он одинаково владел правой и левой рукой. Только подстроится соперник справа, а Бобров уже перевел мяч на другую сторону...

В ту пору начали играть и в хоккей с шайбой. В Москву приехала чехословацкая команда ЛТЦ. И снова всех поразил Бобров. Он так управлялся с новой для него хоккейной клюшкой и шайбой, словно этому предшествовало несколько лет подготовки.

Борис Андреевич Аркадьев говорил о нем: «Если сравнивать Боброва с другими, то Бобров - это бифштекс, все остальные вокруг него - гарнир». И отмечал, что Бобров обладал качеством из всех качеств - результативностью. Его не с кем было сравнить по координированности, виртуозности. (Только Валерий Харламов мне потом немного напоминал Боброва.) Я уже не пропускал ни одного матча с его участием и, хотя еще не по привычке к московским морозам, в любую метель и стужу ехал на «Динамо», где у Восточной трибуны была площадка для хоккея с шайбой.

Когда слышу, что Бобров не сыграл бы в сегодняшний хоккей, не могу согласиться даже со специалистами. Он мог освоить все. Брал в руки теннисную ракетку и прекрасно играл в теннис, брал ракетку для настольного тенниса и мог потягаться с классным игроком. Когда у него бывал в руках бильярдный кий, не сразу находился равный по силам соперник. Во всем был талантлив.

Так и видишь его на хоккейной площадке. Незабываемое зрелище. Однажды, когда он обходил одного игрока за другим, стоявший рядом со мной на трибуне Коля Котов, центральный защитник из «Крылышек», воскликнул: «Смотрите внимательно и запоминайте: это Пушкин в хоккее. Второй Бобров родится не раньше чем через сто лет!»

Да, родилось потом много прекрасных хоккеистов, а Бобров не померк. Рассказывали о нем немало разных историй. Он всегда был на виду. Окруженный толпой почитателей, мог загулять, нарушить режим, не явиться на тренировку. Что там говорить, немало покуролесил. Но личностью был на редкость притягательной.

Простой, широкий, доброжелательный - свой парень. Однако настолько знал себе цену, что с любым начальством держался вольно, свободно, даже с самыми высокими чинами. Вспоминаю, как тренировались мы однажды ранней весной - еще снег лежал вдоль московских тротуаров - на стадионе «Буревестник», который находился там, где сейчас поднялся новый олимпийский комплекс. Команда ЦДКА заканчивала тренировку, а спартаковцы начинали, уже вышли на поле, на разминку. На трибуне был маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов, страстный любитель футбола. Приехал, видимо, взглянуть на свою армейскую команду. Бобров, пробегая мимо, остановился:

- Товарищ маршал, вот мы тут сейчас присматриваем, кого бы из «Спартакка» к нам перетянуть. И вы присмотритесь, кому из них пойдут погоны. Призовите в свои ряды в случае чего.

Воронов весело рассмеялся:

- Хорошо, хорошо, непременно, Всеволод Михайлович, присмотрюсь.

...Идут годы. Его уже давно нет с нами. Но и сегодня, когда меня спрашивают о Боброве, могу сказать одно: «Был гениальным хоккеистом и великим футболистом».

В истории нашего спорта не было другого игрока, который бы столь же блестяще, как Бобров, играл и в хоккей, и в футбол. А сейчас это вообще невозможно. В свое время приняли верное решение отделить футбол от хоккея, футболист есть футболист, а хоккеист - хоккеист. Нагрузки увеличивались, и совмещать два вида спорта вряд ли кому по силам.

Однажды - мы уже были хорошо знакомы - спросил его: «Во что все-таки играть сложнее, Михалыч, - в футбол или в хоккей?» Ответил: «В футбол, конечно, сложнее». Это подтвердил и Борис Майоров, который начинал играть в футбол в «Спартаке», провел несколько матчей. Я был в ту пору тренером этой команды и считаю, что футболист из Майорова получился бы неплохой. Но вряд ли он заблистал бы, как в хоккее. Футбол единственная игра, в которую играют только ногами. А в чувствительности рук и ног разница большая.

Увидев впервые Боброва на футбольном поле, продолжал внимательно за ним следить. Я в юности уже определился как форвард. Любил забивать. Ну а кто не любит? И наблюдая за Бобровым, старался понять, как же он все-таки открывается, как ему это удается? Развертывается атака: один удар, второй и вдруг раз, Бобров оказывается в выгодной позиции, мяч уже у него, и он забивает. Его исполнительское мастерство было настолько высоким, что, видя и вратаря и защитников, он несильным ударом направлял мяч в недосыгаемую для них точку. Эти бобровские уроки для меня бесценны.

Он обыгрывал даже на ленточке - на боковой, лицевой линии. Великолепно владел дриблингом, неповторимыми финтами, но все-таки главное - лез в самую гущу игроков, обыгрывал одного за другим, прекрасно управляя телом. Интересно было наблюдать: опытные защитники, сами, как говорится, не лыком шиты, пытаются мяч отнять, а мяч опять попадает ему в ногу. Мог на пяточке «уложить» двух-трех защитников.

Он не очень много двигался на футбольном поле, но неизменно шел вперед, шел и открывался. Оборонительных функций не выполнял и не знал, что это такое. Но всегда приносил команде победу, забивая голы.

Играл в паре с Григорием Федотовым. Федотов несколько отодвинулся назад, питал его мячами, да и не только он, остальные тоже. Приходилось иногда слышать от игроков: «Вот, мы на него работаем...» И надо было на него работать: он умел делать то, чего не умели другие.

Бобров блистательно выступил на Олимпиаде в Хельсинки. Забил югославам три мяча. В результате наша команда, проигрывавшая 1:5, свела матч вничью. Эта Олимпиада, как известно, не принесла нам лавров, а поражений в то время не прощали, и команда ЦДКА, составлявшая костяк сборной, была расформирована.

Ходит легенда, но вполне возможно, что и был: доложили Сталину - мы проиграли. Он задал вопрос: «Как поступают с полком, если полк теряет знамя?» - «Расформируют, товарищ Сталин!» И команды не стало. По сей день считаю, что это непоправимая утрата для советского футбола. Уже после смерти Сталина футбольную команду клуба Советской Армии начали возрождать снова - строить здание с фундамента. Но потом она лишь один раз выиграла звание чемпиона Советского Союза.

Правда, Всеволод Михайлович еще раньше перешел в команду ВВС, а в 1953 году, после ее расформирования, пришел к нам, в «Спартак».

Я был тогда в хорошей форме, обрел уверенность, забивал немало мячей. В сложной ситуации на меня играли, меня искали. А тут появился сам Бобров. Вроде бы должно възыграть самолюбие, вспыхнуть чувство соперничества, ревность. Но на подобных чувствах себя почему-то не ловил. Видимо, потому, что очень высок для меня был его авторитет.

Мы играли с ним в одной связке, в центре - сдвоенный центр нападения. Я оттянулся немного назад, все внимание переключил на Боброва. Получая мяч, невольно искал его: он, наверное, открыт. И он действительно бывал открыт. Вся моя психология сама собой перестроилась - не рваться к воротам, передать мяч Боброву. Он открыт, он забьет!

В 1953 году приехала сборная Будапешта, провела два матча со сборной Москвы. Первый наши сыграли вничью - 1:1. Второй выиграли со счетом 2:1. Я смотрел на эту игру с трибуны. Когда Сергей Сальников скинул мяч головой Боброву на выход вперед, он выскочил один на один, но в последний момент вратарь Грошич успел накрыть мяч. И снова Бобров вышел один на один, Грошич бросился к нему, можно уже было посылать мяч в ворота: они пусты, а Сева не торопился - настолько велико у него было самообладание. Бить пришлось бы под

острым углом, поэтому он, решив действовать наверняка, вывел мяч под правую ногу, ближе к середине. В это время уже подросли защитники, встали в ворота, но Бобров, хладнокровно распорядившись мячом, послал его мимо защитников. Высочайшее мастерство!

Вспоминается матч в Киеве. Против Боброва играл Паша Лерман, центральный защитник киевского «Динамо». Очень жесткий игрок, я бы даже сказал, жестокий. В один из моментов на правом фланге у боковой бровки он так принял Боброва, что тот вылетел на беговую дорожку. Дорожки в то время были гаревые, и Сева, не успев сгруппироваться, упал, сильно ободрав плечо и лицо. Вскочил. Будучи человеком обидчивым - а тут не только обида, но и боль жуткая, - оскорбил защитника. Разрядившись, снова бросился в бой.

В первой половине игра у него не шла (да, и с ним такое случалось, и его освистывали с трибун, и ему кричали: «Боброва с поля!»), а во второй, разозлившись на хамскую выходку Лермана, он буквально начал таранить ворота. Фланговая атака, я прохожу по левому флангу, слышу бобровский крик: «А!» - посылаю мяч вдоль ворот к ближней штанге. К нему бросаются центральный защитник и вратарь, но Сева каким-то непостижимым образом просунул ногу между ними и щелчком послал мяч в ворота. Мы повели 1:0.

Игра продолжалась. Очередная атака пошла с правой стороны. Я получил пас и уже по интуиции, опередив бобровское «дай!», послал мяч вразрез штрафной площадки. Сева обыграл центрального защитника, оказался один на один с вратарем. Тот вышел на него, Бобров сделал замах - вроде бы бьет - и, когда вратарь распластался, мягко послал мяч через него в сетку. Так мы выиграли этот матч 2:0. Два незабываемых гола, в которых проявились и страсть, и злость Боброва, и его удивительное хладнокровие.

Когда читал впервые теперь уже широко известные стихи Евгения Евтушенко «Прорыв Боброва», именно этот матч вспоминал. Слова поэта точны, как бобровские удары.

Кто гений дриблинга, кто - финта,
а он вонзался словно финка,
насквозь защиту пропоров.
И он останется счастливо
разбойным гением прорыва...

.....
играл в футбол не протокольный -
в футбол воистину футбольный,
где забивают, черт возьми!

Во время игры все время слышалось: «Держите Бобра!» Держали жестко. Доставалось ему больше, чем другим: били по ногам, ломали ребра, а он шел вперед, прорывался. Оглядываться, остерегаться - это не по нему.

Взрывной, импульсивный - он и в жизни был таким. Попадал в неприятные истории. «Сева опять не сдержался. Сева опять сошел с катушек. Не мальчик уже, когда угомонится?!» - сокрушались друзья. Ему, видимо, мешало то, что слишком рано узнал себе цену: он - Бобров, ему все простится. Но в нем никогда не проклевывалось и намек на «звездное» высокомерие. Поэтому и в «Спартаке» его прекрасно приняли все игроки. Он велик, недосягаем, и он - открытый, честный, порядочный парень.

Человеком был необычайно широким и добрым. Его доброту нередко эксплуатировали - с какими только просьбами не обращались друзья, знакомые, полужнакомые, а он неизменно откликнулся. Да и без просьб всегда готов был прийти на помощь. На моих глазах случалось, стоит кому-то пожаловаться на неприятности, неурядицы, как Бобров тотчас вскакивает: «Слушай, это же все можно решить, уладить, я помогу! Садимся в машину, едем! Зачем откладывать? Сделаем все сейчас!»

Я счастлив, что судьба не обошла меня его дружбой. Мы дружили семьями. Мечтали получить рядом дачные участки, чтобы почаще видеться в свободное время. Я питал к нему самые нежные чувства. Непосредственный, в чем-то очень наивный, большой ребенок! Всем верил, ко всем был расположен.

В последние годы тренировал футбольную команду ЦСКА. Команда заняла в чемпионате шестое место - и его освободили. Переживал тяжело. Узнав о случившемся, мы с женой сразу отправились к нему. «Хорошо, что приехали», - тихо сказала нам на пороге Елена Николаевна, его супруга. И надо было видеть, как оценил он эту малость, это элементарное проявление дружеских чувств. Он ценил в людях то, что сам раздавал им столь щедро.

Его смерть ошеломила. Потрясла ее внезапность. Но, может быть, такие люди и не уходят из жизни иначе? Москва провожала его как народного героя. Жизнь без него во многом стала беднее. И я лично очень признателен Евтушенко за стихи, в них знакомый, живой Бобров!

В его ударах с ходу, с лета

от русской песни было что-то.
Защита, мокрая от пота,
вцепилась в майку и трусы,
но уходил он от любого,
Шаляпин русского футбола,
Гагарин шайбы на Руси!

.....
И снова вверх взлетают шапки,
следа полет мяча и шайбы,
как бы полет иных миров,
и вечно - русский, самородный,
на поле памяти народной
играет Всеволод Бобров!

Растет, вернее, вырос уже, его сын Миша. Михаил Всеволодович. Играет в хоккей. Спросил его:

- Миша, а почему ты выбрал хоккей? Твой отец был и хоккеистом и футболистом.

- Да вы знаете, хоккей ведь - под крышей: чисто, красиво. А футболисты и в грязь, и в слякоть должны месить поле.

Да, сегодня увлечения нередко диктуются условиями - тепло ли, сухо ли...

Кстати, Деттмар Крамер, известный футбольный специалист - тренировал мюнхенскую «Баварию» в годы ее взлета, работал тренером во многих странах, сегодня тренер-советник ФИФА, - недавно рассказывал, что в ФРГ все труднее вовлекать мальчишек в футбол. Предпочитают другие виды спорта, где занятия в крытых помещениях, красивых залах. Повсеместная, видимо, проблема.

...И другой самородок остался «на поле памяти народной» - Григорий Иванович Федотов.

Первым забил сто мячей в чемпионатах страны. Его именем назван клуб, членами которого становятся футболисты, достигшие федотовского рубежа.

Личность тоже легендарная. Долгое время мы говорили о нем как о футболисте номер один, не иначе. Сегодня, наверное, такое понятие уже устарело - футбол ушел далеко вперед, появились новые таланты. Первым футболистом Европы был признан Лев Яшин. Через несколько лет - Олег Блохин, за ним - Игорь Беланов. Но Федотов как раз многое сделал для развития футбола: в свои игровые годы опережал время.

Недолго прожил, недолго играл - его, как и Боброва, преследовали травмы, - а в истории советского спорта он останется как очень мудрый футболист. Тонко понимал игру, выполнял такие выверенные передачи, что все диву давались. Был настоящим дирижером игры. Играл в связке с Бобровым, но не только его выводил на острие атаки - и Гринина, и Демина, и Николаева.

Были точнейшие пасы, которыми владел только Федотов, был удар, получивший название «федотовский». Мог распластаться над землей и ударить с лета. Он настолько умел, как мы говорим, положить корпус, что мяч никогда у него не шел выше ворот. Мог броситься рыбкой и нанести удар головой...

Федотовский удар был особым, каким-то прижимистым. Многие бьют хорошо, но никто так, как Федотов. Тяжеловатый, с тяжелыми ногами, его нельзя было назвать быстрым футболистом, и тем не менее он всегда уходил от защитников.

В 1952 году он уже закончил играть и был тренером в олимпийской сборной - Борис Андреевич Аркадьев взял его к себе помощником. Сборная готовилась в Леселидзе к Олимпиаде. Алексей Хомич попросил Федотова поработать с ним, побить по воротам. Григорий Иванович встал на линию штрафной площадки и говорит своим мягким, от доброты идущим голосом: «Алешенька, сейчас я посылаю тебе мяч в правый угол». Наносит удар, и мяч впритирку со штангой влетает в сетку ворот. «А теперь, Лешенька, я пошлю тебе удар в левый угол», - и мяч летит в заданную точку. Хомич отчаянно бросился за ним, но достать не смог.

Так продолжалось довольно долго. Потом Григорий Иванович взял мяч в руки и сказал: «Знаешь что, Леш, хватит, а то ты о штангу еще ушибешься». Я видел, как злился Хомич. Он, которого сравнивали всегда не иначе как с тигром - за реакцию, прыгучесть, - не достал ни одного федотовского мяча. «Давай еще, Григорий Иванович! Еще!» - кричал в азарте, а Федотов уговаривал: «Да ладно, Леш, хватит».

Был на редкость деликатным, мягким человеком. Увидит новичка под трибунами - непременно подойдет, первым протянет руку, поздоровается, познакомится. Запомнит. Некоторые терялись: кумир и так себя ведет, так просто держится!

Замечал, что почти все талантливые люди имеют свои слабости, свои маленькие странности. Они были и у Григория Ивановича. Например, не любил быстрой езды. В автобусе или машине никогда не садился со стороны шофера - непременно с противоположной, подальше от встречного движения. И если водитель прибавлял скорость, спрашивал его: «Слушай, родимый, у тебя детки-то есть?»

Но его никак нельзя было считать боязливым человеком. Помнится, в Леселидзе появился с громадным ужом на шее, чем привел в ужас администратора команды Бориса Андреевича Малинина.

- Григорий Иванович, отойдите от меня! - закричал в панике этот сдержанный интеллигентный человек. - Григорий Иванович, прошу вас! Уберите змею! Иначе я за себя не ручаюсь!

Встречались мы с ним чаще всего на трибуне, когда не участвовали в матчах, или в Сандуновских банях, где восстанавливались после игры. Это был своего рода футбольный клуб. Интересно после встречи на поле обсудить игру не только с товарищами по команде, но и с соперниками. Такое общение многое давало.

Все знали, что Григорий Иванович любит свою жену - Валентину Ивановну. Это тоже прибавляло ему уважения. И надо сказать, что после его ранней смерти она осталась ему верна, одна воспитала, подняла детей. Сын, Володя Федотов, стал играть в ЦСКА, сейчас работает тренером.

Растет клуб Григория Федотова. В свое время членом этого клуба стал Эдуард Стрельцов. Казалось бы, только так и должно быть - он же замечательный форвард. Но, на мой взгляд, это явление необычное. Ведь Стрельцов пропустил семь футбольных сезонов, пропустил самые лучшие для футболиста годы.

Он взлетел так же быстро, как и Бобров. Увидели мы его впервые в «Торпедо». Не выделить этого семнадцатилетнего парня было просто невозможно. Уже внешность была приметна - мощный торс, сильные ноги. Ни на кого не похож. Сразу вопрос: «Откуда такой?!» Из Перова, там обнаружили, играл за «Фрезер». Команда «Торпедо» в ту пору, можно сказать, начала наливать соком. Появился Стрельцов, Валентин Иванов...

В 1958 году, когда «Спартак» выиграл дубль, Иванов, мальчишка в сравнении с нами, спартаковскими ветеранами, заявил:

- Ваша эра, уважаемые спартаковцы, заканчивается. Наступает эра «Торпедо».

Произнес это вроде бы в шутку, но больше всерьез. И в общем-то оказался прав. В 1959, 1960 годах команда «Торпедо» показала зрелищный, современный футбол, хотя Эдика Стрельцова в ее составе уже не было...

О связке Стрельцов - Иванов, о таком слаженном дуэте мог мечтать каждый тренер. Эдик был центрфорвардом, Валентин - полусредним, инсайдом, как говорят англичане. Игрок под нападающего. Так играют сегодня Заваров, Гаврилов. Не любил оборонительных функций. На нем главным образом лежали диспетчерские обязанности, и выполнял он их прекрасно.

Стрельцов и Иванов понимали друг друга с полуслова, полудвижения. Перед каждой игравшей против «Торпедо» командой ставилась прежде всего задача нейтрализовать Стрельцова с Ивановым, хотя среди торпедовцев были и такие сильные, опасные игроки, как Метревели, Арбутов, Гусаров... А как нейтрализовать? Ломали головы тренеры, центральные защитники, полузащитники. Справиться со слаженным тандемом было трудно: скорость передвижения и скорость футбольного мышления была у этой пары феноменальной.

Работая тренером и в «Спартаке», и в сборной, и в «Арате», я не раз приводил в пример Иванова. Переключать скорость, как он, мгновенно менять направление движения и по сей день, пожалуй, никто не умеет. Не вижу другого игрока, который бы мог так дергать защиту - в одну сторону, после мгновенной остановки - в другую, вперед-назад. Все время ставил перед обороной головоломные задачи. Уследить за ним было очень сложно. И отнять мяч - тоже.

Иванова я бы поставил в ряд самых лучших диспетчеров нашего и зарубежного футбола. Диспетчерские функции обычно достаются опытному игроку, но опыт, как видим, не определяется лишь количеством лет, проведенных на поле.

Чтобы оценить скорость Стрельцова, надо еще учесть его массу. Соперники от него отлетали. А знаменитая стрельцовская пятка!.. Этот пас пяткой неповторим. Если Эдик играл на подъеме, то защита была бессильна.

Иногда знаменитого форварда упрекали, что он мало передвигается, много стоит на поле. Я очень смеялся, когда прочел в стрельцовской книге «Вижу поле», как ругала его за это мама. Фотография в книге есть замечательная: знакомый Эдик в белой торпедовской форме, знакомая поза - руки в боки, будто вышел на поле передохнуть, будто не волнует его борьба, оставшаяся за кадром, и подпись: «Стою... Но ведь не просто так стою.

Сейчас придумаю что-нибудь». Он ждал момента, когда надо рвануться, отдать точный пас товарищу или самому забить гол, доставив удовольствие болельщикам, потерявшим терпение: «Почему Стрельцов стоит?!»

Кстати, и Боброва упрекали, что мало движется, и я, случалось, слышал грозный крик с трибун: «Симонян, бегать надо!»

Пауза мне нужна была для рывка вперед. Может быть, в сегодняшнем футболе нас приучили бы действовать по-другому. Да уже и в то время, когда стал играть в паре со Стрельцовым в сборной, я перестроился, увеличил объем работы. Играл не только в атаке, но выполнял и диспетчерские и оборонительные функции. А прежде был направлен в основном на движение вперед. Вперед и только вперед, открыться - и снова вперед...

Вот и Стрельцов говорит:

«Да, я мог отстоять и сорок минут, и сорок пять, но вот за пять или даже за одну минуту вступления, включения в игру мог сделать то, чего от меня ждали, требовали.

В самом начале игры или в самом ее конце - неважно - я, случалось, и забивал гол, становившийся решающим».

Действительно, так оно и было. Делал то, чего от него больше всего ждала команда. Но для соперника действия Стрельцова, который мог поначалу показаться слишком спокойным, даже флегматичным, всегда являлись неожиданностью, застигали врасплох.

Помню, команда «Торпедо» принимала ереванский «Арагат». Я опоздал на игру минут на шесть-восемь. Взглянул на табло: «Арагат» выигрывает 3:0. Глазам не поверил. За шесть минут на чужом поле - игра проходила в Лужниках - забить три мяча! Сел, стал смотреть.

Эдик был, видимо, не в настроении, а может, смирился уже с неудачей, еле-еле передвигался по полю и почти не участвовал в игре. Защитники «Арагата» сбили его раз - он встал, отряхнулся, косо посмотрел на обидчика. Потом задели второй раз, хотя не имели оснований - он не шел напролом к воротам. Я подумал, что же они делают? Ведь он и играть-то сегодня не хочет, видно, считает, что матча уже не переломить. Но его уложили на землю и в третий раз, причем очень грубо. И тут он взорвался. Что началось!..

Стрельцов не ответил грубостью, но стал терзать оборону. Играть в полную свою мощь, и мячи полетели в ворота один за другим. Кого-то из торпедовцев удалили с поля, они остались вдесятером и все-таки победили 4:3. Без всякого преувеличения можно сказать и по-другому: победил Стрельцов, он выиграл матч.

Футболистом он был настолько ярким, что никто не гадал, впервые увидя семнадцатилетнего Эдика, выйдет ли что-то стоящее из парня или не выйдет. Его талант не вызывал сомнений.

Я уже говорил, в сборной играл с ним в паре: он на острие атаки, я немного сзади. Мне исполнился тридцать один год, Эдику - двадцать. Его двадцатилетие мы отмечали в 1957 году в Болгарии, куда приехали на товарищеский матч. Так и вижу проход Стрельцова к воротам. Он получил мяч за центральной линией, набрал скорость и пошел вперед, обыгрывая одного защитника за другим. Когда вошел в штрафную площадку, на нем буквально повисли, он вырвался, протасил за собой одного защитника, вцепившегося в майку, вытянул на себя вратаря, отдал мяч чуть назад - Исаеву, и тот закатил его в пустые ворота.

С появлением Стрельцова в сборной я все чаще оставался на скамейке запасных. Но ревностного чувства к нему, как и к Боброву, не испытывал. Передо мной были и талант и молодость. Он только что взошел, а я уходил. И хорошо понимал, что играть осталось недолго. К тому же Эдик подкупал своим простодушием, добросердечием. И по сей день такой же.

После того как он совершил проступок, вырвавший его надолго из нормальной жизни, из футбола, мы спрашивали себя, друг друга: предвещало ли что-нибудь эту беду? Наверное, предвещало. Молод, окружен толпой поклонников, для всех - Эдик. Вокруг полно желающих пригласить в ресторан, в пивную. Людей, для которых смысл жизни - приобщиться к чьей-то славе, хоть отбавляй. Такие в собственных глазах вырастают, если могут сказать: «Вот выпивали мы однажды с Эдиком...» Или: «Поспорили мы тут с Сергеем Сальниковым...» Эдика всюду приглашали, а отказывать, отказываться он не умел.

Был и предупреждающий звонок, когда они с Валентином Ивановым опоздали на поезд - команда ехала в ГДР на ответственный матч с польской сборной. Поезд нагнали уже в Можайске, где он сделал вынужденную остановку по распоряжению ответственного товарища из Министерства путей сообщения. Эдик искупил вину игрой - вышел на поле с недолеченной травмой, забил один из двух голов. Ему все простили, все забыли. А поступи с ним строже, кто знает, может, и уберегли бы от случившегося потом, вскорее.

Мы тогда досадовали, злились, осуждали его, ругали, но... не перестали любить. Я очень уважаю его за то, что мужественно перенес наказание, не сломался, смог снова занять достойное место в большом футболе. Когда Эдуард вернулся домой, ему разрешили играть в первенстве Москвы за клубную команду автозавода. Его не забыли, и он по-прежнему был настолько популярен, что во время любой игры его команды происходило столпотворение. Где бы ни назначался матч - в Филях или в Черкизове, - на стадион устремлялись тысячи болельщиков. Шли на Стрельцова. В конце концов ему разрешили играть за команду мастеров. И дважды он признавался лучшим футболистом сезона. Какой же надо иметь талант и волю, чтобы после долгого перерыва вновь обрести себя.

Думаю, Эдуард Стрельцов сильнее многих звезд, о которых захлеб писала вся мировая пресса, особенно после Стокгольмского чемпионата, куда он уже не попал. Если бы не случилось... Да что теперь говорить!

Стрельцова знают не только те, кто видел его на поле восемнадцати-девятнадцатилетним, когда мы в сборной звали его «наш бэби». Он и в шестидесятые годы был любимцем трибун. И сейчас, когда выступает за команду ветеранов, к нему проявляют невероятный интерес и почтенные болельщики и молодые, которым хочется собственными глазами увидеть живую легенду.

В 1982 году мы снова оказались с Эдуардом в одной команде - сборной ветеранов страны, которая отправилась в Будапешт на встречу со сборной ветеранов Венгрии. Стрельцова, как и всех известных мастеров - неизвестных, собственно, не было, - очень тепло приветствовал стадион.

Мы все, разумеется, изменились. Вышел на поле с трудом узнаваемый Ференц Пушкаш, раздобревший, растолстевший. Мелькнуло: интересно, как будет играть, не помешает ли солидный живот? Но когда он погасил высоко летящий мяч, остановил, раздался шквал аплодисментов. Когда Пушкаш делал передачи, предельно точные и выверенные, мы узнавали прежнего Ференца, его коронную левую ногу. Я еще раз убедился в том, что класс игрока остается классом. И Эдик тогда тоже блистал. И мы снова играли с ним в паре...

Он не стал большим тренером. Работал с юношеской командой. Его постоянный напарник на поле Валентин Иванов тренирует, как известно, «Торпедо». Взрывной, беспокойный, неуравновешенный. Во время игры кричит иногда не умолкая. Встречая, пытаюсь его урезонить как младшего: «Что ты кричишь, Валя? Ведь ты же Иванов!» Не действует. Его голос слышен с первой до последней минуты: «Шавейко, куда летишь?! Полукаров, можешь точнее?» Характер, видимо, не переделаешь. Говорит, если не буду кричать - меня хватит инфаркт. Напряжение, согласен, страшное. Оно усугубляется еще и тем, что сам тренер был блистательным футболистом и весь матч, все девяносто минут, не останавливаясь, «играет» - «бежит» и «бьет», то за одного, то за другого. Знает, видит, как бы сам это сделал, как делал лет двадцать назад, но не все ведь могут подняться на высоту его бывшего мастерства...

И в матче ветеранов в Будапеште демонстрировалось былое, неутраченное. Интересная была поездка. Встреча с молодостью, с прославленными героями футбола пятидесятых годов, которые дважды победили Англию, были в финале чемпионата в 1954 году.

Снова предстали перед нами наши бывшие грозные соперники - Бузанский, вратарь Грошич, Хидекути... К сожалению, уже не было среди них Йожефа Божика. Лев Яшин, Игорь Нетто и я ездили на кладбище поклониться его могиле, возложили цветы...

В последний раз мы виделись с Божиком, когда я тренировал сборную СССР и приехал в Будапешт посмотреть венгерскую команду, с которой предстояло вскоре встретиться. Божик, отыграв, ушел из футбола и не пробовал себя в тренерской роли. Открыл маленький частный магазинчик, на витрине которого красовались кофточки.

Мы искренне обрадовались друг другу, отправились обедать, и он очень проникновенно говорил о той нашей сборной, в которой я играл, - о Яшине, Нетто, Сальникове, Стрельцове, Иванове. Я тоже сказал ему, что он для нас эталон игрока не просто техничного - интеллигентного.

Йожеф был красив. Похож на американского актера Роберта Тэйлора. Им все любовались. Он и на поле не разочаровывал многочисленных своих почитателей.

И с Пушкашем и с Грошичем нам было что вспомнить через много лет. С Грошичем сложились почему-то особенно теплые отношения. С ним и с Львом Ивановичем Яшиным поехали из Будапешта в маленький городок на встречу с болельщиками. Стоял душный июнь, палило солнце. Мы сидели посреди площади на деревянном помосте, под самым солнцепеком, и отвечали на неиссякавшие вопросы. Нас спрашивали о предстоящем чемпионате в Испании, о шансах сборных разных стран. И вдруг кто-то спросил меня, сколько мячей я забил в свое время Грошичу? Ответил - ни одного, уверенный, что речь идет об официальных международных матчах. Но, услышав это, Дьюла поднялся, взял микрофон в руки и сказал, как бы за меня извинившись:

- Жарко, поэтому Никита Симонян запомнил. Он забивал мне. - И рассказал о матче «Гонвед» - «Спартак», который состоялся в день открытия «Непштадиона» в 1953 году. «Спартак» тогда специально, в знак уважения, пригласили на праздник.

Не пожелал Грошич приписок к славе, которая и без того велика: один из лучших вратарей мира. До сих пор в венгерском футболе нет равного ему.

В сборной Венгрии пятидесятых годов были не просто классные игроки, а игроки экстра-класса. Команда выглядела очень солидно. Отличная техника владения мячом на высокой скорости. Великолепное футбольное мышление, футбольный интеллект. Полное взаимопонимание. И каждый игрок - яркая индивидуальность: сам мог поставить сложную задачу, выполнить ее, создать партнеру выгодную ситуацию, завязать комбинацию, завершить ее, обыграв одного соперника, второго...

Неудивительно, что они победили бразильцев на чемпионате мира 1954 года. У тех была техника ради техники, виртуозность ради виртуозности. Из этого создавался культ. Думаю, что урок, который преподали венгры, заставил их перестраиваться, может быть, благодаря этому появилась тактическая новинка, которую они продемонстрировали через четыре года в Швеции.

Многие специалисты признают, что сборная Венгрии была сильнейшей командой мира в 1954 году. Почему же в таком случае венгерские футболисты уступили золотые медали команде ФРГ? Наверное, немалую роль тут сыграла чисто психологическая уловка противника. В предварительных играх, зная, что они уже прошли, попали в следующий этап, западногерманские футболисты выставили на матч с венграми ослабленный состав. Те разгромили их со счетом 8:3, в какой-то степени усыпив собственную бдительность. Встретившись с поверженным соперником в финале, венгерские игроки не сомневались, видимо, что и на этот раз легко с ними справятся. Но тут футболисты ФРГ проявили характер, волю к победе, высочайшую дисциплину. Несмотря на то, что проигрывали 0:2, сумели переломить ход матча в свою пользу.

И тем не менее та блистательная сборная Венгрии многому всех научила, и нас в том числе.

...И вот встреча почти через тридцать лет. Бархатный газон стадиона и наш давний соперник. Постепенно захватывает чувство азарта. Без азарта нет игры. Я коснулся ногой мяча, и тотчас как из-под земли вырос защитник - обыграть, обойти! - глаза привычно выхватили из образовавшейся толчеи открытого товарища - пас! - и снова вперед. Невольно отмечаю: техника у наших соперников все та же, а вот скорость... Ну а сам-то ты? - гашу критический настрой. Немало постиг, немало понимаешь в футбольном искусстве, немало знаешь, но жизнь уже столкнула с одной из своих величайших несправедливостей: в молодости, когда есть силы - не хватает опыта, с возрастом, когда он тебя распирает - убавляется сил. Бегу по полю, бегу, как мне кажется, ничего, но это только кажется. Раньше-то - летел!

Когда играешь против ветеранов - еще куда ни шло. Силы вроде бы равны: и ты утратил скорость, и соперник ее подрастерял. А вот когда мы, мастера, выходим на матч с командой второй лиги, тут испытание посложнее. Нередко досадуешь: черт тебя дернул выйти на поле, не смог справиться с желанием поиграть. Продемонстрируешь ли ты вот этому мальчику свое футбольное мышление, если у него такие моторные ноги?

Но спроси любого футболиста, сколько бы лет ему ни было: хочется играть? Уверен, ответит: хочется.

В Будапеште мы тренировались на острове Маргит. Уже вечерело. А мы с Виктором Папаевым и Александром Максименковым на зеленой лужайке перебрасывали друг другу мяч, не давая ему коснуться земли. Сколько это продолжалось - не знаю, увлеклись. Вокруг собрался народ, глядя на нашу работу как на цирковой номер. «Представление» прервал Лев Иванович Яшин, вспомнивший, видимо, о своих начальственных полномочиях - он был руководителем делегации: «Ну хватит вам, хватит! Как дети, честное слово!» - проворчал добродушно, забыв, что и сам такой же...

После игры вспоминали давние матчи. Пушкаш заметил, что против нас сложно было играть, что мы компенсировали их преимущества в технике плотной опекой, лучшей физической подготовкой. Да, физически мы бывали готовы лучше. Это наш конек. Венгры не любили, когда с ними играли плотно, не давали свободно принимать мяч. Ведь если ты получил мяч - ты хозяин, соперник уже должен искать противодействие против тебя.

Не так давно югославский тренер Милян Милянич, много работавший в разных странах, рассказывал мне о знаменитых футболистах, с которыми его сводила жизнь. Коснулись в разговоре и Пушкаша. Как известно, он эмигрировал из Венгрии в 1956 году, а когда появилась возможность вернуться, не воспользовался ею. На родину приезжает часто, а живет в Испании.

Милян заметил, что никогда не поймет его: «Дом есть дом. Но отрадно, что Ференц остался прежним человеком. Немало зарабатывает и тут же все тратит на друзей. Прежний простой хороший парень». Мы

согласились друг с другом, что в успехах футболиста не последняя роль принадлежит его характеру. Рядом с себялюбцами, у которых огромное самомнение, играть тяжело. Беспокоясь, как бы кто из товарищей не проявился лучше, чем они, такие звезды тем самым и у себя немало крадут - в коллективной игре, коей является футбол, игрок прежде всего раскрывается в умении действовать коллективно.

Вспоминаю, как работал на команду Бобби Чарльтон, как направлял партнеров, безупречно владея искусством передачи. Универсальный мастер! Когда-то играл левого крайнего, потом перешел в полузащиту, и здесь раскрылся его истинный талант - диспетчерский. В 1966 году был признан лучшим футболистом Англии и Европы. Давно закончил играть, а другого такого диспетчера в английском футболе не появилось.

Кто-то, быть может, заметит, что я повторяюсь в характеристиках, но не от бедности слов, делаю это сознательно, ведь разговор о явлениях не столь частых. Диспетчерами, как вратарями и форвардами, тоже рождаются. В бразильском футболе родился Диди. У нас Григорий Федотов, Николай Дементьев, Сергей Сальников, Константин Бесков, Валентин Иванов, потом Юрий Гаврилов, Александр Заваров... Это все дирижеры на футбольном поле.

От игры Бобби на чемпионатах мира всегда получал наслаждение. Но сразиться нам не пришлось. На чемпионат 1986 года в Мексику он прибыл в качестве комментатора. Увиделись мы с ним на приеме у президента страны - такая честь была оказана ветеранам футбола. Потом летели в одном самолете: я спешил в Леон на матч нашей сборной со сборной Франции, а Чарльтон следовал дальше - в Монтеррей, где должны были выступать англичане.

Второй раз чемпионат мира проводился в Мексике. И память, цепляясь за многие знакомые уже названия, невольно возвращала к событиям шестнадцатилетней давности.

- О, Леон, Леон!.. - воскликнул Бобби, узнав, куда я лечу. И я понял, что он имеет в виду один из матчей того давнего чемпионата: английская сборная играла в Леоне со сборной ФРГ, и Чарльтон как раз участвовал в этой встрече. Англичане вели 2:0, потом игра вдруг разладилась, Чарльтона заменили. Хорошо начал, его команда упустила победу. Понимая друг друга без слов, мы оба лишь развели руками - вот он, футбол!

Я расспрашивал его об английском футболе - всегда питал к нему большой интерес, - о Билли Райте, против которого не раз играл. Как центрфорварду мне теснее всего приходилось контактировать с защитниками и вратарями. Волей-неволей изучал их характерные движения, манеру, повадки. Испытал на себе жесткость многих центральных защитников. Но спорт есть спорт, терпи, если это не хамство, обыгрывай.

Однажды в матче «Спартак» с московским «Динамо» динамовский защитник Володя Кесарев сбил Анатолия Ильина. Тот упал и, лежа на земле, пытался интеллигентно выяснить отношения:

- Что ж ты делаешь, Володя?

- Не виноват! Надо быстрее с мячом работать, Толя!

Как-то напомнил Кесареву об этом давнем эпизоде. Он засмеялся, юмор ему не изменяет: «Но ведь уже тогда футбол шел по пути овладения скоростной техникой, я это понимал и поделился своими соображениями с Анатолием».

Вот и Билли Райт был защитником жестким. Я впервые встретился с ним в матче с командой «Вулверхэмптон», за которую он выступал. Это было осенью 1954 года, когда «Спартак» пригласили в Англию на товарищеские игры. Первый матч состоялся в Лондоне с командой «Арсенал». Борьба была очень тяжелой. С первой минуты до последней мы играли под такой рев трибун, что невозможно передать. «Арсенал» сразу же предложил бурный темп, демонстрируя высокую технику и хорошее взаимопонимание.

В середине первого тайма одна из комбинаций англичан увенчалась успехом. Мяч получил капитан «Арсенала» Лоджи, правый полусредний, и сильным ударом в нижний угол открыл счет. Лишь на сорок третьей минуте нам удалось забить ответный гол. Во второй половине чаще атаковали мы и минуте на пятнадцатой забили второй мяч. Счет так и остался 2:1.

После поражения «Арсенала» англичане большую надежду возлагали на команду «Вулверхэмптон Уондерерс», знаменитых «волков». Многие газеты предрекали наше поражение и даже счет предсказывали - 0:4. На следующий же день после нашей игры с «Арсеналом» появился дружеский, если можно его так назвать, шарж. Были нарисованы вратарь Миша Пираев и ваш покорный слуга. Причем я, как бы прислушиваясь, говорю Пираеву: «Странно, товарищ, но я слышу далекий вой волков». Это была психологическая атака, нас старались запугать. Мы смеялись: «Откуда англичанам знать, что у нас есть на сей счет своя пословица: «Волков бояться - в лес не ходить».

Мы готовились к этой игре столь же серьезно, как и к предыдущим. И в первые минуты захватили инициативу. Несколько раз у ворот соперника возникали голевые ситуации, но мы, к сожалению, их не реализовали. Помню, вышел один на один с вратарем, он выбежал навстречу, я перебросил мяч через него. Мяч летел прямо в ворота, но в последнее мгновение его выбил подоспевший защитник... Это был Райт, один из лучших футболистов Англии.

Тайм завершился вничью. А после перерыва началось! Первый гол «волки» забили на 15-й минуте, второй - на 41-й из-за грубейших ошибок наших защитников. Они были так растеряны, что уже не смогли собраться, и буквально за три минуты англичане забили еще два мяча. Такого поражения «Спартак» не знал много лет. Все английские газеты победно трубили, восхваляли «волков».

Жаль, что многие прежние футбольные спектакли не увидишь - слишком поздно родилась техника видеозаписи. Бесценные уроки могли бы преподнести нынешним футболистам старые пленки.

«Волки» тогда показали нам чисто английскую манеру игры - фланговые проходы, передачи в центр. И из центра пятерка нападающих неслась к воротам. Особенно выделялись три рослых форварда, прекрасно играющих вверху, головой - это в традициях англичан. Когда наш худенький, тоненький Миша Пираев вышел на перехват верхового мяча, то эта тройка буквально пронесла его над своими головами, он пролетел, как по волнам.

Больше всего я, естественно, запомнил пружинистого, вездесущего Билли Райта, доставившего мне немало неприятностей. Ни одного мяча не дал забить!

Следующая моя встреча с ним произошла на чемпионате мира в Швеции, в Гетеборге, на стадионе «Нью-Уллеви». В один из моментов, когда борьба за мяч шла на нашей половине поля, Билли похлопал меня по плечу и жестами показал, мол, не надо так много бегать. Тем же способом я ответил, что и ему не стоит столь усердно гоняться за мной. Оба улыбнулись, на этом диалог закончился. Но гол тогда я все-таки забил!

Закончив играть, он немного занимался тренерской деятельностью, потом стал спортивным комментатором на телевидении. В этом качестве приезжал в Советский Союз. Увидев меня на стадионе в Лужниках, мой бывший опекун распротер руки и пошел навстречу. Крепко обнялись. Обменялись традиционным «Как живешь?», и Райт сказал, что жизнью доволен - на телевидении куда спокойней, чем на тренерской скамейке.

При всей своей жесткости на поле Билли проявлял неизменную доброжелательность к соперникам. Потому и встречались мы через много лет как добрые друзья.

Во время того турне «Спартака», когда я познакомился с Райтом, мы смотрели очень интересный матч сборной Англии со сборной Уэльса, и я впервые увидел Стэнли Мэтьюза. Он выполнял роль правого крайнего нападающего. Повторял постоянно один и тот же финт: раз, раз - и уходит вправо. Казалось, любой защитник, тем более если уже выступал против него прежде, должен бы усвоить этот «фокус», как дважды два, но не тут-то было. Отнять мяч у Мэтьюза почти невозможно. Он неизменно обыгрывал своих соперников и обыгрывал очень красиво. Не хамил, не грубил. Демонстрировал высочайшее рыцарство на поле, высочайшую корректность, можно даже сказать, изысканность манер.

Мир не знает другого футболиста, который бы играл столь долго, как Мэтьюз - до пятидесяти лет! Это феномен. Его восковая фигура установлена в музее мадам Тюссо. Ему присвоен титул сэра. Когда Стэнли входил в раздевалку своей команды, все игроки почтительно вставали.

В последний раз я видел Мэтьюза по телевизору. Как всегда, сэр демонстрировал свои великолепные финты, обводку. Этот матч был особенным - Стэнли Мэтьюз прощался с футболом. Сборная Англии, за которую он выступал много лет, играла против сборной мира. Ворота сборной защищал Лев Яшин.

Пожалуй, у каждого известного футболиста - свой конек. Один в одном особенно силен, другой - в другом. А вот Пеле... Кто скажет, в чем особенно был силен Пеле, Эдсон Арантес до Нассименто? Природа наделила Пеле столь щедро, что в мастерстве его нет ни единого слабого, уязвимого места.

Его имя стало известно миру в 1958 году, а сейчас идет 1988-й. Тридцать лет минуло, а футболиста не только равного ему, но и подобного, пока нет. Сравнивали с ним Эйсебио, сравнивают Марадону, Платини. Однако он по-прежнему остается королем футбола.

Единственный раз я встречался с ним на поле. Он начинал играть, я заканчивал. Но тогда в матче с бразильцами на шведском чемпионате мы не запомнили его, вернее, не оценили. Может быть, оттого, что Виктор Царев сыграл против него удачно и не дал ему по-настоящему проявиться. А может, оттого, что сверкал в тот день Гарринча - дал настоящий концерт, и Вава забил два великолепных мяча, и Диди был ярок. Даже в напряжении игры, в нашем отчаянном положении нельзя было не восхититься ими.

А дальше... Неизвестный доселе семнадцатилетний парень в полуфинале забил два мяча французам, в финале - два мяча шведам. Эти матчи бразильцы выиграли с одинаковым счетом - 5:2.

Когда потом смотрели на пленке голы, которые забивал Пеле, оставалось ощущение непостижимости. Стоит спиной к воротам, за спиной у него опекун, а он, принимая мяч на лету, перебрасывает через защитников - гол! Никто встрепенуться не успел.

Снова увидел я Пеле через четыре года на чилийском чемпионате мира. Курортный городок Винья-дель-Мар - «виноградник у моря» в переводе с испанского, - матч сборных Бразилии и Чехословакии.

С самого начала атака за атакой накатывались на ворота чехов. Возглавлял нападение Пеле, имя которого после шведского чемпионата не сходило со страниц газет и журналов. И здесь, в Чили, он был звездой номер один. Неизменно ускользал от бдительных своих сторожей и удар за ударом наносил по воротам соперника.

Иногда пишут, что Пеле в том матче нанесли травму. Это не соответствует истине. Во время игры мы с Олегом Александровичем Ошенковым сидели на трибуне в качестве тренеров-наблюдателей и видели, как все произошло.

Пеле получил мяч на правом фланге, резко рванулся влево, обыграл защитника и, не доходя до штрафной площадки, хлестким ударом отправил мяч в дальний угол ворот, но он попал в боковую стойку, отскочил в поле. И тут же Пеле схватился за пах. Вскоре попытался двинуться с мячом вперед, но не смог и, согнувшись, поплелся к боковой линии. Подбежавший массажист начал колдовать над ним.

Пеле вернулся на поле, остался на правом фланге до конца первого тайма, однако играть был уже не в состоянии. Его партнеры поняли, что потеряли лидера, и только в случае крайней необходимости отдавали ему пас.

Но что это? Мяч у Пеле, а его никто не атакует. Он здоровой ногой делает короткую передачу своему партнеру, и только после этого чехи бросаются к мячу. Так повторялось несколько раз - Пеле щадили, - и всякий раз трибуны устраивали чехословацким футболистам овацию: благородство не может не восхищать. А Пеле хорошо знал и других соперников, совсем другое отношение к себе.

Его всегда жестко опекали, иначе и быть не могло. Каждый опекун следовал за ним, не отрываясь, как тень. Но и это было бесполезно, он переигрывал всех и забивал. Лев Яшин однажды пошутил: «Против Пеле лучше всего играть в хоккей». Наверное. На футбольном поле не было ему равных. Казалось бы, такое мастерство может вызывать лишь одно чувство и у партнеров, и у соперников - уважение. Казалось бы, это счастье - выйти против Пеле. Попробовать себя в таком противоборстве. Пусть проиграет, но проиграет Пеле! А его нещадно били.

На чемпионате мира в Англии устроили настоящую охоту за ним. Португальские игроки вели себя так, будто появились на поле с единственной задачей - вывести из строя опасного форварда бразильской команды. Когда избитого, укрытого одеялом Пеле уводили с поля, он плакал...

Обычно говорят, в футболе все бывает, потому, мол, и играют в него не барышни - мужчины. Конечно, футбол не может обойтись без азартной борьбы, без острых столкновений. Но охота за лидерами, за звездами возмутительна. Я вовсе не хочу сказать, что надо расступаться перед ними во время матча, создавать особые условия для демонстрации мастерства. Против них надо, может быть, играть жестче, чем против других, менее опасных футболистов, но все делать в пределах правил. А когда устраивают гон, бьют сзади, исподтишка, игра в мяч кончается, балом правит подлость.

Сколько раз, уходя покалеченным с поля, он клялся: «Все! Оставляю этот жестокий футбол. Не вернусь! Никогда!»

И все-таки возвращался. Казалось, не увидим его больше после чемпионата 1966 года, где его покалечили зверски, но в 1970 году он появился в Мексике.

Может быть, клятвы были искренними. Диктовались болью, чувством протеста против разнузданного хамства, жестокости. А может быть, в них проявлялись и капризы звезды. Стремление лишней раз привлечь к себе всеобщее внимание.

Об этом не думалось, когда на очередном чемпионате узнавали, что в сборной Бразилии - Пеле. Он снова выйдет на поле, покажет свое мастерство - это было главным.

В 1970 году он забил итальянцам хрестоматийный гол. Я видел его в записи, ибо нашим тренерам-наблюдателям приказали вернуться домой после того, как советская сборная не попала в полуфинал. Хорошо, что велась запись, обидно было бы футболистам и тренерам не увидеть этого матча. Пеле к тому времени

разнообразил свою игру - отошел несколько назад, выполнял диспетчерские функции. И вот была фланговая передача с левого края, он выпрыгнул и головой положил мяч в нижний угол ворот. Видно было, что кладет он мяч, куда хочет, куда нужно.

Но разве только этот гол должен войти в футбольную хрестоматию? Довелось мне смотреть часовой учебный фильм «Пеле»: он демонстрирует мальчишкам спортивной школы свое искусство, технику владения мячом. Где зарыт талант? И рост у мастера небольшой - 172 сантиметра, и торс довольно плотный. Но мышцы эластичны, и прыгучесть, владение телом - кошачьи. Если бросился к мячу - мяч будет у него.

Почти в каждом матче случалось: он в куче, в плотном кольце соперников, и вдруг - раз, раз, раскидал игроков, выскользнул с мячом. Настоящий уж, не удержишь. Три сезона он играл за «Космос», нью-йоркский клуб, собравший одно время созвездие имен. И популярность футбола в США неимоверно подскочила: еще бы, на поле выходил сам футбольный король.

Все знают, что он богат. Сумел сделать бизнес, не в пример Гарринче, который тоже был звездой.

К портрету Гарринчи, написанному мной по следам непосредственных впечатлений от встреч в 1958 - 1959 годах и оставшемуся в моей старой записной книжке, хочу добавить еще несколько строк.

На чемпионате в Чили он неожиданно раскрылся как организатор игры. Если раньше действовал в основном на правом фланге, где был очень грозен, то теперь начал перемещаться по всей половине поля соперника. Питал своих партнеров точными умными пасами и сам выходил на ударную позицию.

Игра бразильцев в подгруппе на том чемпионате не поражала воображения. Мне даже казалось, что англичане, которые должны были встретиться с ними в четвертьфинале, могут их обыграть. Я сказал об этом английскому журналисту Джою, нашему давнему знакомому - он когда-то играл центральным защитником в «Арсенале» и участвовал в матче против московского «Динамо» в 1945 году. Джой, улыбнувшись, ответил примерно так: твоими бы устами да мед пить.

Начавшаяся встреча сразу опровергла мои прогнозы. Бразильская сборная была явно сильнее - она вообще с каждым матчем играла все лучше и лучше.

Счет уже 2:1 в пользу бразильцев. Сместившись на левую половину поля, Гарринча овладел мячом и пошел в лоб на защитника. Едва уловимым движением корпуса заставил его метнуться за собой влево, а сам, резко уйдя вправо, почти с угла штрафной площадки, закрутил мяч так, что, описав дугу, он ядром вонзился в дальний верхний угол ворот англичан. Увидев после игры Джоя, я смущенно развел руками, а он сказал: «Смейся, мой друг!» Героем финального матча Бразилия - Чехословакия снова стал Гарринча.

Этот матч судил Николай Гаврилович Латышев, и, к слову, не могу не рассказать о происшедшем с ним случае. Он мечтал взять себе после игры мяч на память, а мы говорили ему: «Смотрите в оба, чтобы бразильский массажист Америко снова его не похитил, как это уже было в Швеции». - «Можете быть спокойны», - загадочно улыбался Латышев.

Счет уже 3:1 в пользу бразильцев. Матч подходил к концу. Мяч укатился за боковую линию, и футболист чехословацкой сборной собирался ввести его в игру, но тут рядом с ним возник Латышев, взял мяч в руки и дал финальный свисток.

На поле началось ликование бразильцев. А Николай Гаврилович с трофеем в руках, довольный, что всех перехитрил, спокойно направился в туннель. Вдруг откуда ни возьмись на арбитра наскочил негр с бритой головой, выбил мяч из рук, подхватил его и исчез. Все это было так неожиданно, что ошеломленный, обескураженный Латышев остановился и стал растерянно озираться вокруг.

Правда, счастливые бразильцы подарили судье мяч со своими автографами. Но он был новеньким, не побывавшим в памятном поединке...

На следующий день мы улетали домой и в аэропорту встретили чемпионов мира, ожидавших вылета на родину.

Ко мне подошел бразильский журналист Салданья, который когда-то тренировал и «Ботафого», и сборную Бразилии. С ним был Гарринча.

- Гарринча, - обратился он к нему, - это Симонян. Ты помнишь его? Вы встречались в Швеции, а потом в Бразилии.

Гарринча, слабо улыбнувшись, подал мне руку. Рука была вялая, влажная.

- Он болен, - сказал мне Салданья. - У него высокая температура. И вчера играл совсем больным.

Да, чаще всего трибуны не знают, в каком состоянии выходит на поле футболист - с травмой или недомоганием. А выходит он, несмотря ни на что, дабы не подвести команду. Гарринча сыграл в финальном поединке так, что никакому здоровому не снилось. Он стал настоящим героем чилийского чемпионата, этот застенчивый, вышедший из самых низов народа, Гарринча - Манозель Франсиско дос Сантос.

А Пеле в последний раз я видел в 1982 году, во время испанского чемпионата, но уже, разумеется, не на поле. Закончились игры в подгруппах, и мы вместе с директором высшей школы тренеров Вячеславом Васильевичем Варюшиным (оба приехали в качестве наблюдателей) летели из Барселоны в Мадрид на финальные матчи. В аэропорту был длиннющий хвост - все устремились в столицу. Очередь начиналась за пределами аэровокзала. Но хозяева этот ажиотаж предвидели, и самолеты отправлялись один за другим через каждые пятнадцать минут. Мы с Варюшиным уже прошли регистрационные формальности, ждем объявления о посадке.

Тут наше внимание привлекла большая толпа репортеров. Щелкали без конца фотокамеры, поднятые высоко над головами и направленные в центр толпы. В центре был Пеле. Он шел в окружении своей большой свиты, у него наперебой брали интервью. Толпа остановилась недалеко от нас. Молодая девушка лет двадцати двух, которая была рядом с Пеле, отошла в сторону, села в кресло, устав, видимо, от репортерского натиска. Кто-то сказал: это новая жена Пеле. Как же так? - подумалось невольно. Весь мир умилялся семейной идиллией знаменитого футболиста. Газеты, журналы не уставали печатать фотографии Пеле с женой Роз-Мари и детьми. Они всегда появлялись вместе на телеэкранах. И такая перемена?

В самолете наши с Варюшиным кресла оказались перед креслом Пеле. Рядом с ним сидел рослый мулат, видимо, телохранитель. Мне как-то неудобно было напоминать о том, что мы с ним встречались на поле, но Вячеслав Васильевич сразу обратился к нему, представился и представил меня.

- Да, да, - улыбнулся Пеле. - Я помню тот матч. Первый мой чемпионат и первый матч на чемпионате. Мое крещение!

И тут же спросил: «Как Яшин?» Услышав от нас, что Лев Иванович будет в Мадриде, обрадовался: «Счастлив с ним увидеться. Глубоко уважаю его как футболиста, как человека».

Все неповторимые футболисты, мне кажется, повторяли друг друга только в одном - в умении играть на коллектив. Свое творческое «я» они сочетали с этим умением. Бобров, Стрельцов, Пеле, Гарринча... - все.

Если среди соперников оказывается сильный футболист, стремящийся и умеющий забивать сам, то тренер обычно дает указание одному из своих игроков: «ТВОЯ задача лишь закрыть его, не дать пройти с мячом к воротам». Но куда сложнее закрыть мастера, который может не только сам забить, но и партнера вывести на ударную позицию, партнеру создать условия для гола. Получив мяч, он способен, как мы говорим, тотчас «отстучать» его. Один пас - и у ворот опасность, которую уже нельзя предотвратить.

Так играл Йоханн Круифф. Его партнер Неескенс говорил о нем: «Голландский стиль требует Круиффа. Мы начинаем медленно - нужен Круифф с его молниеносными рывками, рефлексам, чтобы подготовить взрыв. Он способен одной передачей форсировать темп, вскрыть оборону, после чего забить гол не так уж сложно».

В игре Круифф являлся и дирижером и тренером. Он не достиг такого индивидуального мастерства, как, скажем, Пеле, но по футбольному мышлению, по таланту организатора игры был выше. Делает молниеносный рывок вперед и тут же кричит партнеру, чтобы он отошел назад, или бросает вперед партнера и занимает его место. Всегда руководил игрой Лев Яшин. Есть вратари, которые немые, как рыбы, ни слова не скажут, ничего не подскажут защитникам, а Лев Иванович руководил не только обороной - возьми того, перекрой этого, - но и игроками линии атаки. Организация игры начинается с вратаря. Нередко приходится наблюдать, как, получив мяч, вратарь засветит его подальше, не думая, куда попадет. Полевые игроки, мол, разберутся. А Яшин направлял мяч точно в то место, откуда может развиваться атака. Предугадывал передачи.

Роль Яшина в команде я хорошо почувствовал, когда мы играли вместе в сборной. Уверенность вратаря непременно передается остальным. Если знаешь, что вратарь надежен, играешь раскованнее, спокойнее. А когда ворота защищены некрепко, то при приближении к ним соперника все, от защитников до нападающих, начинают дрожать.

Когда мы стали играть в паре со Стрельцовым и на меня легли диспетчерские функции, Гавриил Дмитриевич Качалин обычно говорил на установке: «Атаку начинаем с Никиты, ищите Никиту». Как только Яшин получал мяч, я открывался, зная, что сейчас будет передача мне. И мяч падал точно под ногу, даже если я бывал в сорока-пятидесяти метрах от ворот - так бросал наш вратарь. В сборной всегда все были уверены: Лева не подведет.

Прощаясь с большим футболом, Лев Иванович говорил на празднике, устроенном в его честь, о счастливой жизни, которую прожил в спорте. В этой жизни было немало побед. Яшин не обойден самыми высокими спортивными, правительственными наградами. Его имя знают во многих странах мира. Он популярен и любим, как ни один другой футболист. Завидная судьба. Но она уготовила и немало испытаний, драм, в которых не каждый бы выстоял.

После чемпионата мира в Чили, где во встрече с Колумбией наша сборная сыграла вничью и в результате не вышла в полуфинал, на Яшина посыпались обвинения: он виноват, он пропустил четыре мяча!

Искося стали поглядывать на него тренеры: стоит ли доверять ему ворота сборной? Разгневались болельщики - от любви до ненависти, как известно, один шаг: «Яшина с поля! Яшина на мыло! Яшина на пенсию!» Когда он брал мяч, защищая динамовские ворота, раздавались жидкие ехидные хлопки - поглядите-ка, он еще что-то может, он старается...

Трудно даже предположить, чем бы все кончилось. Но Яшина в это время пригласили на матч сборной мира со сборной Англии. Он так стоял в воротах, такие брал мячи, что стадион ревел, стонал от восторга. И, возвратившись домой, Яшин стал для болельщиков прежним Яшиным, прежним любимцем.

Человек он сильный и волевой - недаром носит имя Лев, - но собраться перед тем ответственным, показательным матчем после свиста трибун и ему было нелегко. Тем более что отличает его огромная мера требовательности к себе и, я бы сказал, совестливости. А такие люди, чем бы они ни занимались, не могут мириться со своими неудачами именно в силу совестливости - заедят себя.

Начиная футбольную карьеру, он вряд ли воспарял в честолюбивых мечтах и видел себя лучшим вратарем страны, Европы, мира. Это не по-яшински, не в его характере. Да и начало не предвещало триумфа.

В воротах «Динамо» появился долговязый парнишка, заменивший невысокого, крепко сбитого, прыгучего Хомича, который получил травму. В этом матче с динамовцами «Спартак» проигрывал 0:1. Шла передача в штрафную площадку, и вдруг долговязый новичок выскакивает на перехват мяча, да невпопад. Николаю Паршину стоило чуть коснуться мяча головой, и он через вратаря полетел в сетку.

Вернувшись в раздевалку, мы обсуждали игру, и кто-то сказал: «Слава богу, что этот малый пенку пустил!»

Яшин рассказывает в своей книге, в каком отчаянии был тогда.

- Не ошибусь, если скажу, что подобного промаха на выходе Яшин больше не допустил. Он не устает повторять вратарям: «Не уверен - не выходи. Если вышел, иди до конца». А то случается иной раз, вратарь собрался выйти и остановился на полпути, а ворота пустые, незащищенные, и нередко это оборачивается голом. Не знаю другого вратаря, который бы так видел игру, так предугадывал атаки соперника, так умел занять единственно верную позицию в воротах и так блистательно играть на выходах. Один вратарь прекрасно берет верхние мячи, другой хорошо реагирует на нижние - Яшин умеет все.

Принимая мяч, он редко падал. Чем выше класс вратаря, тем меньше падений. Бывает, что вратарь, к удовольствию болельщиков, демонстрируя самоотверженность, бросается на землю, а мяч можно просто погасить.

Забить ему было крайне трудно. Высоченная фигура. Разведет руки в стороны - закроет все ворота. А тут еще кепка на голове, которая со временем стала как бы знаком «непробиваемости». Все забываю у него спросить, менял ли он когда-нибудь кепку. Думаю, нет. Вратари суеверны. Кто-то бросает талисман в угол ворот, кто-то кладет запасные перчатки. У вратарей особая психология: не имеют права ошибаться. Ошибка кончается голом. Когда мяч в воротах - виноват вратарь. Не забьет нападающий, упустит вернейший шанс - это ничего. А пропустит мяч вратарь - и партнеры разгневаются, и публика.

На соперников, по-моему, действовало само имя - Яшин! Мне понятно, почему некоторые блистательные игроки не могли забить ему пенальти. На чемпионате Европы 1963 года не мог реализовать одиннадцатиметровый Алессандро Маццола, выдающийся итальянский футболист, превзошедший в футболе даже своего знаменитого отца, погибшего в авиационной катастрофе.

Игроки, которые всегда безошибочно били в любой угол, пробивали рядом с Яшиным. Он не только за счет мастерства побеждал в дуэлях, но психологически их выигрывал. В воротах Яшин - и форвардов связывает неуверенность.

Я бил ему, как обычно, как всем вратарям, а забил всего один гол. Теперь при случае напоминаю: «Видишь, какой я верный друг - всего один гол забил». Хотя говорить надо, наверное, не так - не «всего один», а «все-таки забил».

Три раза он участвовал в чемпионатах мира. Двадцать лет защищал ворота нашей сборной.

Секретов при себе не держал. Очень доброжелательно относился к новичкам, но терпеть не мог разгильдяйства, равнодушия. Однажды, как всегда руководя игрой, сделал справедливое замечание нападающему, который боялся перестараться, а тот грубо ему ответил. Ошеломленный Лева, вернувшись в раздевалку, отвесил самоуверенному грубияну затрещину. Его разбирали на собрании, он признал вину - нехорошо заниматься рукоприкладством. Но можно ли спокойно наблюдать, как десять игроков выкладываются, себя не щадя, а одиннадцатый стоит? Готов был учить всему, что умеет сам. Думаю, немало дал он второму динамовскому вратарю Владимиру Беляеву, а ведь при соперничестве (если один в воротах, то другой - на скамейке запасных) отношения зачастую складываются непросто. Яшин же был открыт, я бы даже сказал, простодушен.

Он обычно не обижается по мелочам, умеет снисходить к слабостям и недостаткам товарища, видеть сквозь них главную суть человека. Склад ума - мужицкий, трезвый, крепкий. Никогда не сорвется. Скорее я сорвусь, хоть тоже не отличаюсь особой импульсивностью: «Да ладно, бросьте вы!», а Лев Иванович не скажет ни «ладно», ни «бросьте», будет терпеливо все объяснять, спокойно доказывать. Может, любимая рыбалка помогает обрести такое равновесие?

Однажды я пристал к нему: «Лева, ну что это за страсть? Сидишь и сидишь на берегу, ждешь и ждешь когда клюнет. От тебя ничего не зависит. Объясни ты мне, какое тут удовольствие?» Объяснил: «Смотришь на воду, на блесну, от всех треволнений отключаешься - мир прекрасен». Что ж, каждому свое. Наверное, это занятие больше для голкиперов, чем для форвардов.

Немногие при громкой славе остаются скромными, простыми людьми. Яшин не заносился, не требовал к себе особого отношения, снисхождения.

К славе выдающегося вратаря он прибавил и другую славу: весь мир его знает как открытого, обаятельного человека. Отсюда и невероятная его популярность.

Обычное зрелище на любом чемпионате - звезда, окруженная почитателями. Но как по-разному держатся звезды! Снисходительная улыбка, снисходительное помахивание рукой - я вежлив, но не могу к вам спуститься, я неземной. Лев Иванович проявлял неизменное уважение к людям. Обступят его сто человек, все сто будут просить автограф, и он никого не обойдет. Иногда ждем его в автобусе, он виновато оглядывается на нас и терпеливо подписывает открытки, которые ему протягивают, газетные фотографии.

К нему с большим почтением относятся очень многие выдающиеся футболисты. Когда в 1983 году мы проиграли сборной Португалии отборочный матч чемпионата Европы, к нам в автобус вошел Эйсебио.

- Извините, что вторгаюсь в такую минуту, но очень прошу, передайте, пожалуйста, привет Льву Яшину.

Потом мы встретились с Эйсебио в Мексике, извинялся уже я, что не оказали ему тогда должного приема, и сообщил: привет Льву Ивановичу передали. Эйсебио просил: «А как он сейчас? Как живет?»

В последние годы мы работали с ним вместе в Управлении футбола. Когда-то Яшин был начальником футбольной команды «Динамо», потом его почему-то отстранили от этой должности, а к другой работе в клубе не привлекли, хотя он был знаменем «Динамо». И Лев Иванович оказался в тени. Вот уж поистине, в своем отечестве пророка нет.

В это время в Управлении футбола появилась должность государственного тренера по воспитательной работе. Стали думать, кто может ее занять. Ну, конечно, Яшин! Кандидатуры лучше, достойней и быть не могло. Воспитывало само его появление в любой сборной, любом клубе, его авторитетное слово.

Встречи Яшина с трудовыми коллективами, с футбольными - он никогда ни перед кем не отказывался выступить, - его выезды за рубеж, его встречи с руководителями федераций, с болельщиками прибавляли авторитета всему Госкомспорту СССР. Его всюду знают и чтут. Финны, например, ежегодно проводят турнир имени Льва Яшина.

Подкралась беда - держался очень мужественно. Давно его беспокоили боли в ноге. Особенно плохо чувствовал себя в Венгрии, во время поездки на матч с ветеранами. По возвращении услышал приговор врачей: ампутация, другого выхода нет.

Как откликнулся весь мир на его несчастье! О болезни Яшина передали все агентства. В Управление футбола отовсюду звонили, пришли телеграммы от всех национальных федераций футбола. Письма, открытки поступали к нему со всех концов Советского Союза, из других стран, все спрашивали: чем можем помочь? Приезжали делегации от рабочих коллективов из самых разных городов. И он, несмотря на тяжелое состояние,

всех принимал в больнице, со всеми разговаривал, всех благодарил. Только перед близкими друзьями мог иногда на какое-то мгновение обнаружить свои переживания, но тотчас брал себя в руки.

- Ты еще выйдешь на поле, - говорил я ему, - сделаешь первый удар по мячу, - и он кивал в ответ: выйду!

Живет как жил. По воскресеньям ловит рыбу, даже на подледный лов ездит, и много работает. Недавно мы проводили его из Управления футбола на работу в общество «Динамо». Надо сказать, возвращался он в родной клуб с радостью. Это правильно, что его пригласили и что он не отказался.

Мне, правда, было грустно, что теперь будем реже видеться. И он, вероятно, подумал о том же:

- Да, Палыч, а кто же теперь чаек мне будет готовить?..

СМОТРИМ, СУДИМ...

В «Сухуми» мне кричали: «Давай, Микишка!» Это не могло не нравиться - на меня надеялись, и я «давал».

Первые три года в «Крыльях Советов» не стали яркими страницами моей футбольной биографии. Зажался, оробел, оказавшись рядом с мастерами, присматривался, учился. Но вот, наконец, почувствовал уверенность, и трибуны - удивительное дело! - сразу как бы откликнулись на это чувство. Даже личный поклонник у меня объявился - высокий, сутуловатый черноволосый парень, нос с горбинкой.

Подошел, представился: «Меня зовут Женя, фамилия Симонов. Учусь в ГИТИСе, надеюсь стать режиссером. А пока я только сын Рубена Николаевича Симонова. Давно слежу за вашей игрой...»

Я смутился: чем привлек его внимание? Он сказал, что ему не просто нравится, как я играю, ему кажется, что я перспективный футболист. Мы познакомились, подружились.

И дружим с Евгением Рубеновичем, который долгое время был главным режиссером театра Вахтангова, до сих пор.

Дифирамбов в ту пору мне никто не пел, да и не за что было. А когда попал в московский «Спартак», в великолепную пятерку нападающих (моими партнерами стали Парамонов, Дементьев, Терентьев, Сальников, которого потом, после перехода в «Динамо», заменил Александр Рысцов), то, как говорят в футболе, заиграл. Стал забивать мячи. Это лучший подарок болельщикам. Есть победы, есть голы - слышишь свое имя с трибун: «Давай, Никита!» Сладостная поддержка. Но тут же можешь получить и оплеуху - довесок к славе: «Бегать надо, Симонян!» Трибуны ничего не прощают. Не кинешься наверх объяснять, отчего ты не в форме. Вышел на поле - играй!

Если говорить о спартаковском духе как воле к победе, то дух этот воспитывался, закалялся и благодаря болельщикам. Трибуны с первого удара до финального свистка так поддерживали команду, что нельзя было подвести нашего союзника, нашего двенадцатого игрока.

- Если должен играть «Спартак», я уже утром просыпаюсь с сознанием, что сегодня произойдет значительное событие. И весь день проходит под эгидой этой мысли. И она всегда для меня торжественна. Время меня не изменило. Играет «Спартак», и наступает состояние особой праздничности, как полвека назад, - говорит мне мой друг Алексей Михайлович Холчев (я уже знакомил с ним читателя) в свойственном ему романтическом настроении.

Он с десяти лет болеет за «Спартак» и до седины остался верен любимой команде.

О спартаковских болельщиках можно написать отдельную интересную книгу.

Верным поклонником «Спартака», к примеру, был Константин Сергеевич Есенин. И нам льстило, что такой знаток футбола, его истории болеет за нас. Некоторых почему-то удивляло, что сын великого поэта - инженер, да еще занимается какой-то футбольной статистикой. А занимался он ей очень скрупулезно и с невероятным увлечением. При встрече мог радостно сообщить: «А знаете, я нашел еще один ваш гол! Уже зачислил его в ваш актив». И начинал рассказывать, в каком году, в каком матче и как, при каких обстоятельствах, этот гол был забит.

Константин Сергеевич интересно рассказывал, писал о своих находках. В нем было редкое сочетание несовместимых, казалось бы, свойств - педантизма с горячностью, бурным темпераментом...

В годы острого соперничества «Спартака» с ЦДКА и «Динамо» соперничали между собой и болельщики этих команд. Пикировались, старались уколоть друг друга. Известно, что «Спартак» вырос из команды «Промкооперация», и динамовские поклонники не упускали случая уязвить спартаковских: «Динамо» - не какая-нибудь артель».

Зато мы любили говорить, что за другие команды болеют по принадлежности к ведомствам (милиция - за «Динамо», военнослужащий - за ЦДКА), а за «Спартак» - по зову сердца. Среди наших болельщиков и рабочие, и интеллигенция, причем самый цвет - известные актеры, врачи, писатели. Лев Абрамович Кассиль сказал однажды: «Все хорошие люди болеют за «Спартак». Правда, среди «хороших» хватало и отъявленного московского послевоенного хулиганья. Как про команду говорили «сплав опыта с молодостью», так и болельщик наш был весьма причудливым сплавом.

...Едем после окончания сезона из Тбилиси в Москву. (В середине пятидесятых годов скоростных лайнеров не было, передвигались все больше на поездах). Дорога долгая. Мы набивались обычно в купе к Николаю Петровичу Старостину. Он не уставал что-нибудь рассказывать, а мы с упоением слушали.

Вспомнил он драматически сложившийся для «Спартака» матч с московским «Торпедо» в 1955 году (наша команда тогда проиграла со счетом 3:4).

- Вам ведь незнакомы чувства болельщика, - сказал Старостин. - Вы сыграли, приняли душ, сели в автобус, разъехались по домам, а нам приходится все выслушивать. Зритель бывает огорчен настолько, что чувств своих сдержать не может. И говорит - как режет. Вот выхожу я после того матча со стадиона со своей супругой Антониной Андреевной. Подходит ко мне пожилой работяга с бутылкой: «Ну, что, Николай Петров?! Разбить о твою голову бутылку за проигрыш? Разбил бы, да жаль седин твоих. Бог с тобой!»

Тут уже в рассказ Старостина вклинивается скрипучий голос Николая Алексеевича Гуляева:

- Это что! На мою жену Машу после этого же матча один ханыга так налетел, что пришлось ей сумкой обороняться. Я вскипел от ярости, думал, прибью его, но потом остыл: сумка у Маши тяжелая была, так что он сполна получил.

Но был и другой уровень общения с болельщиками. Актеры Малого театра, Художественного, вахтанговцы... Виктор Яковлевич Станицын, Анатолий Петрович Кторов, Рубен Николаевич Симонов не упускали случая, чтобы прийти к нам в раздевалку, побыть с нами, поговорить.

Заранее знали: будет матч, и мы непременно увидим Михаила Михайловича Яншина. Нередко его можно было встретить в тоннеле, который ведет на поле - здороваётся со всеми, доброжелательно улыбается. После игры ждали - сейчас он появится в раздевалке в сопровождении Андрея Петровича Старостина, с которым дружил с юности.

Если мы выиграли, Михаил Михайлович поздравлял нас с победой, проиграли - вставал в сторонке и молча, внимательно за всеми наблюдал. Не исключая, что ему как актеру было небезынтересно состояние людей, победивших или потерпевших поражение.

Актеры также всегда интересовались, как спортсмены готовятся к выходу на игру. Почему один шутит, а другой не вымолвит ни слова? Если я, например, начинал зашнуровывать бутсы, меня уже нельзя было трогать. Не терпел, чтобы кто-то из посторонних обращался ко мне с вопросами в этот момент или отпускал шутки в мой адрес. Взрывался и просил отойти. Мне нужно было сосредоточиться.

И Михаил Михайлович, будучи образцом интеллигентности, понимал наше состояние, с уважением к нему относился. Только после матча иногда обсуждал с нами те или иные моменты встречи и никогда не высказывал кому-то: «Что-то ты сегодня плохо играл». Он лучше нас, видимо, знал, что могут быть дни хорошие и плохие, подъемы и спады, в которых сразу не разобраться. Ему лучше, чем нам, было знакомо недовольство собой, самоедство.

Он не любил слова «болельщик», считал себя поклонником, другом команды.

Однажды журналисты устроили в кафе «Аэлита» встречу с футболистами и хоккеистами - это был как раз удачный для нашего футбола и хоккея год. Пришел на эту встречу и Яншин. И когда ведущий спросил: «Может быть, кто-то из присутствующих актеров хочет выступить?» - давая понять, что вечер украсили бы концертные номера, Михаил Михайлович, уловив в этом бестактность, возмутился. Сказал, что мы можем и покувыркаться, и спеть, и подекламировать, но в другой раз, а сегодня мы пришли посмотреть на своих любимцев, которые очень много сделали для нас, послушать их.

Незадолго до смерти Яншина мы случайно встретились с ним в овощном магазине. Он плохо себя чувствовал, но, увидя меня, оживился, начал вспоминать давние матчи, разные курьезные футбольные эпизоды. Мы смеялись вместе, и он все повторял: «Нет, а вот это ты помнишь?..» Прощаясь, сказал: «Спасибо тебе, что ты сегодня повстречался на моем пути, мне теперь на неделю хватит бодрости и здоровья».

Иной раз неловко себя чувствуешь: такие выдающиеся деятели искусства относятся к тебе с большим почтением. Не к тебе лично, разумеется, а к футболистам вообще, к футболу.

В 1950 году мы выиграли Кубок и нас чествовали в Центральном Доме работников искусств. Надо сказать, шли мы к Кубку триумфально. Обыграли «Зенит», сильную в то время команду - 3:1, ЦДКА, легендарных лейтенантов - 4:0, московское «Динамо» - 3:0. Поэтому услышали в тот вечер немало теплых слов. И вдруг ведущий зачитал телеграмму: «Коль в команде есть Никита, то она не будет бита. Ты силен и знаменит, шлю привет от всех Никит». Автором телеграммы был композитор Никита Богословский, человек с неиссякаемым чувством юмора, мастер остроумнейших розыгрышей.

А когда я тренировал «Черноморец» и мы в Москве обыграли ЦСКА 2:1, получили такую телеграмму: «Был болен, выздоровел! Ребята, поздравляю вас с победой! Так держать! Старый одесский футболист Леонид Утесов».

Наверное, все болельщики из старых футболистов. Не могу себе представить, чтобы кто-то в детстве или юности не гонял футбольный мяч, не забивал голов, не рос при этом в собственных глазах, не ликовал. Не все становятся футболистами, находят призвание в другом, но азарт не иссякает, недоигранное в детстве «доигрывается» на трибунах с той же страстью - бурной радостью, жгучей досадой: «Ну как же так?.. Мы же почти выиграли!..»

«Мы» - не преувеличение. Игра на поле - для зрителя. И команде очень нужен для подъема зритель активный, неравнодушный. Актеры это понимают как никто, и я не замечал, чтобы они отсиживали футбольное время ради одного умозрительного интереса: ну-ну, что-то нам сегодня покажут. Всегда захвачены пылом борьбы и потом не сразу отходят.

Как-то после проигрыша «Спартака», в бане, народный артист Сергей Блинников взял большую метлу и сказал:

- Ну что ж, друзья мои, хоть я вас и люблю, но сейчас с величайшим удовольствием отстегал бы вот этой метлой!

Мы взмолились:

- Сергей Капитонович, ну что делать? Виноваты - исправимся.

Актеры, конечно, болеют и за другие команды. С Георгием Павловичем Менглетом у нас хорошие отношения, я его поклонник, надеюсь, и он не питает ко мне никаких недобрых чувств. Но когда во время одной телевизионной передачи Менглета спросили, за какую команду болеет, он не ответил просто - за ЦСКА, а со страстью выпалил: «Я ненавижу «Спартак»!»

И Яншин, и Кторов, и Симонов, и Менглет не раз говорили о том, что многое роднит футбол и театр, сравнивали искусство и спорт. Хотя актеры играют заданную драму, а на поле драматические коллизии возникают спонтанно, все «пишется» на глазах, здесь тоже многое зависит от выбора исполнителей, их творческого начала, от режиссуры, насыщенности репетиций, от вдохновения. В футболе не всегда объяснишь, отчего игра не идет, в театре, рассказывали они, не всегда предугадаешь, как сложится сегодня уже много раз сыгранный спектакль.

Однажды я смотрел «Лес» в Малом театре. Мне показалось, что первое действие разворачивается вяло. В антракте Борис Израильевич Тылевич, администратор театра, давний друг «Спартака», заметил мне: «Не надо спешить с выводами, во втором действии спектакль наберет высоту - Счастливец, без сомнения, одна из лучших ролей Игоря Ильинского».

Мы направились в гримерную Игоря Владимировича - он просил зайти, - и я сказал ему: «Слышал, что второе действие пройдет с блеском». Он засмеялся: «Да-да, я вам обещаю, во втором тайме гол забью!» И действительно «забил». Перед зрителями предстал великий актер. Будучи уже в почтенном возрасте, Ильинский играл молодого человека. И играл с юношеским пылом. Я еще раз понял, что такое мастерство и требовательность к себе.

Когда довелось мне выступить перед труппой Малого театра, очень приятно было видеть среди собравшихся Игоря Владимировича. К сожалению, по многим приметам, он плохо себя чувствовал, но просидел большую половину встречи - так волновали его футбольные события.

Всегда интересовался футбольными новостями и Рубен Николаевич Симонов. Он был не только страстным болельщиком - настоящим ценителем футбола, знал толк в игре, однако не позволял себе кого-то журить, давать советы. Правда, меня, поскольку я часто бывал в его доме, мог спросить в периоды наших неудач: «Никита, когда начнем играть?»

Любил общаться с футболистами, посидеть с ними, поговорить. Однажды позвонил Евгений Симонов, мы выяснили, что у него и у меня свободный вечер, я пригласил его в гости, спросив со слабой надеждой, не захочет ли приехать и Рубен Николаевич? Сын передал ему трубку - голос низкий, хрипловатый. Симонов-старший болел, почти не выходил из дому. И вдруг, услышав мое приглашение, оживился: «Приеду! Если вот сейчас объявится шофер, обязательно приеду!»

Приехал вместе с Евгением и несколькими актерами-студийцами. Под аккомпанемент одного из них замечательно пел старинные романсы. Вечер был удивительным!

Вскоре «Спартак» отправился на юг - на игры, а когда возвращались, в поезде по радио услышал: «Вчера скончался народный артист СССР...» Сразу кольнуло: Симонов!

На панихиде в Вахтанговском театре передо мной стояли две старушки, видимо, заядлые театралки, верно, помнившие еще и самого Вахтангова, переговаривались меж собой, вздыхая, горюя: «Осиротел театр».

Чем дальше, тем лучше осознаю, какое это счастье, что мне довелось видеть многие спектакли, поставленные Рубеном Симоновым, что видел «Филумену Мартурано» - до сих пор это одно из самых ярких моих театральных впечатлений, - где Рубен Николаевич сыграл свою последнюю роль.

А ведь благодаря футболу, его ярким поклонникам я открыл для себя, полюбил театр. Сейчас представить не могу, что было бы, если б обошла меня такая радость жизни.

* * *

Как существуют разные национальные футбольные школы, так и на трибунах проявляются особые черты и свойства национального характера.

Неистовы бразильцы. Бьют барабаны, зрители вскакивают, приплясывают, кричат, танцуют самбу. Одно действие на поле, другое - на трибунах. Оба действия зрелищны.

Четырнадцать тысяч бразильцев-болельщиков было на чемпионате мира в Испании. Надо сказать, организаторы чемпионатов очень разумно распределяют места на стадионе - болельщики разных команд сидят на разных трибунах, таким образом уменьшается вероятность столкновений. Покупая билет, сообщаешь, за кого болеешь. Хорошая практика. Стоило бы и у нас ее учитывать. Все бразильские болельщики были в футболках своей сборной. И когда их сборная проиграла итальянцам, футболки исчезли - их свалили в кучу и сожгли.

В Мексику болельщиков из Бразилии прибыло еще больше, и на стадионе в Гвадалахаре, где бразильская команда проиграла сборной Франции, происходило то же самое - страсти, рыдания, слезы. И на следующий день бразильцы покинули страну.

Южная и Латинская Америка особенно славятся своими экспансивными болельщиками - любовь к футболу плюс взрывной темперамент. Доводилось видеть даже, как на площадях сжигают чучела тренеров.

Влияние болельщиков на игроков очень сильно. Недаром - об этом свидетельствует статистика - чаще выигрывают на своем поле, чем на чужом.

Темпераментно болеют испанцы, итальянцы...

Однажды на олимпийском стадионе в Риме я стал свидетелем незабываемого зрелища. На поле - футбол (товарищеский матч советской сборной и клуба «Рома»), на трибунах - настоящий музыкальный спектакль. Болельщики, поддерживая свою команду, пели хором неаполитанские песни, арии из опер Пуччини и Верди. И хотя матч закончился нашей победой, это отнюдь не означает, что оглушительное, тысячегорлое «Форца «Рома!» не повлияло на игроков. Несмотря на все наши старания, счет остался минимальным - 1:0.

Сдержанно ведут себя датчане, шведы, норвежцы, финны - вроде бы так им и полагается, по нашим представлениям.

А вот первая моя встреча с английскими болельщиками - напрочь опрокинула сложившееся всеобщее мнение о корректности и чопорности англичан. В 1954 году товарищеские встречи «Спартак» с «Арсеналом» и командой «Вулверхэмптон Уондерерс» с первой секунды до финального свистка шли под невообразимый рев стадионов. Он ошеломлял, давил.

Перед матчем с «Арсеналом», во время разминки, с трибун неслись звуки колоколов, трещоток. Один болельщик с колоколом выбежал на поле и стал мешать нашему вратарю Мише Пираеву, Под восторженные крики зрителей подводил мяч к воротам и забивал. Михаилу стоило больших усилий сдержать себя...

И у нас что ни город - то нор. Одесского болельщика, скажем, никогда не спутаешь с ленинградским. Он склонен считать: сильнее «Черноморца» команды в мире нет. Однажды, когда киевляне играли в Одессе и на 10-й минуте счет был уже 2:0 в пользу одесской команды, на трибунах шел такой разговор: «Ну а как же могло быть иначе?! Когда Киев еще не знал, какой он мяч - круглый или квадратный, - Одесса уже была в Лондоне». Когда она была в Лондоне, никому, естественно, неизвестно. Может, имелся в виду какой-нибудь одесский корабль, пришвартованный в порту далекой страны?

Счет сравнялся, потом стал в пользу киевлян, с трибун кричали вратарю: «Да вставай уже побыстрее. Простудишься! И что ты там полчаса идешь до своего мяча?» Киев победил 4:2, и болельщики расходились со словами: «Тут нечего делать! Неинтересная игра».

Как-то в пятидесятые годы довелось ехать в Кишинев через Одессу, и «Спартак» проводил тренировку на одесском стадионе «Динамо». Я получил тогда травму, не тренировался, сидел на трибуне недалеко от

Старостина. Вокруг Николая Петровича собралась толпа. Он никогда не отказывался поговорить, отвечал на вопросы. Одесситы его расспрашивали, который тут Татушин, а который Исаев, который Нетто... Николай Петрович, человек по своей природе очень любопытный, любящий не только поговорить, но и послушать, сказал им: «Ну, хорошо, у меня вы все выпытали, а расскажите мне теперь, как ваши футболисты».

Собеседники стали так расхваливать Старостину свою команду и каждого игрока в отдельности («Та что там ваш Татушин?.. Та что там ваш Ильин!.. Вот у нас...»), что один из них не выдержал: «Слушай, чудак, выдерни штепсель! Ведь завтра, не дай бог, Николай Петрович половину наших пригласит в свой «Спартак», и мы их не увидим, как собственных ушей».

Но, видно, из чувства противоречия кто-то уже повернул разговор совсем в другую сторону: «Что там наш Фурс! Он же вашему Татушину в подметки не годится! Он же одноногий! Татушин против него - Мэтьюз!»

Когда тренировал в Одессе «Черноморец», мне было очень интересно общаться с болельщиками. Сезон 1981 года начался для нас довольно удачно: сразу выиграли несколько кубковых игр, дошли до четвертьфинала. И вот прихожу утром на стадион, меня встречает незнакомый человек и торжественно говорит: «Поздравляю, Никита Павлович!» Я осторожно гашу его пафос: «Подождите, еще рано». - «Как рано, Никита Павлович? Уже время половина одиннадцатого, чтоб вы знали...»

Есть еще темпераментный грузинский болельщик. Он прекрасно разбирается в футболе и при всей своей горячности умеет ценить хорошую игру, с уважением относится к команде-сопернице, если она показывает высокий класс. Это мы, спартаковцы, ощущали на себе, если доводилось играть в Тбилиси.

В последние годы все больше наблюдаю болельщика в непосредственной близости - сижу с ним рядом на трибуне. Люблю, когда вокруг гомонят, спорят, кричат, бурно выражая радость или досаду. Футбол не может проходить в тишине. А в последнее время уж слишком устроился на стадионах порядок. Так и болельщиков не останется на трибунах - устроятся дома у телевизоров, чтоб не «достали» их строгие административные порядки. Не удивлюсь, если услышу однажды: «Товарищи любители футбола, бурно болеть на нашем стадионе нельзя. Болея, соблюдайте тишину!»

Конечно, хулиганов, сквернословов надо воспитывать. Одно время не находили управы на болельщиков-фанатов, которые шли косяками, сметая все на своем пути, дико орали... Это страшно, и нужны были крутые меры. Но нельзя перегибать палку. Азарт, страсть трибун и хулиганство, оскорбление игроков и болельщиков из «вражеского» стана - вещи совершенно разные.

Когда начинал играть в «Спартаке», поражался, сколько верных поклонников у этой команды в самых разных городах страны. И очень трогала их преданность клубу. Где бы ни проходил матч, мы получали огромное количество телеграмм, открыток. От людей известных и неизвестных, от коллективов бригад, от моряков, находящихся в далеком рейсе, от полярников... Боялись читать их перед матчем - расчувствуешься, воспарить, а надо собраться. Все в нас верят - не разочаровать бы верных друзей.

Когда «Спартак» приезжал в Киев, на вокзале нас непременно встречал Петр Попов. Немолодой уже человек с нелегкой судьбой - прошел войну, стал инвалидом. Мы относились к нему как к родственнику. Все дни в Киеве он проводил с нами. На стадион и со стадиона ездил вместе с командой.

И вот однажды едем на матч, и Петя - мы звали его Петей, так он сам хотел, - начал рассуждать о футболе. А я как тренер перед игрой требовал тишины. Уверен, посторонние разговоры, шутки, анекдоты расхолаживают команду.

- Петя, извини, но прошу тебя замолчать, - обратился я к Попову. - Команда едет на игру!

- Никита Палыч, - с достоинством отвечивал мне Петя, - команда - это я!

Все засмеялись. Пришлось сдаться:

- Ты прав. Продолжай. Куда мы без болельщика?

Каждый футболист может рассказать немало случаев, когда именно болельщик заряжал и его и всю команду, заставлял переломить игру.

Очередной матч очередного чемпионата. Игра у «Спартака» не идет. Закончился первый тайм, и вдруг дежурная в раздевалке мне говорит: «Вас к телефону». В принципе я мог бы и не подойти: надо было давать указания команде на вторую половину матча. Но почему-то подошел. И вдруг слышу: «Никита! Это генерал Родимцев с тобой говорит. Что же твои ребята так плохо сегодня играют? Передай им, что генерал болеет за них. Может, постараются, а?» - «Я обязательно им это передам, товарищ генерал! - отвечаю. - Я и сам игрой недоволен». Вернулся в раздевалку и говорю: «Вот что, друзья мои. Звонил генерал Родимцев, дважды Герой

Советского Союза, герой Сталинградской битвы. Он смотрит игру по телевизору, волнуется и просит сыграть получше».

И выиграли мы этот матч.

Команда побеждает - и болельщик ликует вместе ней. Иногда даже больше, чем тренер и футболисты. Но вот ускользнет удача, и поддержки - в этот момент она, может, больше всего нужна, - как не бывало. Болельщик может вдохновить и лишит вдохновения.

Пришел на матч между московским «Спартаком» и «Днепром», объявляют составы команд. Как только диктор, перечисляя игроков «Днепра», назвал фамилию Гаврилова, раздался оглушительный свист. Мне стало не по себе.

Ясно, спартаковские болельщики выражали свое отношение к «измене» Юрия Гаврилова, бывшего спартаковца. А ведь он не сам, не по своей воле оставил команду, его фактически освободили. А сколько он дал «Спартаку» за многие годы! Не одной победой команда была обязана его самоотверженной, умной игре. Я, признаться, ждал, что Гаврилова встретят в Москве аплодисментами.

Смотрел игру и волновался за Юрия. Только бы не сник! Пусть лучше разозлится и ответит трибунам. Он ответил - забил великолепный гол! А я, спартаковец, болеющий за этот клуб, был рад.

Да, болельщик бывает разным. Испытал на себе. Он и добр, и благодушен, но он и жесток. Можешь провести десять блестящих матчей под восторженное сопровождение зрителей, но стоит сыграть неудачно, и все - опала. Освистывали и Всеволода Боброва, и Эдуарда Стрельцова. Трудно дались последние годы на поле замечательному футболисту, олимпийскому чемпиону Анатолию Исаеву. Сказывались последствия тяжелой травмы. И все-таки Анатолия включали в основной состав «Спартака» - был лучше многих. А трибуны устраивали ему обструкцию. За что? За то, что был не прежним Исаевым? Сильного человека довели до того, что он просил: «Не ставьте меня в основной состав, когда играем в Москве».

Я был на разных стадионах мира, и мастерство приветствуется везде. Даже если высококлассный футболист не из той команды, которой большинство зрителей отдает свои симпатии, трибуны, как правило, встретят одобрительным гулом хороший прием, точный пас. Великолепный удар - пусть мяч и не попадет в ворота - тоже отметят. У нас же промахов, как правило, не прощают. И некоторые игроки, замечаешь, уже не берут на себя смелость бить по воротам.

Здесь есть о чем подумать, поразмышлять. Кто эти «свистуны»? Просто хамы, хулиганы? Можно назвать их примитивными людьми, которые не могут понять игрока, его состояния, а что изменится? Почему так много говорится о том, что зрителя театрального, кинозрителя надо воспитывать, готовить к восприятию искусства? А разве не нужно воспитывать футбольного болельщика? Не назиданиями, разумеется, не увещеваниями «как не стыдно».

Через день после матча, в котором участвовал Гаврилов, читал газетные отчеты и досадовал, отчего журналисты прошли мимо свиста трибун? Не услышали? Могу ошибаться, но в памяти не осталось случая, чтобы мастера в трудный период - а такие периоды бывают у каждого - поддержала пресса, заставив тем самым и болельщика взглянуть на него по-другому.

Так повелось, что только при новом взлете спортсмена (если он будет, этот взлет) появляются пространственные очерки о нем, проникновенные строки о мужестве, которое понадобилось ему не только для того, чтобы вновь обрести форму, но и выстоять, перенести нетерпимое отношение трибун и вновь вызвать их восторг.

Футбол не может быть без зрителей, и всякому футболисту нужны поклонники. Не честолюбия ради. Это признание, в любом деле человек его жаждет. Но хочется еще и понимания, чтобы не было столь коротким расстояние от любви до ненависти. А для этого, наверное, необходимы регулярные встречи игроков, специалистов с любителями футбола (сегодня таких встреч значительно меньше, чем, скажем, десять-пятнадцать лет назад), необходимы клубы болельщиков. Они, кстати, существовали, но их закрыли. И зачастую зрители имеют представление лишь о внешней стороне жизни футболиста, и видится она им только красивой. Популярность, слава, достаток, поездки по разным городам и странам. Сегодня - Париж, а через месяц, глядишь, и Рим закачается под крылом самолета...

Все это действительно есть. Но Рим и Париж, можно сказать, отдельные эпизоды жизни. И чаще всего они складываются так: прибыл в пункт назначения, сыграл и убыл, не успев оглядеться вокруг. Я много раз бывал в Будапеште, а узнал, оценил его, лишь когда поехал вместе с женой в туристическую поездку. Смог, наконец, побродить по городу, побывать в музеях.

Футболисты сборной сейчас приезжают на матчи буквально впритык. Приземлились днем, вечером - тренировка, на следующий день - игра, на завтра - снова самолет и домой. Хорошо, если рейс прямой, беспосадочный и погода летная, а то просидишь ночь в каком-нибудь аэропорту. Дома же многим игрокам надо сразу отправляться на сбор своей клубной команды.

Во время сбора подъем в 7 - 7.30, часовая работа. Потом завтрак. После завтрака - теория. После теории - вторая тренировка. Затем обед, отдых, и снова тренировка. После нее - восстановительные мероприятия...

Помню, когда тренировал «Арарат», дежурная по санаторию «Армения», где мы жили, видя, как проводит все дни команда, сказала: «Если бы у меня был сын, я бы никогда не разрешила ему стать футболистом».

Жара, дождь, снег, слякоть - работа не останавливается, работа идет. По сравнению с тем временем, когда я играл сам, увеличилось количество нагрузок, повысилась интенсивность занятий.

Перед каждой календарной игрой - карантин: за два дня футболисты уезжают на базу. И после игры команда возвращается сюда же на восстановление. Только наутро, после сауны, массажа их отпускают домой. Если интервал между играми короткий, то зачастую вечером этого же дня надо снова возвращаться на базу. И так в течение всего сезона.

А ведь в любой команде немало людей семейных. Мужей, отцов почтнее хотели бы видеть дома. Однажды на стадионе в Киеве после матча ко мне подошла Ирина Дерюгина, чемпионка мира по художественной гимнастике, жена Олега Блохина, и обеспокоенно спросила, не знаю ли я о планах Лобановского - отпустит ли он игроков домой? Я ответил, что слышал о возвращении команды на базу, и увидел на Ирининых глазах слезы: «Как же так, у него семья...» Что я мог сказать? Она сама была спортсменкой, все понимает, только от этого не легче.

Если подсчитать, Олег Блохин почти по полгода не бывал дома. И так все футболисты, которые играют за клубную и сборную команды. Не знаю другого вида спорта, где было бы столько соревнований, как в футболе. Здесь спортсмен проводит за сезон до 70 игр, иногда и больше.

Я полностью согласен со спортсменом и писателем Юрием Власовым, который на встрече с телезрителями в Останкино сказал, что никакие материальные блага не компенсируют человеку в большом спорте физических, нервных перегрузок и, добавлю от себя, психологических сломов, нередко происходящих потом.

На чемпионат мира в Испанию вместе с нашими футболистами поехали актеры Евгений Леонов и Михаил Ножкин. Их включили в состав делегации. Поскольку команда уезжала на длительное время, то сочли, что ей необходима эмоциональная поддержка, снятие напряжения, и с этой задачей справятся два прекрасных актера, два приятных коммуникабельных человека, интересных в общении.

На первую половину чемпионата приехали по туристическим путевкам жены футболистов. Они не жили с игроками на одной базе, приезжали на матчи из другого города, где остановились, и лишь один из дней им разрешили провести вместе с мужьями.

Но что за этим последовало! После проигрыша разразилась пресса - пошла издевка: привезли, мол, актеров, привезли жен, что за блажь! Это не делает чести нашим журналистам. Всегда надо объективно подходить к любой неудаче и трезво разбираться в ней.

Надо сказать, что жен футболистов других стран всегда можно увидеть на чемпионатах мира. Считается, что они хорошо влияют на состояние мужей. В 1986 году, в Мексике, в гости к нашей команде приехал французский футболист Папен с женой. Ребята их принимали. На пресс-конференции французские журналисты мне задали вопрос, почему не приехали жены наших игроков? Мне трудно было что-то ответить. Сказал, разумеется, что они относятся с пониманием к миссии своих мужей, футболистов национальной сборной.

Думаю, если бы и на этот раз среди туристов оказались жены, то причины поражения в матче с бельгийцами искали бы и здесь...

Не добился спортсмен победы - виноват! И никого не интересует, насколько он выложился. Бывает, встречаясь с болельщиками, в первые минуты ощущаешь барьер. На тебя обрушиваются наступательные вопросы: «До каких пор советский футбол будет топтаться на месте?» «До каких пор мы будем ждать победы на чемпионате мира?» Недавно один профессор-социолог спросил: «Почему наш футбол на низком уровне?»

Но ведь с этим нельзя согласиться. Начинаешь объяснять: мы в десятке лучших команд мира. Игры сборной и наших клубов в официальных, товарищеских встречах получают высокие оценки зарубежных специалистов. Рассказываешь о проблемах, которых у нас великое множество. Плохие условия для подготовки резервов, слаба материально-техническая база, нет хороших полей для массового футбола, не хватает тренеров, которые умеют работать с мальчишками.

В организации футбольного хозяйства мы уступаем многим державам.

Футболистов часто спрашивают, почему вы играете в адидасовской форме, а не в отечественной? Уверяю, не из-за форса и пижонства. Наша промышленность, к сожалению, не выпускает пока такой спортивной одежды, которая отвечала бы необходимым гигиеническим и эстетическим требованиям. Футболки после стирки теряют цвет и форму. И наши бутсы уступают адидасовским (хотя мы и построили по лицензии фабрику), они тяжелее. Если перед ответственными играми взвешивается футбольный мяч, то надо ли говорить, какое значение имеет вес бутс на ногах футболиста? К тому же из года в год выпускается одна и та же модель, в то время как зарубежные фирмы свои модели постоянно совершенствуют.

Казалось бы, разве сложно все это наладить? Здесь я удивляюсь столь же искренне и, может, наивно, как удивляются болельщики: разве сложно выиграть чемпионат мира?

На одном представительном совещании по вопросам спорта руководители разных фабрик нам показывали образцы гетр, футболок, мячей, которые они собираются запустить в производство. Когда я сказал, посмотрев на мячи со шнуровкой, что такие изготовлялись еще в тридцатые годы, и спросил, зачем они сейчас, мне ответили: «Для массового спорта». Но почему же во дворах, на школьных площадках, в детских спортивных школах должны играть подобными пузырями?

И эти производители спортивного инвентаря, наверное, ругают наш футбол за то, что он не первый в мире. Но ведь их мячи не попадут и в сотню лучших. Не выдержат никакой конкуренции. Так что надо взаимно требовать друг от друга.

Разумеется, я не собираюсь оправдывать ни себя, ни всех, кто имеет отношение к футболу - у нас есть над чем работать, у нас много недостатков. Но хотелось бы, чтобы болельщик знал о наших проблемах, представлял их.

...Порой человеку, сидящему на трибуне или в удобном кресле у телевизора, кажется, что только он один и понимает все в футболе, и если б с ним еще советовались тренеры, то сборная страны или его любимая команда не оставались бы без самых почетных титулов и наград. То и дело слышишь: вы неправильно определили состав, ошиблись с заменой, недодумали! Иногда приятели, интересуясь твоим мнением о той или иной игре, тут же перебивают: «Нет, ты не прав! На самом деле все не так!»

Я ни разу не решился посоветовать Евгению Симонову, кого поставить на место Ланового и какие роли отдать Максаковой. Есть разное видение - любительское и профессиональное. Мнение болельщика не всегда совпадает с мнением тренера-профессионала, профессионального игрока. Под профессионализмом я подразумеваю мастерство, овладение делом, отсюда более глубокий, точный взгляд. И слова «я бы сделал так», «я бы вам посоветовал» должны прежде всего оставаться за мастерами.

После мексиканского чемпионата пришел в гости давний приятель, работник Черноморского пароходства, и тут же обрушил на меня шквал критики. Заявил, что в проигрыше с Бельгией виноваты только тренеры, руководство команды: «Зачем вы сняли Яковенко и Заварова? - наступал он на меня. - Зачем ослабили среднюю линию?! Почему не дали установку игрокам отойти на свою половину поля, чтобы лишить бельгийцев возможности играть на контратаках?!» Все попытки объяснить, что Яковенко и Заваров были настолько измотаны, что сами попросили замены, что... Нет, никакие мои слова не принимались. Я не выдержал, взорвался: «Я или ты все видел и слышал? Так расспроси обо всем меня, который знает, какие установки давались, в каком состоянии были игроки, а не суди столь беспечливо и самоуверенно».

Я замолчал, закрыв футбольную тему. Потом мы заговорили о том, что всех волновало в те дни. О гибели теплохода «Нахимов». Мой гость рассказал, как это случилось, по чьей вине произошла катастрофа. Я осторожно заметил, что из источника тоже достоверного слышал несколько другую версию. Но приятель меня тотчас оборвал: «Слушай, что я тебе говорю! Я! Профессионал!»

Лишний раз убедился, что ни в одну область не пустят с суждениями дилетанта, какой бы информацией он ни располагал. А футбол открыт. Он для зрителя, все имеют право судить о нем. Но вот заметил: любители в своих суждениях, как правило, куда уверенней профессионалов.

Приехал в Москву известнейший футбольный специалист Деттмар Крамер. Как-то мы ужинали вчетвером - он, тренеры сборной Мосягин, Морозов и я; говорили, естественно, о футболе и, в частности, о нашей игре с канадцами в Мексике, где был изменен состав команды.

- После этой игры я долго думал, - сказал Крамер, - зачем вы это сделали? Побывав в вашей гостинице, я увидел, как живут игроки: маленькие номера, маленький отель, маленький город за окнами, некуда выйти. Кроме тренировок, подготовки к матчам нечем заполнить жизнь. Что же будут делать освобожденные ребята десять

дней? Подобная жизнь будет угнетать их психику. Мне показалось, что вы совершили ошибку при определении состава. Но тотчас сказал себе: им виднее. И все-таки интересно, чем же вы руководствовались?

И я объяснил. Рассказал, что сидящие сейчас рядом Морозов и Мосягин были за то, чтобы с Канадой играл тот же состав, который провел две первые встречи. Мы с Лобановским были другого мнения и убедили их, что состав необходимо изменить. Потому что, во-первых, группе игроков, на которых легла тяжесть двух матчей, надо отдохнуть. Они впервые участвуют в чемпионате мира, а это всегда огромная физическая и психологическая нагрузка. Во-вторых, стоило проверить в матче, мало что фактически решавшем, насколько готовы другие футболисты к играм подобного уровня. И в-третьих, надо было сохранить хороший психологический климат в команде. Не произведи мы замен, началось бы брожение среди свободных от матчей игроков - зачем нас сюда привезли?

Но мы позаботились и о том, чем занять всех - была составлена насыщенная тренировочная и культурная программа.

Когда мы все это объяснили Крамеру, он, подумав, сказал:

- Ну, это другое дело. Теперь нет вопросов. Вы правы.

Я хочу подчеркнуть, что специалист постарается найти логику в поступках других специалистов, понять ее.

Известно, чем больше узнаешь в любой области, тем меньше уверенности - знаю, постиг все.

В Ереване на тренировки «Арарата» часто приходил кинорежиссер Эдмонд Кеосаян. Он бывал у нас на базе, жил с командой. Присутствовал на всех установках, на разборах игр. Ему хотелось понять жизнь в спорте. Сидел на тренерской скамье во время матчей. Ощутил, как напряжены запасные игроки и тренеры.

Помню, подходит к концу встреча с донецким «Шахтером», остаются считанные минуты, мы ведем 3:0, а мой помощник Оник Абрамян, обхватив голову руками, причитает: «Ара, ребята, забейте еще хоть один мяч, чтобы мы спокойно сидели! Ара, ребята...»

Это потом мы подшучивали над ним, а в тот момент никто и бровью не повел. Все готовы были повторять за Оником: «Ара, ребята...» За несколько минут на футбольном поле что угодно может произойти.

И Кеосаян, сидевший рядом, видно, зарядился нашими нервными токами. Когда на последних секундах матча в прорыв по левому флангу бросился Николай Казарян и помчался под рев трибун, уважаемый кинорежиссер вдруг вскочил, перемахнул через лежащие перед скамейкой трубы, на которые сматывали полиэтиленовое покрытие, подбежал к самой кромке поля и рванул вслед за Казаряном - настолько был захвачен игрой. Раздался финальный свисток, и мы покатались со смеху, увидев, как возвращается смущенный Эдмонд.

Уверен, Кеосаян мог бы снять хороший спортивный фильм. Но когда заговорили с ним об этом, услышал:

- Тебе только так кажется. Да, я кое-что увидел изнутри. Ты скорректировал многие мои прежние оценки. Но я пока не уверен, что готов сказать о футболе что-то новое, открыть неведомые глубины. Я наблюдал команду, ту жизнь, которая скрыта от глаз и о которой не догадываются даже жены футболистов и тренеров, их матери, сыновья. Переживания такие, что о них не расскажешь дома. Но команда - очень сложный институт. За одним дном угадывается второе... Не сразу все постигнешь.

И все-таки я жду его фильм о спорте.

Мне кажется, что пока нет глубоких, психологических картин на спортивные темы. С интересом смотрел работы ленинградского кинорежиссера Виктора Садовского «Удар, еще удар», «Одиннадцать надежд». И все-таки временами ощущал какую-то недостоверность. Почему бы на роли героев не приглашать настоящих спортсменов? Это добавило бы правды. Хотя тут меня могут остановить кинематографисты: «Не нам ли виднее?»

В фильме «Одиннадцать надежд» роль тренера зарубежной команды сыграл Армен Джигарханян, страстный любитель футбола, тренер футбольной команды Театра имени В. Маяковского. Неплохо разбираясь в футболе, он не спешит с суждениями, любит расспрашивать о тонкостях тренерской работы, об игроках. Не раз приходил в раздевалку, когда я был тренером. Старался, как мне показалось, вычислить законы психологической подготовки. Думаю, со своими тренерскими обязанностями он справляется неплохо.

Мне только раз довелось увидеть команду Джигарханяна в деле, но ни одного спектакля с его участием не пропустил: он из моих любимых актеров. Потрясает его способность перевоплощаться - Хлудов, Нерон, Левенсон, Сократ. Когда смотрел спектакль «Трамвай «Желание» по пьесе Теннесси Уильямса, то, честное слово, забыл, что роль Стенли Ковальского играет мой добрый знакомый. Видел лишь отпетого, омерзительного негодяя.

Еще до спектакля мы с женой пригласили Армена на чай. И вот отгремели аплодисменты, вспыхнул свет в зале, и моя жена, человек очень эмоциональный, растерянно спросила: «И с ним мы будем пить чай?!»

А когда появился перед нами Джигарханян, выпалила: «Ты мне противен!» На свои места все вернула оборотительная джигарханяновская улыбка: «Лучшего комплимента не слышал».

Мне кажется, чтобы по-настоящему оценить талант этого актера, надо непременно видеть его в театре. В кино у него немало случайных ролей. Случайной мне показалась и роль зарубежного тренера. Огорчило, что авторы пошли на поводу у штампа: если это тренер профессионалов, то обязательно интриган, не имеющий понятия о спортивной чести, честности. Но ведь чаще всего идет борьба честная, борьба разных футбольных концепций. Мы нередко встречаемся с нашими зарубежными коллегами. Национальные федерации проводят международные семинары тренеров. Идет откровенный обмен мнениями, делимся многими своими секретами.

Сантана, тренер сборной Бразилии, рассказывал, как сложно иметь дело с футбольными звездами: каждый считает себя лидером, незаменимым, и налаживать контакт крайне трудно. Если, к примеру, судья удаляет игрока с поля, то весь гнев провинившегося обрушивается на тренера. И аргентинец Белардо говорил, каких невероятных усилий ему стоило убедить игроков, что они единое целое, команда, а не каждый сам по себе...

Так что отношения между соперниками в спорте складываются интересно с любой точки зрения - и с профессиональной, и с психологической. Соперничая, служим в общем-то одному делу - футболу, его развитию. Победенный чаще всего находит в себе силы и достоинство поздравить победителя. Не просто дежурно улыбнуться или вяло позвать руку, но и объективно оценить его успех.

* * *

Давно уже между футболом и болельщиком появился влиятельный посредник - телевидение.

Правда, когда я рос, телевидения не было. Но события большого футбола не прошли мимо моих сверстников. Мы смогли ощутить напряженность футбольных баталий, «увидеть» сказочно огромный по тем временам стадион «Динамо», хотя он был за тысячи верст от нас, и подлинных мастеров на зеленом поле, «разглядеть» манеру игры каждого из них и даже почувствовать характеры. Весь этот мир приносил нам Вадим Синявский, родоначальник советской школы комментаторов. Под его голос родилось мое поколение футболистов. И мы были уверены, что голос комментатора может быть только голосом Синявского.

А потом появился Николай Озеров, его ученик. И мы, хотя он и не похож на Синявского, его быстро признали. Отчасти потому, что у начинающего комментатора была богатая спортивная биография. Выдающийся теннисист, сорок пять раз становился чемпионом Советского Союза. Любил футбол и играл в футбол - за первую команду «Спартака». Послевоенные игры клубных команд собирали огромное количество народа. С утра до вечера шли матчи - детских команд, юношеских, взрослых...

Спартаковцем Озеров был и остается, хотя репортажи ведет подчеркнуто объективно. Это, видимо, от учителя. Не каждый может взять себя в руки и заглушить свои чувства, а Синявскому это удавалось. Вряд ли кто из радиослушателей догадывался о его особых симпатиях, о том, что он болел за московское «Динамо».

Популярность комментатора зависит, наверное, не столько от того, как часто он появляется на телеэкране, сколько от доверия - возникает оно или нет. Мне не раз приходилось наблюдать во время совместных поездок с Озеровым: все и всюду - в поезде, на улице - встречают его как доброго знакомого, здороваются, улыбаются. Наиболее решительные подходят с вопросами, и он охотно отвечает на них.

Будучи человеком доброжелательным, Озеров всегда готов к общению. Не могу представить без него ни спартаковских вечеров по случаю побед, ни вечеров чествования хоккеистов сборной. Он их не только ведет - участвует в организации, приглашает актеров, деятелей искусств, пользуясь своими личными знакомствами.

Заботится о том, чтобы поднять авторитет того или иного спортсмена: если, скажем, футболист или хоккеист начинает прибавлять в игре, непременно это отметит в репортаже.

Я уже говорил, как близко к сердцу принял он мое решение закончить играть, хотя никакие особые личные отношения нас в ту пору не связывали.

...С удовольствием слушаю репортажи Котэ Махарадзе. Чувствуешь богатство личности комментатора, хотя он отнюдь не старается подать себя, а «подает» футбол. Наверное, все знают, что Махарадзе прекрасный драматический актер - носит звание народного артиста Грузинской ССР, - и это, думаю, помогает ему улавливать драматизм ситуаций на поле.

Видел, с каким почтением относятся к нему в Грузии - довелось присутствовать на его шестидесятилетии. Зал филармонии был заполнен до отказа, и публика очень тепло встречала всех гостей, издали приехавших

поздравить юбиляра. Котэ сам вел свой вечер, и неизвестно, в чей адрес было высказано больше добрых похвальных слов - именинника или тех, кто выходил его приветствовать. Он создал такую непринужденную обстановку, что дежурным юбилейным речам не было места. Когда на сцену поднялись ветераны тбилисского «Динамо» - Борис Пайчадзе, Георгий Антадзе, Григорий Гагуа, - зал стонал от хохота, слушая их рассказы из футбольной жизни. Знаменитая Софиико Чиаурели, супруга Котэ Махарадзе, вынуждена была признать, что спортсмены в тот вечер переиграли актеров.

В репортажах Махарадзе уважительное отношение к футболу с большой буквы, к игрокам сочетается с чувством юмора, а легкий грузинский акцент оттеняет это сочетание, придавая особый колорит комментарию происходящих событий. Заставляя обратить внимание на самое интересное, комментатор как бы подводит зрителя к оценкам, но не навязывает их.

А иногда с экрана пытаются поучать, как надо было сыграть в том или ином случае, что следовало бы сделать тренерам. Мне это кажется вторжением в сферы компетентности специалистов. Правда, некоторые наши журналисты знакомы со спортом не просто визуально - за плечами собственные спортивные достижения, - и все-таки не могу (да, наверное, не только я) принять менторского тона, который порой проскальзывает в репортажах.

Не собираюсь оспаривать право телекомментаторов и всех журналистов судить о футболе, высказывать свое мнение, критиковать игроков и тренеров, ругать, наконец. Критика зачастую очень справедлива. Я хочу лишь сказать об ответственном отношении к слову, которое формирует мнение миллионов любителей футбола. Журналисту иногда кажется, что он все видит и знает лучше любого специалиста.

Вспоминается смешной случай с Мартыном Ивановичем Мержановым, первым редактором еженедельника «Футбол» (приставки «хоккей» он в то время еще не обрел), на чемпионате мира в Чили. Бразильцы тогда отказались от своей прежней расстановки игроков - 4 - 2 - 4 - и продемонстрировали новую тактическую схему - 4 - 3 - 3.

Новшество сразу же отметили все тренеры-наблюдатели. Только Мартын Иванович никак не хотел его замечать.

- Ничего подобного, - неистово спорил он, - бразильцы не тронули прежней схемы.

- Посмотрите на Загало, - показывали мы ему, - разве не видите, что он отодвинут в среднюю линию и уходит даже глубже к своим воротам?

- Ничего подобного, это эпизоды!..

Когда после финального матча, в котором бразильцы выиграли у сборной Чехословакии, снова зашел разговор о новинке, Мартын Иванович даже покраснел от гнева.

- Хватит! Я еще раз убедился в том, что наши тренеры ни черта в футболе не смыслят!

Мы не обижались на горячего Мержанова. «Неистовый Мартын» - звали его между собой. Он прошел войну, был в поверженном Берлине. После войны сколачивал корпус спортивных журналистов. Создал и выпестовал еженедельник. Но и его, знатока футбола, тоже, случалось, заносило.

Мы воспитаны на уважительном отношении к нашей прессе. Это правильно: надо уважать чужую работу, как свою, уважать болельщика, который ждет информации.

Рассказывали, что Круифф однажды заявил, когда его попросили об интервью: «Пожалуйста, но заплатите мне. - И объяснил обескураженному корреспонденту: - Вы ведь за эту работу получаете деньги. Так почему я должен тратить задаром свое время?» У нас просто невозможно подобное деляческое отношение к представителям радио, газет, журналов.

У меня контакт со многими спортивными журналистами. Ценю их стремление поглубже разобраться в предмете, о котором приходится писать, такт. Будучи тренером сборной, всегда шел навстречу просьбам об интервью перед важными играми или после, считал, что обязан ответить на вопросы, которые многих интересуют, пока не последовало одергивания со стороны одного руководящего товарища: «Что вы направо и налево раздаете интервью и красуетесь на экране?» Меня это неприятно удивило, и с той поры нередко отвечал на предложения выступить по телевидению или высказаться на страницах газеты: «Согласуйте с моим руководством...»

Но ведь это, в конце концов, смешно! От работников Управления футбола пресса должна получать самую широкую информацию. О футболе всегда ходит немало разных толков, слухов, сплетен, именно из-за отсутствия достоверных сведений. И о теневых сторонах футбольной жизни должны открыто говорить не только

журналисты, но и управленцы. Не делать вид, что они ни о чем не ведают, ничего предосудительного не замечают.

В последнее время печать все больше и больше обращает взгляд на острые проблемы спорта, широкая гласность - хочется в это верить - поможет справиться со многими застаревшими болезнями нашего футбола.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

Нередко приходится быть свидетелем и участником острых дискуссий: когда играли лучше - тогда, в сороковые-пятидесятые, или сейчас?

Валерий Лобановский во время очередного спора сказал, что нынешнее московское «Динамо» запросто обыграло бы знаменитых послевоенных одноклубников. Я спросил: на чем же основана его уверенность? На более совершенной подготовке, расстановке, технике... Действительно, если все это учесть, то, вполне возможно, «дети» обыграли бы «отцов». Ну а если бы тех, чьи имена стали историей футбола, готовить по нынешней системе?

- Тогда конечно бы!.. - сдался Валерий Васильевич. - Тогда и говорить нечего! Они же личности!

Думаю, что выдающимся игрокам моего поколения или поколения Стрельцова и Иванова немного нужно было бы времени, чтобы адаптироваться к нынешним нагрузкам. Хотя не все бы их выдержали, не все бы «вписались» в сегодняшнюю игру.

Футбол идет вперед.

Героями чемпионатов мира 1958 года, 1962-го стали бразильцы, поразив всех тактическими новинками. В 1966 году англичане преподнесли игру без флангов. Это тоже для многих явилось неожиданностью, и сборная Англии стала чемпионом мира. В 1974 году заставили говорить о себе голландцы, показав тотальный футбол: на протяжении всего матча идет скоростная маневренная игра, функции игроков постоянно меняются...

Все наши ведущие тренеры хорошо понимают, что футбол идет по пути интенсификации. Необходимо увеличивать плотность занятий, их интенсивность, чтобы футболист в течение девяноста минут смог сохранить высокую скорость. К этому надо прибавить все остальное - скоростную технику, игровое мышление.

Команда должна навязать сопернику свой темп, свою манеру, заставить его ошибаться. Но до каких пор будут повышаться скорости, увеличиваться нагрузки? До тех пор, пока существует в спорте соревновательное начало. А оно не исчезнет.

Спортивные рекорды все время бьют и бьют. Возможности человека неограниченны, во всяком случае, их предел неизвестен. Может быть, со временем кто-то одолеет 100 метров за восемь секунд? А может, это уже из области фантастики...

Сегодня большой спорт - тяжелый черновой труд, и тот, кто хочет добиться высоких результатов, должен через него пройти.

Спорт, наверное, не вернется к прежнему любительскому уровню. И хотя девиз Олимпийских игр - «Главное не победа, а участие», вряд ли кто о нем вспоминает, собираясь на Олимпиаду. Везде и всюду, в любой спортивной державе прежде всего подсчитывается, какое количество очков и медалей можно выиграть в том или ином виде спорта. И цель напряженной подготовки - выиграть во что бы то ни стало!

На встречах с любителями футбола раздаются тревожные вопросы: «Не идет ли интенсификация игр, тренировок в ущерб личности, ее развитию? Согласитесь, раньше среди футболистов были такие интересные люди... Хотя бы в прежнем вашем «Спартаке»...

Прежние - нынешние, отцы - дети, мы - они... Кто лучше, кто интереснее? Вопросы сами по себе неверны. Можно сказать лишь одно: «они» - другие, не такие, как «мы».

Мы, к примеру, в их возрасте больше читали. Чаше ходили в театр. Все, что видели, обсуждали, испытывали в этом потребность. Может, потому, что жили посвободней? Ребята в той сборной, где я играл, не знали столь жесткого режима, как сегодня: тренировка, короткий отдых и опять тренировка.

Но нелюбовь к книге или нелюбовь к серьезной музыке нельзя объяснить нехваткой времени, усталостью. Мы больше читали, они больше времени проводят у телевизора, мы старались не пропустить нового спектакля, они неплохо знают мировое кино, крутят видеокассеты, коих у нас не было, смотрят киношедевры. Так что здесь скорее сказывается общее веяние времени, а не перемены в футболе.

И потом, личность развивается не в какие-то особые, свободные часы и минуты. В большой спорт человек приходит уже почти сформировавшимся. Здесь лишь оттачивается его характер. Футбол - испытание на мужество, стойкость. Сегодня это испытание труднее, чем вчера. Не все его выдерживают, но сильный становится сильнее.

Игра в команде - это еще и сложные взаимоотношения. Острые коллизии, коих достаточно в каждом матче, проявляют соперничество, борьбу самолюбий, индивидуализм и развитое чувство товарищества. Это все уроки. Человек учится лучше понимать другого, разбираться в его состоянии, его психологических возможностях, и в своих, разумеется, тоже. Учится самоанализу. Без этого не представишь совершенствования личности.

Есть расхожая присказка: «У матери было три сына. Двое умных, третий - футболист». Некоторых удивляет: «Смотри-ка, футболисты, а интересно размышляют, хотя всю жизнь лишь пинали мяч ногой...» Далекий от футбола человек не уловит связи между игрой и развитием ума, характера, душевных свойств, а она существует. Правда, здесь, кроме плюсов, наблюдаются и издержки, как всюду.

...Сборная едет на игру. В автобусе тихо. Все молчат, а состояние, знаю, у всех разное. Всматриваюсь в ребят. Нет среди них похожих на Дементьева, Боброва, Сальникова или Нетто... Другие люди, другие футболисты.

Старые киноплёнки, записи игр чемпионатов 1954 года, 1958-го, они воспринимают с улыбкой, как мы воспринимаем старые добрые фильмы. Красиво, романтично, знаменитости на поле, их имена им известны, но пока кумир минувших лет примет мяч, да пока его обработает... Сегодня так не пойдет!

Моим блистательным партнерам приходилось доверять лишь своей интуиции, таланту. А сейчас точно просчитывается игровая деятельность команды и каждого игрока - сколько раз он владел в процессе игры мячом, сколько раз ошибался. Мы, естественно, не могли заметить всех собственных ошибок и ошибок товарищей, а нынешние ребята смотрят от начала до конца многие свои матчи в записи, видят себя со стороны. Так же изучают соперников, состояние мирового футбола, его достижения. Нам об этом даже мечтать не приходилось.

Сегодняшний игрок располагает полной информацией о себе - своем функциональном состоянии и игровой деятельности в каждом матче. Это знание помогает ему регулировать тренировочную работу.

Олегу Блохину далеко за тридцать, а он продолжает играть и неплохо. Не хочу быть предсказателем, но, думаю, что еще не один сезон он будет выходить на футбольное поле.

Как спортсмен, он не может не вызывать уважения. Серьезен, требователен к себе. Умеет отказаться от многих соблазнов ради дела.

Рекорды Блохина останутся в футболе на долгие годы. Однажды я сказал ему, что он имел бы на своем счету больше забитых мячей, если бы играл на острие атаки. Олег и согласился и возразил: «Я обеднил бы свою игру». Он игрок разноплановый. Старался во многом следовать Круиффу, играть в его духе. Не стремился к личным рекордам - играл прежде всего на пользу команде.

Многие его голы могут войти в футбольную хрестоматию, стать наглядным пособием по искусству футбола.

Характер Блохина непростой. Сказывается многолетнее напряжение. Только за сборную страны он сыграл более ста матчей. Все переживает острее, чем кто-либо.

В первый день на сборе обычно видишь его недовольное лицо. Будучи еще тренером сборной, всегда старался подойти к нему: «Как настроение?» - спрашивал и заранее готов был к жалобам на колено, радикулит, голеностоп: «Ни дна, ни покрышки всем этим «радикам», «галикам» - все мучает!» Я уже знал, надо внимательно выслушать и сказать: «Но ты же боец! Ведь ты же все равно выйдешь на поле и сыграешь. Болит не болит, ты должен играть». И знал, он рассмеется в ответ, разведет руками. Это напоминало нехитрую детскую игру с давно известными правилами.

Сразу же по приезде на базу он спрашивал: «Где доктор?» Первым приходил к доктору, последним уходил. А начинал тренироваться, играть - все забывал. Свойство таланта, оказавшегося в своей стихии.

И все-таки в жизни каждого выдающегося спортсмена наступает тот трудный момент, когда время уже не работает на него. На смену приходят молодые, и ты уже не всегда попадаешь в основной состав команды. Олег не много играл на чемпионате мира в Мексике, играли больше другие футболисты. Но надо отдать должное Лобановскому - он бережно относился к его психологическому состоянию и его авторитету. Блохин - это Блохин! Многим до него еще надо дорасти.

К осени 1986 года он набрал хорошую форму, участвовал в отборочных играх чемпионата Европы. Сыграл со сборной Исландии, вышел на замену во Франции. Хорошо готовился к матчу с Норвегией и был уверен, что его включат в основной состав команды.

Мы, как всегда, раздали анкеты, чтобы каждый игрок назвал свой вариант состава, и вдруг увидели, что Олег по количеству голосов не попадает в число одиннадцати. Это определило и решение тренерского совета.

Мы поговорили с каждым, кто должен был выйти в стартовом составе, а затем стали приглашать на беседу тех игроков, которые оказались в резерве.

Олега Блохина решили не вызывать, чтобы не ранить его самолюбия.

Объявили состав команды, поехали на игру. Все уже переоделись, отправились на разминку. В раздевалке остались запасные. Желая успокоить Блохина - естественно, не мог он не расстроиться, не услышав своей фамилии, - подошел к нему:

- Думаю, Олег, ты сегодня обязательно выйдешь на поле и забьешь гол.

Последовала неожиданная резкая реакция.

- Да бросьте вы! Зачем вы меня сюда привезли? Я потерял неделю, лучше бы провел ее с семьей!

Я все-таки пытался пробиться сквозь обиду:

- Сегодняшний матч без тебя наверняка не обойдется. Не с таким же настроением играть...

Блохин вышел на поле на двенадцатой минуте, хорошо провел игру и забил гол. Настроение у него изменилось.

- Ну, вот, а ты кипятился, - заметил я ему.

- Но ведь вы, старший товарищ, могли со мной заранее поговорить?!

Олег был прав: в заботе о нем мы и себе облегчили жизнь, избежав трудного объяснения. Я извинился и заверил - впредь буду тактичнее.

В 1975 году он был признан лучшим футболистом Европы. А в 1986 году этой чести был удостоен другой игрок нашей сборной Игорь Беланов.

Беланова я знал еще по «Черноморцу». Какое-то время он играл за СКА (Одесса). Потом убедили его вернуться в родную команду.

Меня подкупала его скорость. Правда, в ту пору как игрок он был еще сыроват. Ему необходимо было оттачивать индивидуальное мастерство, иначе сложно действовать в условиях плотной обороны соперника. Характер у него упорный, упрямый, но работать с ним было очень интересно, и работали мы на тренировках много. Результаты не заставляли себя ждать. А полностью он раскрылся уже в киевском «Динамо». Когда Игоря пригласили в эту команду, уязвленная футбольная Одесса острела: «И куда он идет? У Лобановского через шесть тренировок его увезут в реанимацию». Все были наслышаны о высоких нагрузках, высоких требованиях тренера киевлян.

Беланов адаптировался к ним. Поначалу, как говорил Валерий Васильевич, ему было чрезвычайно трудно, хотя из гордости в этом не признавался.

Незауряден, нестандартен и Александр Заваров. Сопернику нелегко к нему приспособиться именно в силу нестандартности: не знает, чего ожидать от Заварова в следующее мгновение. То ли он пойдет в обводку, то ли отдаст мяч и снова откроется. Так же играют Яковенко, Хидиятуллин в московском «Спартаке», Алейников в минском «Динамо». Это творческие, мыслящие футболисты. Современный футбол идет не только по пути интенсификации, но и развития игрового мышления: мгновенно оценить ситуацию, мгновенно принять решение.

Сегодняшние успехи Заварова все видят, но можно с уверенностью говорить и об успехах будущих не только потому, что он молод. А потому, что сумел добиться победы, пожалуй, самой трудной - победы над собой.

После первых удачных шагов в футболе сорвался. Закрутили приятели-собутельники. Стал нарушать режим. Был дисквалифицирован и потерял два года. И все-таки справился с собой, поднялся - за это можно уважать. Великолепно сыграл в отборочном матче чемпионата Европы со сборной Франции. Вызвал восторг стадиона «Парк де пренс», французской прессы. На следующий день после игры подошел ко мне:

- Никита Павлович, вы, наверное, забыли, как отстаивали меня на спортивно-технической комиссии, когда решался вопрос, быть или не быть мне в футболе? Говорили, способный, подающий надежды, надо поверить ему, дать возможность исправиться... Спасибо вам.

Не скрою, был тронут. Но главное вовсе не во мне. Порадовала ответственность, с какой он отнесся к доверию, и способность к проявлению добрых чувств. Это немало для человека.

Сегодня они знамениты, на виду, на хорошем счету в мировом футболе. И Валерий Лобановский как опытный тренер следит, чтобы в команде не появились признаки «лучистой» болезни - завышенные самооценки, самомнение: «Их же без конца сравнивают то с Марадоной, то с Платини - где мальчишкам устоять?»

Но и сам старший тренер сборной страны и клубной команды «Динамо» (Киев) сегодня на виду. К нему приковано внимание журналистов, специалистов.

На семинаре тренеров в Италии, который провела в 1986 году национальная федерация футбола (собрались такие величины, достигшие высот тренерского искусства, как Теле Сантана, Карлос Билардо), Лобановского дотошно расспрашивали о его программе, основных принципах подготовки команды.

Мне пришлось выступать на аналогичном семинаре в Югославии с рассказом о работе наших ведущих тренеров, и тоже было немало вопросов о методике Лобановского. Она вызвала интерес, но возникли и сомнения. Один из тренеров сказал: «Безусловно, в той работе, о которой вы сообщили - короткой и мощной, - кроются большие возможности для успеха. Но такая подготовка, очевидно, быстро изнашивает организм, и некоторые футболисты раньше обычного закончат выступать. Не все такое выдержат». На что я ответил: Блохин играет больше семнадцати лет и десять из них готовился под руководством Лобановского.

Конечно, работа нелегкая, что и говорить, не для каждого. Так что идет отбор - остаются сильные, сильнейшие, с хорошими физическими возможностями, с крепким характером.

На тренировке как бы уже создаются условия матча, тот же самый режим. Все тактические упражнения выполняются на максимальной скорости.

Иногда минут за двадцать до конца игры видно, одна команда «садится», как мы говорим, «плывет», а другая в том же состоянии, что вышла на поле, и превосходит соперников в движении.

Не в одночасье родилась его система - за ней опыт, знание мировых достижений футбола, тенденций его развития, - и не сразу все прокричали одобрительное «ура!». Во всяком случае, многие ведущие игроки киевского «Динамо» поначалу ее приняли в штыки. Стоял даже вопрос, работать там Лобановскому или не работать. Но он сумел заставить игроков поверить в то, что предлагает. И успехи команды показали: тренер прав. Пополняя свою клубную команду, Валерий Васильевич прежде всего обращает внимание на скоростные данные футболиста, характер. Все остальное привьет и прежде всего - способность адаптироваться к высоким нагрузкам. Приглашает не только игроков уже сформировавшихся и проявивших себя. Так поступают в московском «Спартаке», московском «Динамо» и других сильных клубах, тренеры которых способны вывести своих воспитанников на высокий уровень.

Вполне понятно, что сегодня многие стремятся попасть в киевское «Динамо» - из-за высокой марки команды, ее международного авторитета. И уже не пугают разговоры о суровости ее тренера, авторитарности.

Суров ли Валерий Васильевич Лобановский на самом деле? Суров. Авторитарен ли? Авторитарен. Но подобные определения еще ни о чем не говорят. Любое абстрактное (назовем это так) человеческое свойство по-разному преломляется в личности.

Валерий Васильевич не терпит беспорядка даже в мелочах, малейшего нарушения дисциплины. Никому никаких поблажек, невзирая на имена и заслуги. Но я никогда не слышал, чтобы он кого-то оскорбил или унизил.

Глубоко интересуюсь медициной, психологией, внимателен к состоянию игроков. Проводит регулярные собеседования. Так и в клубе, и в сборной. Иногда просит меня поговорить с кем-то из ребят, считая, что мое влияние будет более действенным. Никаких амбиций - на первом плане интересы дела.

Валерий Васильевич умеет советоваться с коллегами, умеет их выслушать. Принимает убедительные доводы по составу команды, по игровым концепциям. Последнее слово за ним, так и должно быть. Но, как всякому творческому, постоянно ищущему человеку, ему чужда безапелляционность: «Мое мнение единственно верное, потому что оно мое!..»

Старший тренер Лобановский считает обязательным для себя прислушиваться к слову игроков. В сборной страны создан актив. В него входят футболисты, кандидатуры которых назывались при выборе капитана - Демьяненко, Заваров. Дасаев... Перед матчами непременно выясняется их мнение по составу команды, по тактике. Проводится анонимное анкетирование: каждому дается чистый лист бумаги и каждый пишет свой вариант состава команды, учитывая и состояние игроков, и особенности соперника, с которым предстоит встретиться. Мы смотрим, подсчитываем, кто сколько голосов набрал. Многие вопросы решаются в коллективе без вмешательства тренеров. Сделав установку перед игрой, они обычно уходят, давая возможность самим игрокам поговорить о предстоящем матче. О состоянии команды, ее коллективистском духе свидетельствует хотя бы тот факт, что результаты анонимных анкет совпадают с тем мнением, которое потом каждый футболист открыто высказывает тренерскому совету. Значит, выраженная позиция объективна, продиктована не личными симпатиями и антипатиями, а интересами дела.

...На чемпионате в Мексике журналисты меня спрашивали, почему столь неохотно идет на общение старший тренер советской сборной Лобановский? Многие жаждали услышать его мнение по разным поводам, а он нередко уклонялся от встреч: «Не о чем говорить...» И в пресс-конференциях обычно участвовали Сергей Михайлович Мосягин, Юрий Андреевич Морозов и я. Не могу сказать, что Валерий Васильевич замкнут по натуре. Но заметил, что многие творческие люди не хотят заранее обсуждать то, что еще не состоялось, высказывать предположения. Чувствую, что и Лобановскому важнее лишний раз «прокрутить» все в себе. Можно ли его за это осуждать? На интервью после игр идет охотнее.

Многие из тех, кто хоть немного знает Лобановского и меня, задают свой вопрос: «Как вы работаете вместе? Как уживаетесь? Вы же совершенно разные люди!» Но Константин Иванович Бесков и Николай Петрович Старостин - тоже не близнецы, а много лет успешно сотрудничают и, наверное, хорошо дополняют друг друга. На чемпионате мира в Испании работали вместе в одной команде Лобановский, Бесков, Ахалкаци - и в них обнаружишь не много сходства.

А у наших взаимоотношений с Валерием Васильевичем своя история.

В 1978 году, когда я тренировал сборную страны, возникла идея, чтобы Валерий Лобановский пришел в команду в качестве моего помощника. Это было неожиданным для меня, и, подумав, я ответил руководству: «Как вы мыслите себе наше сотрудничество, если у нас совершенно разные взгляды, разные концепции подготовки команды и игры? Мы, наверное, будем постоянно конфликтовать. Из этого ничего путного не выйдет». Про себя отметил и несовместимость характеров. Лобановский виделся мне тогда излишне сухим, жестким.

Валерий Васильевич, присутствовавший при разговоре, молчал, но в какой-то момент кивнул головой: «Пожалуй, Никита Павлович, вы и правы».

Через год мы случайно встретились в поезде - ехали из Киева в Москву. До полуночи проговорили. Лобановский прекрасный собеседник - знает литературу, интересуется искусством, архитектурой. Естественно, не ушли мы и от футбольных тем. И вдруг он сказал: «Все-таки мы с вами могли бы сотрудничать, могли бы вместе работать. И неплохо». Я уже не повторил категорического «нет». И в 1983 году, став старшим тренером сборной, Валерий Васильевич пригласил меня начальником команды.

Наблюдать человека на расстоянии, слушать разговоры о нем - это одно, а увидеть его непосредственно в деле - уже другое. Мне нравится четкость Лобановского, порядок на тренировках, последовательность, с которой он проводит в жизнь свою программу. Можно соглашаться с ней, не соглашаться (я, например, в какие-то моменты спорю с Валерием Васильевичем), но, несомненно, его система в целом приносит результаты.

Поработали мы недолго. Вскоре нас вместе уволили. В решении коллегии было записано: «Считать нецелесообразным дальнейшее использование т. Лобановского и т. Симоняна в работе со сборными командами...»

Как-то вспомнили давний разговор в поезде, и Валерий Васильевич сказал, ему важно было тогда, что я не отверг возможности совместной работы. А мне было важно то достоинство, с каким он встретил свое разжалование. Вместе написали заявления. Я просил одновременно освободить меня и от работы в Управлении футбола. Мы могли открыто и честно смотреть в глаза друг другу. Работали с полной отдачей, и нам не в чем друг друга упрекнуть. Но в футболе часто всем распоряжается судьба.

События перед этим разворачивались так. Предстояла ответственная игра с Португалией. Сборная Польши, можно сказать, без всякого сопротивления сложила оружие перед португальцами у себя на поле, поэтому наша встреча с ними решала, кто выйдет в финал чемпионата Европы.

Неожиданно Валерий Васильевич заболел. Болезнь почему-то вызвала разные толки. Родилось даже подозрение, не манкирует ли старший тренер, не хочет ли избежать ответственности?

Меня командировали в Киев - удостовериться, действительно ли так серьезно состояние его здоровья. Малоприятная миссия, но я поехал, не сомневаясь, если Лобановский лег в больницу, другого выхода не было.

Дал знать о себе камень в почках, начались дичайшие боли. Врачи объяснили мне, помочь может только операция, а Лобановский от нее отказывается, так как должен ехать в Португалию. Поэтому ему назначили препараты, которые могут снимать боль часов на двенадцать.

В Москву мы возвратились вместе. Команда продолжила подготовку, как всегда - по сложной тренировочной программе. От своих требований Лобановский не отступал, и игроки были в хорошем состоянии, несмотря на то, что на дворе стоял ноябрь, когда у футболистов накапливается усталость после сезона. Помню, приехал в Новогорск, на базу, Лев Иванович Яшин, посмотрел тренировку и был очень удивлен - игроки летали на поле. «Слушай, - сказал мне, - у них такое боевое настроение, что лучшего просто желать нельзя».

В Португалии мы попали под проливные дожди, на тяжелое поле, раскисший грунт, но продолжали работать, как в Новогорске. И тем не менее уступили португальской сборной. Не могу сказать, что играли хорошо, хуже, чем рассчитывали. Но исход встречи решил несправедливо назначенный одиннадцатиметровый.

К сожалению, борьба идет не только на футбольном поле. У нас не было достаточного преимущества в поединке, но проиграли мы и в кабинетах, в штаб-квартире УЕФА при назначении судей. В этой организации, как и в ФИФА, есть наши представители, они должны знать и чувствовать расстановку сил, знать арбитров.

Судил встречу француз Конрад. В последний раз он выходил на поле, можно уже было не думать о репутации. И без сомнения, португальская сторона постаралась его заинтересовать. Ведь выход в финал Европейского чемпионата давал не менее 400 тысяч долларов в кассу национальной федерации. (С той поры сумма возросла до двух миллионов.) Французская сторона - финальный турнир чемпионата должен был проводиться во Франции - тоже была заинтересована, чтобы победу одержала португальская сборная. Это обеспечивало большой приток туристов из Португалии. И действительно, их было двадцать тысяч. Из нашей страны прибыло бы не больше ста.

Когда судья вопреки правилам (нарушение произошло в метре от штрафной площадки) назначил одиннадцатиметровый, один знакомый французский специалист сказал мне: «Удивляюсь, как ваши могли пойти на то, чтобы игру судил мой соотечественник? Несложно было все рассчитать».

Спорт не свободен от политики, нередко приходится предупреждать игроков: отношение судей будет предвзятым. Идет борьба двух систем, и не раз мы убеждались, что она отражается и на борьбе спортивной - необъективное судейство, заниженные оценки, которые порой выставляют спортсменам СССР и социалистических государств.

Мы ощутили такое отношение на чемпионате мира в Швеции, в Мексике, в 1970 году, в матче против уругвайской команды, на чемпионате 1986 года, тоже в Мексике. Собственно, все это не ошеломляющие новости, но заранее настроиться психологически на нарушение спортивных законов трудно, тут не успокоишь себя расхожей житейской философией: «Бывает, что делать?»

...Подавленные, мы вернулись из Португалии. Оргвыводы не заставили себя ждать. Тогда и родился документ «...считать нецелесообразным дальнейшее использование...». Почему я вспоминаю об этом? Все должно бы былшем порости. Тем более что через два года была отброшена частица «не» и «использование» упомянутых в строгой бумаге лиц снова сочли целесообразным. Валерий Лобановский снова стал старшим тренером сборной страны и опять предложил мне работать вместе.

Дело тут вовсе не в каких-то затаенных обидах, а в методах, стиле управления футболом, который сложился за многие годы, в истории нашей сборной команды, от которой все ждут побед и только побед. Не припомню ни одного чемпионата, в итогах которого разобрались бы спокойно и трезво. Летели головы, сыпались выговоры. Действовал нерушимый принцип: проиграл - уступи место другому.

Здесь стоит вспомнить примеры из жизни федераций других стран. Сборной ФРГ в течение двадцати пяти лет руководил Зепп Гербергер. Потом его сменил Хельмут Шён, его помощник, и тоже оставался на этом посту тринадцать или четырнадцать лет. Если бы в 1978 году, когда сборная Италии не очень успешно выступила на чемпионате мира в Аргентине, уволили бы Энцо Беарзота и передали команду новому тренеру, который начал бы формировать ее по-своему, не знаю, выиграла ли бы она чемпионат мира 1982 года.

А мы не давали тренерам сборной возможности искать, работать, шлифовать команду - не хватало терпения ждать. Они просто-напросто не успевали оглядеться, как уже чувствовали, что над ними сгущаются тучи.

В 1978 году, когда я возглавлял сборную, шли отборочные матчи чемпионата Европы. Мы сыграли вничью с командой Финляндии. Результат мог бы быть лучше, если бы накануне не выбыли из-за травм Блохин, Гуцаев, Шенгелия... В строю не осталось ни одного основного нападающего. Выйдем мы в финал или не выйдем, решала теперь встреча с командой Греции. Но к ней уже не я готовил игроков. Для меня решающим оказался матч с финнами. В причины ничьей не вникали. Мне просто сказали: «Вам лучше сдать свои полномочия».

Вместо меня был назначен Константин Иванович Бесков. Крупный специалист, один из ведущих наших тренеров. Он тут же переключил состав команды. Не осуждаю и не обсуждаю его действий - каждый тренер должен поступать только так, как находит нужным. В Греции наша сборная проиграла, но спросить уже было не с кого. Бесков только что пришел, я - освобожден. Зато руководители в любой момент могли сказать: мы приняли все меры. Абсурдная ситуация.

Надо сказать, Константин Иванович Бесков создал хорошую команду. Иначе и быть не могло: он тренер высокого класса. Автократ, как и Лобановский. Но у них совершенно разные взгляды на принципы подготовки

команды, ведения игры. В основе работы Бескова игровой метод, в основе тренировок - игровые упражнения. Большое внимание он уделяет культуре паса, четкости, своевременности передач.

Бесков добивается, чтобы команда даже плотный заслон преодолевала точными короткими и средними передачами, игрой в стенку, выходом на свободную позицию, хитроумными комбинациями. Так играет сегодня «Спартак», и его сразу, надень игроки любую форму, отличишь по стилю от других команд. Футболисты, которые приходят к Константину Ивановичу, еще ничем себя не проявив, через короткое время начинают удивлять высоким классом игры. Кажется, был серым, бесталанным и вдруг заблистал. Но, разумеется, не «вдруг».

Под руководством Бескова наша сборная великолепно провела отборочные матчи чемпионата мира 1982 года. Показала хороший, комбинационный, результативный футбол.

В финальном турнире команду постигла неудача - ничья с польской сборной, которая вывела Польшу в следующий этап соревнований, а нас оставила за бортом. Досадно! Но тем не менее специалисты поставили нашу команду на пятое место, что не так уж и плохо. Она достойно сыграла с бразильцами, с шотландцами... И разумно, наверное, было бы сказать после разбора итогов чемпионата: «Константин Иванович, продолжайте работать». А Бескова, человека, который уже занял прочное место в истории советского футбола, высекли на коллегии Спорткомитета как мальчишку.

В 1983 году неожиданно для многих специалистов старшим тренером сборной назначили Малофеева.

При всем моем уважении к Эдуарду Васильевичу, хорошему клубному тренеру, я не уверен, что он в то время уже был готов к работе со сборной - это несколько иная роль. И тем не менее его освобождение в самый канун чемпионата мира 1986 года всех ошеломило.

Здесь встает вопрос об ответственности руководителей, которые одних спешно снимают, других столь же спешно назначают. Отношение к неудачам - будь то игрок или тренер - должно быть прежде всего профессиональным. Уверен, если бы всегда стояла задача разобраться в сути случившегося, проанализировать ситуацию с профессиональной стороны, не так часто летели бы головы тренеров.

Известный спортивный журналист Лев Иванович Филатов вывел однажды очень точную формулу тренерской судьбы: «То фавор, то опала». Но, может, в этом и мы, тренеры, виноваты? Не научились отстаивать свое достоинство и защищать свое дело от вторжения далеко не всегда разумного. Нет у нас цеховой солидарности.

Инерция проработок настолько велика, что когда после мексиканского чемпионата к выступлениям сборной отнеслись с пониманием (мы заняли десятое место, что, конечно, не назовешь успехом, но были яркие игры, и их оценили), многие разводили руками: «Как же так, после Испании сняли тренеров, а сейчас за десятое место чуть ли не хвалят?»

Неудачи - это уроки, прибавляющие опыта, и хорошо, что тренерам наконец дали возможность разобраться в них, работать дальше, исправлять положение.

Мы тщательно анализировали итоги чемпионата, много раз возвращались к матчу с Бельгией. Почему игроки линии обороны допустили такие ляпсусы? Мы были уверены в их грамотности, умении собраться в сложной ситуации и, наверное, не убергли их от самонадеянности.

Вспоминаю сейчас разговор в Ирапуато (в этом маленьком городке мы жили во время мексиканского чемпионата) с Игорем Белановым и Иваном Яремчуком. Еще не было известно, с кем предстоит нам играть, - с Бельгией, Болгарией, Парагваем или Марокко, и я спросил у ребят, какой соперник предпочтительней.

- Какая разница, кого обыгрывать? - весело ответил вопросом на вопрос Иван.

- Ну, самонадеянные мальчишки, смотрите! Проиграете - получите по шее.

Может, мне к его словам стоило отнестись серьезней, не как к шутке?

После матча Яремчук подошел ко мне, опустил голову и сказал: «Бейте!» Но уже было поздно.

В конце года на чествовании киевского «Динамо», когда футболистам вручали золотые медали чемпионов страны, я снова вернулся к тому разговору: «Признайтесь, вы были чересчур уверены, что обыграете Бельгию». Они ответили: «Да, не сомневались в победе: настолько невыразительно играли бельгийцы...»

Мы пытались повлиять на них во время игры, пытались подсказывать, увидеть, что оборона дает трещины. Кричим Демьяненко: «Толя, скажи ребятам - повнимательней в обороне! Ты понял?» Он кивает в ответ головой:

«Да, да», - и продолжает делать то же самое. Это бывает, когда функциональные, нервные возможности игрока настолько исчерпаны, что он уже не в состоянии перестроиться, теряет контроль над собственными действиями.

К сожалению, ни один матч повторить нельзя. Расплачивались за ошибки мы, бразильцы, датчане, итальянцы, французы... И совершенно по-другому в октябре того же года наша сборная вышла на отборочный матч чемпионата Европы со сборной Франции, сильнейшей командой континента. Даже то, что стадион «Парк де пренс» за последние восемь лет не видел ни одного поражения французской сборной - факт психологически очень важный, - не снизило боевого настроения наших игроков. Они вышли на поле с чувством собственного достоинства. Готовы были провести игру с именитым соперником, чемпионом Европы, не просто на равных, а постараться обыграть его.

Надо отдать должное французским футболистам - они играли хорошо. Французские журналисты выставили им по десятибалльной системе высокие оценки, что вполне справедливо. Справедливо оценили они и советскую сборную: в этот день она была сильнее.

Очень скрупулезно, внимательно мы отнеслись к построению игры, ее плану. Он оказался верным, ну а претворили его игроки. Александр Заваров был на уровне мировых звезд. Если бы он так сыграл на чемпионате мира в Мексике, безусловно, вслед за Марадоной был бы признан футболистом номер два.

...Тренерская работа с каждым годом усложняется. Она находится сегодня на стыке многих наук - педагогики, психологии, медицины, физиологии... Ценному результату в науке всегда предшествует серия кропотливых экспериментов, и не всегда они идут по восходящей, не все по прямой приближают к цели. А тренеру не отпускается времени на поиск. Принял команду - немедленно докажи свою состоятельность победами. Но уровень футбола давным-давно уже не тот, когда можно было за короткое время «натаскать» любого игрока.

Я не оправдываю всех тренеров. Бывает, что иного нашего коллегу после некоторых успехов так заносит, что он перестает чувствовать почву под ногами. Бывает, тренер не находит общего языка, взаимопонимания с командой, и его «снимают» сами игроки. Заявляют, что не могут с ним работать - груб, деспотичен, унижает человеческое достоинство. Или наоборот - слишком мягок, либерален, развалил дисциплину...

Но здесь опять возникает камень преткновения. Вдруг команда несправедлива? Вдруг это плохой коллектив, где каждый тянет одеяло на себя, а вину за проигрыши валят на тренера? Ведь и такое случается. А тренер будет потом долго ходить без работы из-за плохой репутации: «Как же, как же, это тот самый, у которого команда взбунтовалась...»

Мое глубокое убеждение: клуб должен заключать с тренером контракт на определенный срок. Если же он расторгается раньше времени не по вине тренера, ему должны платить неустойку. Так он будет меньше зависеть от чьей-то воли «хочу - не хочу».

Когда Лобановского освободили от должности старшего тренера сборной, возник и вопрос - быть или не быть ему в «Динамо» (Киев). (Сейчас это видится странным и смешным, но Валерию Васильевичу пришлось в ту пору немало пережить.)

А когда в конце сезона 1984 года стало ясно, что выше десятого места киевским динамовцам не подняться - команда находилась в процессе становления, - футболистов начали вызывать к себе по одному спортивные руководители и вести беседы о личности тренера: как там у него насчет нагрузок, жесткости, не давит ли? Лобановский, без усталости работавший в это время на базе, знал о столь пристальном внимании к себе, и ждал решения своей участи.

После разговоров с футболистами ему сказали: вы даете слишком высокие нагрузки. Он же упорно отстаивал свою программу: «Я еще работаю? Тогда позвольте мне делать то, что считаю необходимым».

В 1985 году команда стала чемпионом страны, в 1986 году завоевала золотые медали и Кубок, на европейской арене выиграла Кубок кубков, и для Лобановского настало время дифирамбов...

Говорят, книги надо писать о вечном, а я вроде бы вытаскиваю отдельные случаи из-за футбольных кулис. Но разве профессионализм - отсутствие или присутствие одного в любом деле - не вечная тема? Сегодняшний уровень развития футбола требует профессионального подхода к любой его проблеме.

Уже давно ясно, что команды высшей и первой лиг не могут существовать на любительских началах. Да, в общем-то, и не существуют. Только эпитета «профессиональный» применительно к понятию «клуб» мы почему-то очень боимся: долгое время он был чем-то вроде ругательства. Это «у них» в футболе - профессионалы, а у нас... Но ведь и у нас не любители.

Наши болгарские друзья сегодня не стесняются сказать, что футбол - это не только игра, это - работа, людям платят здесь зарплату. Не святым же духом живет футболист, с утра до ночи проводящий время на тренировках, сборах, играх. Разумеется, речь идет не о баснословных суммах, которые получают покупаемые, перекупаемые зарубежные звезды. Это противоречило бы принципу социалистического государства - каждому по труду. Только этот принцип должен сегодня осуществляться четче - действительно по вкладу, по труду, в котором не последняя роль должна отводиться творчеству, инициативе.

На футбол сегодня тратится немало средств, но у большинства тренеров и руководителей команд голова не болит: пятьдесят тысяч зрителей собирают матчи или две тысячи - им все равно. А если бы существовал хозрасчет, он заставил бы думать о качестве игры, о том, чтобы народ заполнял трибуны, о рекламе, о членстве клуба - числе болельщиков, которые захотят поддержать свою команду.

Мы сейчас внимательно присматриваемся к организации профессиональных клубов. Вовсе не стоит что-то слепо копировать, но и ни от чего разумного и полезного отказываться не надо.

Футбол должен стать самокупаемым. Как организовать футбольное хозяйство, на каких экономических и юридических основах будут существовать клубы, вопрос пока нерешенный. Над ним работают экономисты, юристы. Обсуждаются принципы взаимоотношений игрока и тренера с клубом. Идет большая дискуссия. Она выливается на страницы прессы. Высказывают свое мнение специалисты, наши ведущие тренеры, журналисты. Каким будет клуб, покажет время, результаты эксперимента. А эксперимент необходим, иначе можно все сломать и ничего не построить.

Мы хотим побеждать, и путь к победе только один - неустанный поиск, работа.

* * *

«У них большие нагрузки... У них перегрузки...» - нередко говорим мы сейчас о футболистах. А я вспоминаю, как однажды вскипел Сергей Сальников, услышав, что кто-то в команде жалуется на усталость:

- Разве можно устать играть в футбол?

И я завидую сегодняшним ребятам. Их напряженной жизни, большому числу международных матчей, официальных, товарищеских, выпадающих на их долю. Мне не пришлось, к сожалению, участвовать в официальных европейских клубных турнирах - эти интересные соревнования проходили без советских команд. А мой родной «Спартак» мог бы, наверное, в ту пору посостязаться с лучшими европейскими командами.

Матчи в разных странах, матчи на чужом поле - непривычная обстановка, непривычный климат, разница во времени, трибуны, поддерживающие свою команду. И надо заставить себя отключиться от крика экспансивных болельщиков. Есть поле, соперник, игра...

Трудно играть в странах, где настроение стадионов во многом определяет антисоветская пропаганда. Игра становится уже событием не просто спортивным. И если трибуны вдруг выразят одобрение советской команде или одному из ее игроков - за мастерство, рыцарство, - это немало, значит, где-то удалось пробить стену вражды, отчуждения.

После иных матчей приходилось слышать от наших послов: «Вы сделали сегодня больше, чем несколько дипломатов за длительное время». И мы, тренеры, футболисты, храним чувство признательности к тем советским дипломатическим работникам, которые считали своим долгом встретиться с командой, рассказать о принимающей нас стране, ее народе, культуре, политической ситуации. Помимо полезных интересных сведений, это было еще и важной частью психологической подготовки к играм.

Расширяющиеся культурные связи, культурные контакты, международные спортивные состязания постепенно разрушили бытовавший миф о «сибирских дикарях». Сейчас уже не столкнешься с такими казусами, как, скажем, в начале, середине пятидесятых годов. Во время турне «Спартак» в Англию на обед нам подавали огромные куски мяса, едва помещавшиеся на тарелке. Хозяева, видно, решили, что русских «медведей» иначе не накормишь. Пришлось объяснять, что у нас вполне нормальный - человеческий аппетит.

Надо признаться, что и мы вели себя далеко не так, как сейчас. Держались довольно скованно, настороженно. Увидев в отеле на своих постелях под одеялами металлические снарядоподобные предметы, пришли в замешательство - не провокация ли? «Бомбы» оказались просто-напросто грелками. Юрий Седов, изучавший английский язык, пользовался любой возможностью поговорить с англичанами - о погоде, о спорте, и наш руководитель был немало обеспокоен: то ли он говорит, то ли отвечает на вопросы?

Времена переменялись, но далеко не везде представление о советском человеке соответствует истине, и часто еще слышишь удивленное: «Вы, оказывается, нормальные люди!»

В Италии, перед матчем сборной СССР с клубом «Рома», мне пришлось выступать по телевидению, по прямому каналу, и зрители по телефону могли задавать вопросы. Мне тотчас передавали их реакцию.

- Вы откровенный собеседник, это радует.

- А как вы относитесь к итальянцам? - спрашивали дальше. - Нас многие считают несерьезными, легкомысленными людьми, а вы что думаете?

- Вам можно только позавидовать, - ответил я, - вы умеете прекрасно петь, заразительно смеяться. Но разве можно считать несерьезным народ, создавший столь великие ценности культуры, искусства, шедевры мировой живописи, музыки?

Сказав, что думаю, неожиданно заслужил комплимент: вы, мол, вполне симпатичный человек.

Пришлось заметить, что в отеле остались более симпатичные ребята, и мне приходится только сожалеть, что пропаганда стремится представить советских людей грубыми нелюдимыми мужланами.

Взаимопонимание возможно при взаимном интересе друг к другу. Конечно, когда спортсмен выезжает за рубеж, он не может хорошо познакомиться со страной, народом. И все-таки всегда стараемся увидеть побольше.

Не забуду, какой урок преподавал мне однажды Гавриил Дмитриевич Качалин. Будучи в Англии, мы совершили экскурсию в Виндзорский замок. Устали, валились с ног. А когда вернулись в отель, Качалин предложил: «Никита, пошли в музей мадам Тюссо». Я ответил, не могу, падаю. «Эх, ты, - укоризненно посмотрел он на меня, - а я-то думал, ты любознательный парень!» Когда он потом рассказывал, что видел, я не знал, куда деться от досады. Хорошо, что выпал случай исправить оплошность.

В 1966 году в Москве была создана экспериментальная сборная команда. Ее тренером назначили Всеволода Константиновича Блинкова. Но он уехал наблюдателем на чемпионат мира в Англию, и руководить командой поручили мне. Мы поехали в Италию, на турнир в Сан-Ремо, выиграли его и отправились домой. Десять часов добирались автобусом до Милана, тряслись всю ночь, не спали, потом перелетели в Париж. В нашем распоряжении оказался почти целый день: самолет на Москву отправлялся на следующее утро. «Что будем делать? - спросил руководитель делегации Борис Васильевич Мякинков. - Дадим ребятам отдохнуть?» - «Нет, - отвечаю, - после завтрака пойдем на экскурсию. Может, никто из этих ребят в Париж больше никогда не попадет, а отоспится дома». Все приняли мое предложение, и только ростовчанин Коля Гончаров запротестовал: «Я спать хочу! Почему я должен куда-то идти? Что за насилие?»

Может, действительно это было насилием над личностью, но по Парижу я Колю все-таки повел вместе со всеми. Мы побывали в Лувре, в Нотр-Дам де Пари, на площади Согласия, погуляли по Елисейским полям... В отель буквально приползли, и всю дорогу Коля ворчал, а я говорил ему: «Вот вернешься в Ростов, и тебя непременно спросят, что ты видел в Париже? Да тебя же на смех поднимут, если ответишь - спал!»

После возвращения, когда мы вновь встретились, Коля сказал: «Какое же вам спасибо! Дома меня сразу обступили: расскажи про Париж, как он выглядит? И я им столько рассказал, и все так интересно...»

В мексиканском городке Ирапуато никогда прежде, до чемпионата мира, не видели советских людей, и хозяин отеля Энрике был поначалу очень насторожен, пока не сделал открытия: «Какие вы простые добрые люди!»

Быстро разнеслась весть о доброжелательности наших ребят, и к отелю все время стекались люди - поговорить. Нас всегда встречали после тренировок, после матчей. Включив однажды утром радио, мы услышали на чистейшем русском языке: «Ирапуато приветствует вас, советские спортсмены! Ирапуато болеет за вас, советские футболисты!»

Жители городка болели за свою родную мексиканскую команду и за советскую сборную. После матча с Бельгией - причиной проигрыша, как известно, были не только наши ошибки, но и несправедное судейство - у отеля собралась большая толпа. Подошел наш автобус, и нам начали аплодировать, выражая таким образом искреннее сочувствие, поддержку.

Когда наша команда уезжала, вся семья Энрике плакала. И многие плакали, провожая нас, долго не расходились...

Это тоже футбол.